

УРАЛЬСКИЙ N 6 (576), 2005
Следопыт
РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ ISSN 0134-241X

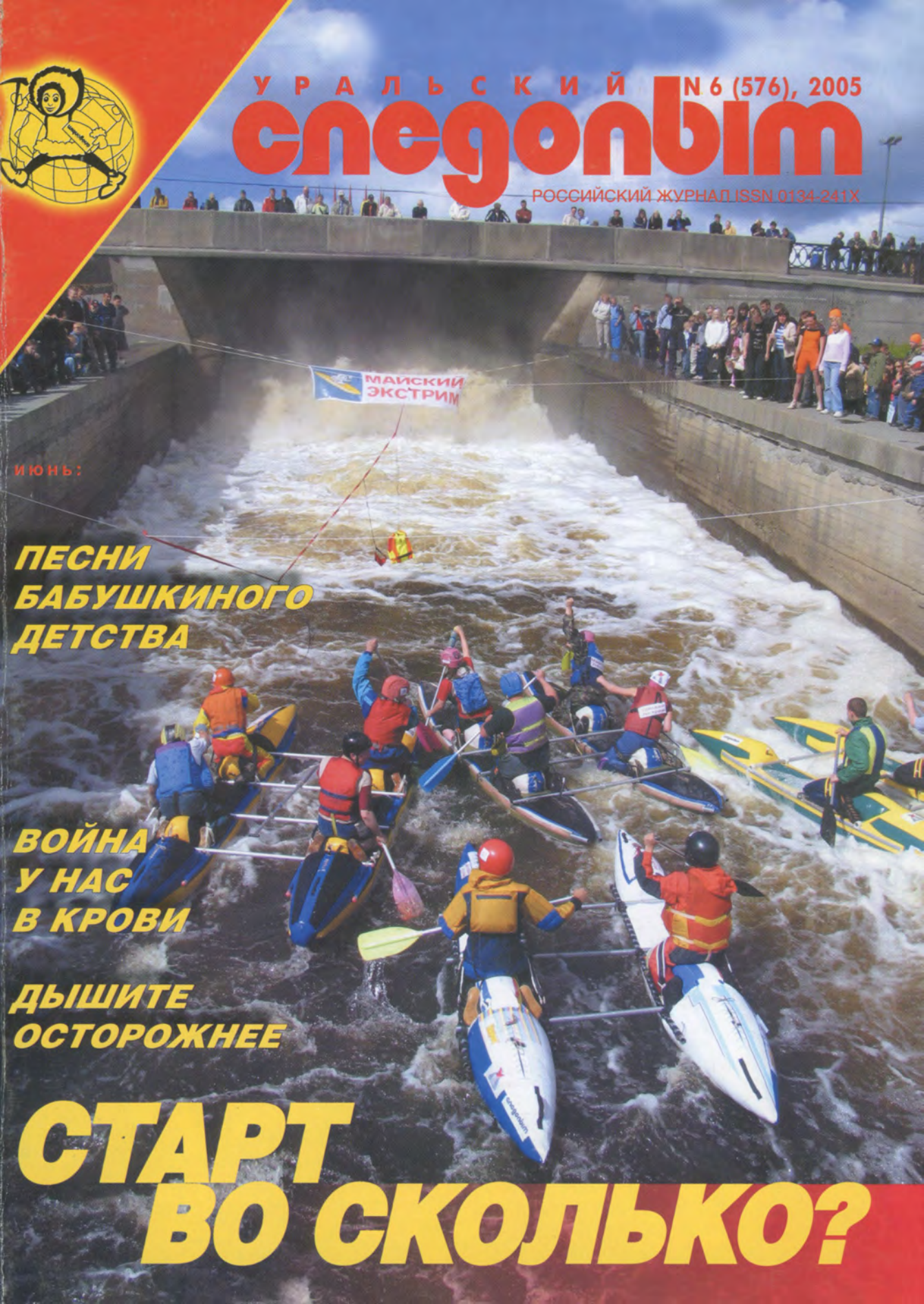
ИЮНЬ:

**ПЕСНИ
БАБУШКИНОГО
ДЕТСТВА**

**ВОЙНА
У НАС
В КРОВИ**

**ДЫШИТЕ
ОСТОРОЖНЕЕ**

**СТАРТ
ВО СКОЛЬКО?**

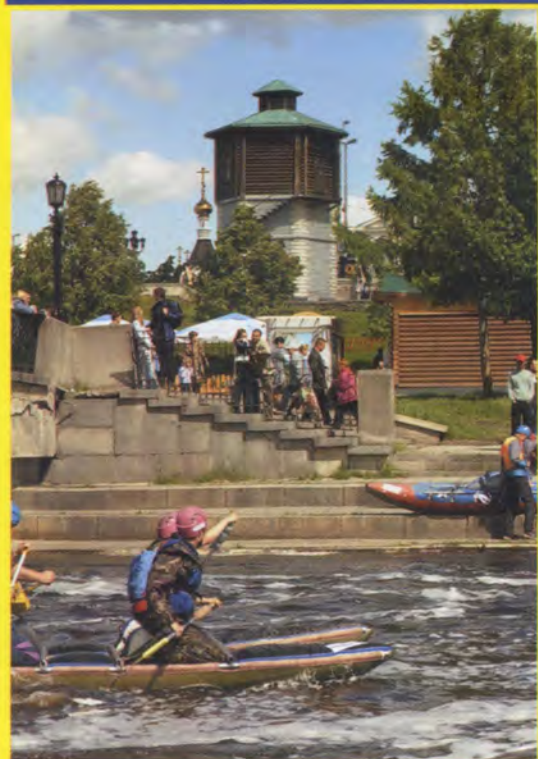
Андрей НАСЕДКИН

фото Евгения ТАМПЛОНА,
Юрия ДУБРОВИНА,
Михаила ЕРЕМЫ

29 мая в центре города Екатеринбурга, на Площадке, прошли водноспортивные соревнования под названием «Майский Экстрим». Это девятое по счету мероприятие уже не первый год провожает весну и встречает лето, открывая тем самым сезон покорения водной стихии на катамаранах, байдарках и каяках.

Праздник получился масштабным. Было много прессы, снимающей и фотографирующей все происходящее, был «пресс» зрителей, глазеющих, болеющих и сочувствующих... себе, потому что их нет среди участников. Была выставка спорт-байков, палаток и другого туристского снаряжения, к коему также можно причислить спортивный катер и квадроцикл-вездеход. Было много веселья, и праздник чувствовался везде. Всё это благодаря участникам, которых было много, и организаторам соревнова-

ний – журналу «Уральский следопыт» и Экипировочному Центру «ВЕК». Даже воды было много, вопреки самым пессимистичным ожиданиям, что в реку недольет, и героев «Майского Экстрима» встретит стена равнодушия, усиленная обнаженной каменной грядой на Малышевском сливе. Власти города Екатеринбурга не подвели и подлили в речку столько, сколько нужно, и пешеходный мостик смогли пройти все участники соревнований, не обходя его посуху. Вода – очень приятная стихия, хотя воды Исети, красивой, но все-таки промышленной реки, часто вносят собственный ароматный нюанс в этот факт. На «Майском Экстриме» справедливость восторжествовала, и дурно пахнущую пену Исети залила вкусная пена шампанского, когда победители поливали им друг друга а-ля «Formula 1».

МАЙСКИЙ

2005

ЭКСТРИМ -

Перед главной борьбой на скорость герои «Майского Экстрима» разогрелись тем, что гребли против течения и пытались достать висающие у самого водопада после Плотинки призы. Было интересно, ведь не каждый сможет справиться с бурлящим потоком и при этом достать болтающийся в воздухе предмет. По поводу этого конкурса было много споров, и некоторые утверждали, что «всё хорошо, но «лопатиться» против нормальной «текухи» за полчаса до старта – весьма спорное мероприятие...». В этом есть свой здравый смысл, но когда началось это «спорное мероприятие», желающих оказалось предостаточно – у участников соревновательной силы и задора хоть отбавляй!

НИМФА®

от официального дилера
nimfa.web.ur.ru

SUZUKI

**ТОНАТСУ
YAMAHA**

2 года гарантии

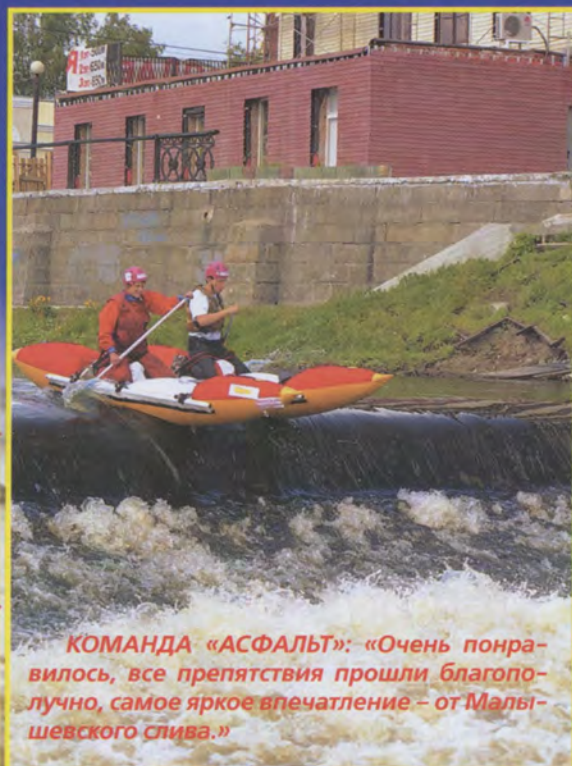
СЕРВИС, ГАРАНТИЙНОЕ И ПОСЛЕГАРАНТИЙНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ

г. Екатеринбург, ул. Мира, 2

375-58-83

лодки,
моторы,
эхолоты, навигаторы,
снегоходы, мотобуры и др.

После разогрева начался бой сильнейших, и перед глазами зрителей развернулась главная интрига праздника. Участники «Майского Экстрима» приготвилились к борьбе. Первыми на старт вышли 4-местные катамараны, за ними были 2-местные катамараны, и наконец, байдарки вместе с каяками. Каждый вид «сплав-средств» участвовал в отдельной видовой гонке, поэтому победители награждались в четырех номинациях. Но до финиша еще далеко, поэтому о победителях позже. Теперь – о том, что было непосредственно на самой трассе, об этом расскажут сами участники (форум на E1.ru):

КОМАНДА «АСФАЛЬТ»: «Очень понравилось, все препятствия прошли благополучно, самое яркое впечатление – от Малышевского слива.»

GLASS: «Как и заявлялись, так и пошли двумя байдарками. На одной Майк с Девушкой, на второй – мы с Ником. Малышевский слив решили обносить без вариантов. Шустро обнесли и погребли дальше.»

СНАК: «Было прикольно и весело, особенно бодолово под сливом за призами. Единственное, что хотелось бы на будущее – помимо призов, еще бы грамоты какие почетные. А то на стенку повесить нечего и надуваться от гордости не на что».

SHURIK: «Обалденно было!!!»

МАЙК: "...по ряду причин сам снимать не мог (руки были веслом заняты), а хотелось бы... Несколько фоток нас и кота на байде".

GLASS: «Дошли до труб за мостом на Декабристов - на них по уши мокрый уже висел Александр с каяком «Катафалк», уже почти ушедшим под трубы... Встали и стали помогать, каяк пропустили под трубами и сплывили по течению к Майковской байде...»

GLASS: «Майк не расслышал криков о том, что каяк отпускать не надо, и толкнул его к берегу. С глубоким дифферентом на нос каяк ушёл в сторону дна реки. Затем в течение 5-8 минут пытались нащупать каяк на дне, но безуспешно (к тому времени Майк на байде уже ушёл вперёд).

GLASS: «Взяли Саню к себе третьим безвёсельным членом экипажа и без приключений дошли до ЦПКиО. Могли победить, но... Зато человеку помогли.»

Товары представленные в магазинах Фирмы "BEK", вызывают интерес у туристов всех видов и направлений: пеший, горный, водный, велосипедный. Для зимнего и летнего туризма, для активных форм тренингов, для экстремальных экспедиций, для подростковых лагерей отдыха, а также специальных структур военизированного направления, для активного и комфортного отдыха на природе, снаряжение и экипировку Вы сможете подобрать в магазинах Фирмы "BEK":

г. Екатеринбург
 Экипировочный центр "BEK"
 ул. Машинная 42/2 т/ф
 (343) 257-01-77, 266-26-27
 Вас ждут с 10:00 - 20:00
 без перерыва и выходных.

г. Екатеринбург
 ул. Декабристов 16/18 б, подъезд №3
 т/ф (343) 262-73-10, 261-74-26, 261-38-24
 Вас ждут с понедельника по пятницу:
 09:00 - 20:00
 в субботу и воскресенье:
 10:00 - 17:00
 без перерыва и выходных.

e-mail: vek@sky.ru e-mail: pallada@r66.ru
 www.ekipirovka.ru

После того, как закончилась гонка (а закончилась она у парка им. Маяковского), участников на машинах привезли обратно на Плотинку, где и прошло вручение призов победителям.

Призы получили также женские команды и другие участники, не занявшие призовых мест, но удивившие всех своей волей к победе или «говорящим» названием судна, а именно – тот самый (спасенный) каякер Александр, заявивший себя как «Катафалк» и не доплывший до финиша. Название запоминающееся, но, как говорится, «как вы назовете, так оно и полетит».

Поощрительными призами были последние номера журнала «Уральский следопыт», которые сделали свое дело: заинтересовали участников и зрителей и продолжили праздник «Майский Экстрим».

Хотелось бы особо отметить тот факт, что в «Майском Экстриме» этого года принимали участие женские команды, это команды «Новатор-женщины», «Медузы», «Полосатики». В общем, праздник удался, на нем были все – и женщины, и мужчины, и дети, и взрослые; на нем было всё – от каяка до 4-местного катамарана, от победителей в главной гонке до людей, героически пожертвовавших победой ради спасения «утопающего». «Майский Экстрим» – это праздник для всех, кто любит активный отдых и спорт. Праздник не закончился, ведь на дворе лето, а это значит, что сезон экстремальных водных походов, или просто сплавов, открыт.

ДЕНИССС: «Все было прикольно! Организация порадовала, особенно доставка от ЦПКиО».

РЕКА ВРЕМЕНИ

<u>Возвращение из Леты</u> В.ГОЛДИН	Жизнь под псевдонимом 6
<u>Поиски и находки</u> Ю.ГОРБУНОВ	Писательницы России 8
<u>Версия</u> А.ЛЕОНОВ	Мистерия Древнего Египта 30
<u>Тропой поиска</u> В.ЗАЙЦЕВ	Военные госпитали Перми 37
<u>Клуб собирателей</u> А.МАКУРИН	«Собачий ваучер» 40
<u>Легенды и были</u> Л.ЛИСЮТКИНА	Агнеины байки 60
<u>Ишинские хроники</u> О.ОЖГИБЕСОВА	«Сапожник» для Ватикана 70
<u>Далекое-близкое</u> В.ПОПОВ	«Шестьнадцать столовых ножей...» .. 76
<u>Человек и природа</u> А.КАНТОР	Я - хозяин родничка! 86

АЗЛИТА

<u>Фантастика</u> ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН	Прохождение Венеры по диску Солнца 9
С.КАЙМАНОВ	Серьезные намерения 63
<u>Современная поэзия</u> Н.СМИРНОВА	Стихи 34
<u>Гость номера</u> К.ЗИГАНШИН	Боцман, или история жизни рыси 42
<u>Современная поэзия Урала</u> А.КАМЕНЕЦКИЙ	Стихи 74

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

<u>Проекты «Уральского следопыта»</u> А.НАСЕДКИН	Майский экстрим-2005 1
<u>Фотоконкурс</u> В.БАЙДУКОВ	Урал - горная страна 54
<u>Публицистика</u> М.МЕЛЕКА	Жизнь за жизнь 56
<u>Советы специалиста</u> В.ВОЛЕГОВ	Выдыха нет? 82

Главный редактор
Максим Фирсов

Редакторы разделов -
Юний Горбунов,
Андрей Наседкин.

Художественный редактор,
верстка -
Юлия Ульянова.

Художник -
Ирина Овсянникова.

фото 1 пол. обложки -
Евгений Тамплон.

Набор -
Валентина Кадочникова.

Корректор -
Юрий Виноградов.

Учредитель:
Общественная организация
«Трудовой коллектив
редакции журнала
«Уральский следопыт».

Издатель:
ООО «Редакция журнала
«Уральский следопыт».

Редакционный совет:
Владислав Крапивин
Сергей Казанцев
Борис Стругацкий
Геннадий Прашкевич
Олег Поскребышев
Юрий Казарин
Станислав Мешавкин
Нина Ягодинцева

Наблюдательный совет
Евгений Виноградский
м.с.м.к., «Снежный Барс»
Евгений Савенко
чл. Союза фотохудожников России
Семен Спектор
заслуженный врач России

издано при поддержке
министерства физкультуры, спорта
и туризма Свердловской области

**Регистрационное свидетельство № 441,
выдано 13.12.90 г. Министерством печати
и массовой информации РСФСР.**
ООО «Редакция журнала «Уральский
следопыт» обладает исключительным
правом на логотипы и название журнала.
Рукописи принимаются отпечатанными не
менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28-30
строк на странице. Каждая страница
рукописи должна быть подписана автором.
Обязательно прилагать информацию об
авторе. В первую очередь рассматриваются
рукописи, дополненные электронной
версией (E-mail, дискета, CD).
Рукописи не возвращаются.
При отправлении электронных сообщений
обязательно заполнять поле ТЕМА.
Любое использование материалов журнала
допускается только с письменного согласия
ООО «Редакция журнала «Уральский
следопыт». Ссылка на журнал «Уральский
следопыт» обязательна.
По вопросам приобретения журнала
обращаться по тел.(343) 257-36-62.
Подписано к печати 30.05.2005 года.
Формат бумаги: 84x108/16. Бумага
офсетная. Печать офсетная. Тираж 4500.
Отпечатано в типографии
Екатеринбургской Епархии

© ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

Адрес редакции:
620142, г. Екатеринбург,
ул. Декабристов, 67. Тел. редакции:
(343) 257-45-01, 257-36-62
E-mail: uralstalker@sky.ru
info@uralstalker.ru
www.uralstalker.ru

Жизнь

под псевдонимом

В.Г. Тарбеев

Родители Виктора Григорьевича Тарбеева были купцы из известной в Екатеринбурге семьи – Рязановых.

Поначалу жизнь мальчика шла спокойно и радостно, но революция в октябре 1917 года перевернула весь размеренный быт семьи Рязановых вверх дном.

Родители не захотели покинуть Родину, как многие из их сословия, остались в Екатеринбурге, смирившись с настигнувшей их крутой волной судьбы. Они-то смирились, да новая власть не желала жить мирно с «эксплуататорами». Рязановых выселили из их «родового» дома. Семья переехала в скромный домик, но их попросили и оттуда. Последовал новый переезд. На этот раз в село Малый Исток.

В 1932 году отца Виктора Григорьевича арестовал НКВД и потребовал сдать государству все семейное золото. После этого события Виктор уже не встречался с отцом. Но еще до ареста сын по совету отца взял себе фамилию матери, жил отдельно от семьи в деревне Хуторы Арамильского района и только по вечерам, крадучись, навещал родителей.

Формирование характера молодого человека проходило в сложной атмосфере. С одной стороны, нужно было как-то жить, а с другой – он, Вик-

тор Рязанов, ставший Тарбеевым, еще ничего – ни хорошего, ни плохого – не сделавший для своей Родины, уже был виноват перед ней по своему происхождению. Пришлось искать пути выживания, приспособления, даже обмана власть предержащих. Во всех листках по учету кадров, автобиографиях, характеристиках он писал: выходец из рабочей семьи, указывал, что мать работала прислугой по найму.

Его тайна социального происхождения спрятана была так глубоко, что даже дети узнали о его действительном происхождении только после его смерти...

Большевистская власть в СССР с подозрением и недоверием относилась к творческой интеллигенции старой формации. Но литературный процесс в стране все-таки шел своим путем. На Урале, в Екатеринбурге, выходили журналы «Юный пролетарий Урала», «Студент-рабочий», «Товарищ Терентий». К концу 1925 года при молодежной газете «На смену!» стихийно сложилась литературная группа, руководителем которой был молодой журналист и прозаик Павел Скородумов.

С первого дня образования литературной группы ее участником стал и Виктор Тарбеев.

В 1924 году в журнале «Юный пролетарий Урала» публикуется первое его стихотворение. Потом его стихи появляются во многих газетах и журналах города. На конкурсе, объявленном газетой «На смену!» под девизом «Урал должен иметь новые песни», Тарбееву была присуждена третья премия. Молодой поэт, не оглядываясь на свое происхождение, пишет стихи в духе требований времени: осуждает прошлое, радуется жизни. Критики называли его «напористым и радостным поэтом полей и сельскохозяйственного труда, который через воспевание природы придет и уже приходит к песням о красоте жизни и новой стройки».

Плотник машет топором,
Стружки бойко пляшут.
Вырастает светлый дом
Все стройней и краше.

В статье «Вот так я стал поэтом», опубликован-

ной в газете «На смену!», Виктор Тарбеев признавался: «Я знал: надо учиться упорно, терпеливо, настойчиво. И я учился: днем работал, ночи просиживал над классиками. Писал». Закреплению интереса к поэзии и журналистике способствовала служба в Красной Армии, где он окончил курсы военной журналистики. После этого профессиональная ориентация Тарбеева определилась до конца жизни. Но боязнь раскрыть свое социальное происхождение вынуждала Тарбеева часто менять место работы. В его послужном списке мелькают города, где он жил и работал литературным сотрудником: Верхняя Салда, Нижний Тагил, Ревда, Казань, Верещагино, Кудымкар.

Но в Кудымкаре его настигла-таки кара «советского правосудия». За неуплату долга в размере 1050 рублей его приговорили к двум годам лишения свободы. Однако первым пунктом обвинения записали, что он, «заключая договор с Коми-пермяцким окружным издательством на издание сборника стихов, не имел писательского документа», а также и то, что «в отдельных стихотворных строчках допускал идеологически невыдержанные отдельные выражения».

Полтора года В. Тарбеев отсидел в Пермской тюрьме, но, благодаря стараниям его жены Анны Степановны и обращения в Верховный суд РСФСР, его выпустили, «не найдя состава преступления».

В 1939 году при содействии поэта Мусы Джалиля в Казани выходит первый сборник стихов Виктора Тарбеева «Выше гор».

В первый же день Великой Отечественной войны Виктор Григорьевич был призван в действующую армию. В качестве командира противотанкового орудия он воевал на Калининском фронте под Ржевом, на Курской дуге, прошел Украину, Польшу, участвовал в штурме Берлина. Был ранен и тяжело контужен. «Вторую половину войны, – писал он в своей биографии, – воевал нестроевым, т. е. ограниченно годным к службе, но всегда хотел оставаться в строю».

Великая Отечественная война стала для Тарбеева в творческом плане вершиной успеха. Особенно ярко отразились в творчестве поэта первые, самые трудные, с большими человеческими потерями, месяцы отступления от западной границы до Москвы. Казалось, в такой ситуации не до стихов, но Виктор находит силы и время на коротких привалах для стихов-зарисовок. За первые шесть месяцев войны (июль – декабрь 1941) он написал 1273 стихотворения. Это был своеобразный поэтический дневник, хотя в Красной Армии в то время было запрещено писать дневники.

Бензина нет – остановились самоходки,
И танки, и машины грузовые,
А люди шли усталою походкой
В пыли дорожной в дали грозовой.
А люди шли на собственном горючем,
Чтоб защитить родимые просторы,
Без хлеба шли, угрюмые, как тучи.
Сердца бойцов надежнее моторов.

В.Г. Тарбеев

Вот погиб комбат, «простреленный навывлет», а его часы «на левой обескровленной руке» исправно шли, «не подчиняясь действию войны». Или еще: Василек! Солдатский путь далек;
Я иду в огонь, а ты цветешь.
Неужели, скромный василек,
Ты в степи меня переживешь?

Стихи Тарбеева искренни, их охотно и часто печатали в дивизионных газетах. Имя поэта было известно на многих фронтах войны. На его стихи писали песни сами солдаты. Он легко дарил свои стихи знакомым и незнакомым сослуживцам.

Одно из таких подаренных стихотворений освещило память поэта в 1969 году, когда после войны прошло почти четверть века. «Комсомольская правда» опубликовала статью о сержанте Лиде Спивак. Фотография девушки-регулировщицы в центре Берлина обошла многие газеты мира. Этот кадр стал хрестоматийным с названием «Хозяйка Бранденбургских ворот». В статье был приведен отрывок из стихотворения неизвестного поэта. Каково было удивление Виктора Григорьевича, когда он узнал свои стихи! Этот номер «Комсомольской правды» до сих пор хранится в семейном архиве Тарбеевых.

Выходец из купеческой семьи, несправедливо репрессированной в 30-е годы, Виктор Тарбеев не озлобился на превратности судьбы, он был верным солдатом Родины, воспевал в своих стихах подвиги рядовых защитников Отечества.

Демобилизовался Виктор Тарбеев в 1946 году. В госпитале, где он залечивал свою рану и контузию, его признали инвалидом войны. Поэт продолжал писать стихи о друзьях-героях, о ветеранах. Посылал их в армейские газеты, где их иногда публиковали.

Друзья Виктора Григорьевича, знавшие его как солдата и поэта, особенно по боям под Ржевом, собственными стараниями издали его книгу «Фронтные стихи» (2001).

На родине поэта публиковать их не сочли возможным.

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы для
био-библиографического словаря)

А

АНДРЕЕВА Екатерина Владимировна (1900 – 1977), писательница.

Авт. научно-популярных книг для детей среднего и старшего возраста: "Жестокий путь" (2-е изд. 1974), в которую вошла также пов. "Разоблаченные чудеса" – о борьбе науки с религией; «Времена и нравы» Л., 1969; «Вековые загадки». М., 1954; «Наука о погоде на службе Родины». Л., 1949, «Без соли не проживешь» Л., 1963; нек. написаны в соавт. с Т.Н.Кладо: «Атмосфера и жизнь» Л. 1963, «На дне воздушного океана» Л., 1959, с М.Д.Метальниковым («Невидимые друзья и враги». Л., 1965), с Ю.Н.Андреевым («Огнем рожденное». Л., 1957). Написала несколько научно-популярных биографий: Н.И.Вавилова («Неутомимый следопыт». Л., 1979), А.И.Войкова, Ю.М.Шокальского, Б.П.Мультановского (в соавт. с Ю.Н.Андреевым). В соавт. с Н.Н.Андреевым (м.б., это муж?) написала два научных исслед.: «Коагуляция питьевых вод с помощью сульфата алюминия» («Журн. прикладной химии». Т.У11. № 4. 1934) и «Опыт применения фотоэлемента для анализа солевого состава природных вод» («Журн. общей химии». Т.1У. Вып. 5. Л., 1934).

Личные архивные фонды, т.3; РНБ; Мацуев.

АНДРЕЕВА Екатерина Григорьевна, писательница.

Авт. экспромта «В альбом П.В.Ватагина» (помещен вслед за стихотв., посв. ей Ватагиным) \ \ Дамский журнал. 1827. Ч.18. И еще: «В альбом П.В.Вана» \ \ Там же. 1829. Ч.25.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

АНДРЕЕВА Екатерина Григорьевна.

(См. Строгова Е.).

АНДРЕЕВА Лидия (псевд.; наст. фам. Ефимович Лидия Андреевна)

Авт. пьес. Напис. также пов. "Катя и Шарик" М-Л., 1926. Авт. рассказ. «В офицерской палате» \ \ «Рус. мысль». 1917. № 3-4.

Старцев; РНБ.

АНДРЕЕВА Лидия Петровна (1874 – 1946), меуаристка.

Сестра физиолога И.П.Павлова. "Детство и молодые годы Ивана Петровича Павлова". – В кн.: И.П.Павлов в воспоминаниях современников. Л., 1967. С.317-321.

ИДРДВ. Т.4. Ч. 3. № 5315.

АНДРЕЕВА М.А.

(См. Андреева-Маевская, М.А.).

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Победа!.. Не только салюты,
Восторги, «ура» и вино, –
В такие святые минуты
Поплакать бойцу суждено.
Закончен с врагом поединок
На суше, в морях, в небесах.
Победа!.. Блистанье слезинок
В суровых солдатских глазах...

Приходит ли в окопы Муза? –
Мне часто задают вопрос.
Да, и в боях под Старой Руссой,
Среди расстрелянных берез
Она приходит вечерами
И, заточив карандаши,
Мне говорит: – Пиши! Пиши
О ратной стойкости души
Бойцов, не согнутых ветрами!

ЗИМА НА ВЕРХНЕЙ ВОЛГЕ

Выпал снег в калининской сторонке –
Вся земля, как лебедя крыло.
Пепелища, ямы и воронки
Серебристой вьюгой замело.
Поле в белом и деревья в белом.
Фронт пришел на волжский перекат.
Верхневолжье на себя надело
Зимний маскировочный халат.

Нет, не про белую акацию
И не про ветер полевой –
Я приносил стихи в редакцию
С пылающей передовой.
Я приносил стихи о мужестве
Друзей – сержантов и старшин,
О крепкой спайке и содружестве
Людей, моторов и машин.

(Продолжение на стр. 29)

Прохождение Венеры по диску Солнца

Часть вторая Каруза-Лаперуза

I

Косой переулок лежал на западной окраине, вблизи заросшего лога с речкой Песчанкой. Раньше я в тех старых кварталах бывал всего раза два, да и то мимоходом, а в Косой переулок вообще не заглядывал никогда. Что мне там было делать-то?..

День стоял очень теплый, но без солнца, изредка с серого неба даже побрызгивало.

Мы добрались почти до места на попутной «копейке» пенсионера-садовода. Оказалось, что переулок не косой, а просто короткий. Заборы да лопухи, а строений – раз-два и обчелся. Именно так. Раз – это ветхий сарай, выходящий бревенчатой стенкой в переулок, а два – Вовкин дом. И то он прятался за щелястым забором – над кривыми досками видна была лишь поржавевшая крыша и крохотный мезонин, похожий на рубку старинного парохода.

Чуть в стороне забор был прорезан ветхими воротами с накладным деревянным узором. Рядом – калитка с кованой скобой и облезлой известковой надписью: «Косой пер. № 1». Калитка заросла понизу дикой ромашкой и осотом. Вовка раздвинул ногами стебли и взялся за скобу. Калитка завывала, как баба Яга, которой наступили на здоровую ногу.

– Не бойся, Иван, там никого нет... – Вовка надавил калитку плечом и шагнул во двор. Я за ним.

Двор зарос низкими густыми кленами. За ними пряталось крыльцо с двумя ступенями. На двери (тоже с облупленным деревянным узором) висел могучий замок, явно девятнадцатого века. Вовка покачал его, оглянулся.

– Старый, бабушкиной бабушки. Смотри, даже не заменили его, знают, что нечего воровать... Я в тот раз не заходил внутрь, а сейчас... Давай, а?

– Как? Замок, что ли, сбивать?

Не нравилось мне это дело.

– Да не-е... – Вовка упал на четвереньки, далеко, по самый локоть, затолкал под крыльцо руку. Выволок на свет ключ – размером, наверно, не меньше, чем у Буратино, только не золотой, а ржаво-железный. – Во, запасной. Он всегда там был...

Замок под напором ключа завизжал, как прижатая в ловушке крыса. Вовка снял его, потянул дверь, она открылась с недовольным чавканьем.

– Вовка, а если придут новые хозяева?

– Ну, с какой стати они придут именно сегодня! – отозвался он с неожиданно звонкой обидой. – С зимы их тут не было, и вдруг как по заказу, да?

– Так всегда бывает в историях с приключениями, – неловко отшутился я. И понял, что дальше спорить не следует. Ясно, что Вовке очень хотелось побывать в доме. Ведь из-за этого он и согласился на «земную командировку». Ну да, из-за меня тоже, но это «по долгу службы». (Кто я ему, в конце концов? Незнакомый дядька с дурацкими взрослыми проблемами...) А сюда он – по зову души. Но тогда я-то ему здесь зачем?

Мы оказались в сенях, здесь было полутемно. Пахло грибок и прелой рогожей. Вовка с лязгом уронил на половицы замок с ключом, прикрыл за нами дверь. Стало совсем темно. Вовка уверенно шагнул вперед, потянул еще одну дверь.

– Входи... – Он щелкнул у косяка выключателем, но электричество не работало.

Вовка сдернул и сунул в карман бейсболку.

Окна снаружи были забиты досками, однако оставались большие щели, в воздухе висел серый полусвет.

– А вот здесь жил я! – сообщил он повеселевшим голосом. И нырнул в проем. – Входи!

Здесь было гораздо светлее – на широком окне всего одна доска.

– Остальные доски ты, наверно, отодрал в прошлый раз, – догадался я.

– Ага! Чтобы заглянуть.

Я не удержался, спросил:

– Вов, а почему ты в тот раз не пошел внутрь?

– Думаешь, забоялся один? Вовсе нет! Просто... ну, печально было одному. С тобой лучше...

«Значит, все же я не совсем чужой дядька...»

– Да, я понимаю, что печально было...

«Да и теперь, наверно, не весело...»

Но сам я печали уже не чувствовал. Чувствовал нечто другое... Меня постепенно окутывало то, что называется современным словом «аура». Аура старинного дома. В ней неслышно и незримо сохранялась жизнь многих людей, которые обитали здесь в прошлом, а возможно, и в позапрошлом веке. Жизнь была, наверно, не легкая, но добрая. Та, что дает человеку ощущение родной крыши, прочности и уюта. И понятно, почему мальчик Вовка Тарасов привязался к этому дому своей одинокой душой...

Была аура и в комнате Вовки – своя, мальчишечья. Сплетенная из радости летних каникул, футбольных побед на соседнем пустыре, предчувствия интересных фильмов, которые можно посмотреть после ужина, и книжки о космических пришельцах, взятой у приятеля «только на два денька». А еще – из ощущения громадных тайн и манящей загадочности мира, которая то и дело касается мальчишечьей души: «Почему на свете всё именно так? Вселенная – как она появилась? Что такое Время и Бесконечность?..» Это все я помнил по собственному детству: и ежедневные заботы ребячьего быта, и томящее любопытство перед загадками необъятного мироздания... Вовка теперь гораздо ближе к этим загадкам, чем все живущие на Земле. Но не слишком ли рано? И так ли уж близко? Какой-то первый слой, а их, скорее всего, великое число...

Эх, Вовка-Вовка, отчего тебе так не повезло?.. И почему не везет миллионам ребят, которые не успели познать многих радостей земной жизни?.. Столько причин... Камень на дороге, неизлечимая болезнь, гексоген в подвале дома, озверелые типы в масках, безжалостная глубина омута, нестерпимая обида от взрослых... А в общем-то все одно: какой-то сбой на спирали развития нашей матушки-планеты. Ошибка, недосмотр? Издержки развития идеи? Не слишком ли дорогой ценой? Или... ничего страшного? Не успел здесь – успеет в других слоях? Пойдет, пойдет по цветущему полю и достигнет наконец места, где незамутненная радость и долгожданные встречи... Наверно, в этом есть утешение. Но как быть с тоской по старому дому твоего земного детства?

Или такая тоска не у каждого, не у многих? Каждому свое? Но если даже только у него, у Вовки, то

Видимо, здесь была кухня. Светилась облезлой побелкой русская печь, косо торчал в углу стол с покосившимся круглым самоваром. Высоко в углу мерцала медным окладом иконка с неразличимым ликом. Вовка постоял, подняв лицо, и быстрым движением, как в субботу на кладбище, перекрестился на иконку. Потом погладил самовар и шагнул еще к одной двери.

За дверью оказалась комната с круглым столом и смутно отражающим полутьму зеркалом-трюмо. В простенке висела большая картина под стеклом – не разобрать, что на ней. Чуть бликовала изразцами плоская печка. Несколько опрокинутых стульев лежали у стен. Вовка поставил их. Сел на один, приподнял колени, покачал ногами.

– Видимо, дом продали со всем имуществом... – сказал я, чтобы не молчать в печальных сумерках.

– Видимо... – вздохнул Вовка. Поднялся, шагнул еще к одной двери. – А там жила бабушка... а потом тетя Света. – И не вошел, встал на пороге

Я через его голову различил за дверью старинную кровать с тускло блестящими шариками на спинках. Вовка резко качнулся назад, сделал несколько шагов спиной вперед. Оказался у дверцы, оклеенной обоями, как и стены (я ее сразу и не различил).

все равно в этом – несправедливость. Нарушение каких-то законов...

На блеклых обоях косо висели карта полушарий, плакат с российским учебным фрегатом «Паллада» и большой календарь за прошлый год. На нем – россыпь луговых цветов и множество пестрых бабочек. Мебели почти не было, только два стула у окна и узкая, похожая на больничную, тумбочка, а на ней незаконченная пластмассовая модель из набора-конструктора – старинный кораблик. Закончить эту мелкую кропотливую работу почти никогда не хватает терпения, знаю по себе, сам когда-то клеил такие...

Слева от окна, у стены, виднелся на обшарпанных половицах прямоугольный след с хорошо сохранившейся краской. Вовка встал над ним.

– Жалко, что диван убрали. У меня под ним целый склад был: машинки всякие, солдатики, фломастеры... Все, наверно, выкинули... – Он постоял, качнулся над диванным следом вперед, уперся ладонями в стену. Там висела фотография в рамке: молодые мужчина и женщина, а между ними малыш лет четырех. Я сразу понял – Вовка и его родители...

– Хочешь взять на память? – осторожно спросил я.

Не оборачиваясь, он помотал головой:

– Здесь все уже продано. Значит, не мое...

– Да это же пустяк! Все равно эта карточка никому не нужна!

– Дело не в том, нужна или нет. Просто нельзя, – сказал Вовка тихо и строго. И вдруг оттолкнулся от стены, оглянулся живо и весело. – А есть, наверно, и то, что не продано! Ведь нельзя купить то, про что не знаешь, да?

Я быстро сказал «да», хотя ничего не понял. А он потянул меня за рубашку:

– Пойдем, покажу!

Мы снова оказались в темных сенях, Вовка сунулся куда-то в угол:

– Здесь лесенка, давай за мной, – и полез к потолку.

Я нащупал ступеньки. Вовка надо мной толкнул невидимый люк, сразу все стало виднее. Вовка умело скользнул в светлый квадрат, свесил ко мне голову. Снова позвал:

– Лезь давай, ступеньки крепкие.

Я полез. Без опасений. Со знакомым ощущением близких таинственных событий – интересных и не опасных. Потому что дом все больше казался мне похожим на другой, в Тальске. Там жила моя одноклассница Инка Веретенникова...

Наверху я сразу понял: мы в мезонинчике, который снаружи напоминал парходную рубку. Да и внутри было что-то корабельное. Посреди тесного помещения стояла толстая балка – словно потолок рубки протыкала и уходила вверх мачта (в основании квадратная, а дальше, наверно, круглая, по всем правилам). К дощатой стенке прибит был плакат с парусником – такой же, как внизу.

Три другие стенки были с квадратными выбитыми окнами, и самое широкое смотрело в сторону заросшего лога и раскинувшихся за ним огородов. А если присесть, то будут видны только облака, и можно представить, что они – над речными просторами. Я присел – на край лавки, что своей серединой примыкала к нижней части балки. Облака двигались быстро, хотя внизу ветра не ощущалось. Они были клочковатые, серые, лишь изредка в них мелькали желтые проблески, очень слабые...

Вовка опустил крышку люка и сел рядом со мной. Прислонился к балке. Выдохнул:

– Ну вот... Будто все, как раньше...

Он потерся о балку спиной, потом еще раз, изо всех сил. Мне показалось даже, что балка шевельнулась.

Чтобы не дать Вовке слишком погрузиться в печаль, я позволил шутку:

– Ты чего как чесоточный верблюд? Смотри, развалишь строение.

Он с готовностью засмеялся.

– У моего организма такая привычка. Всегда спина чешется, если волнуюсь. Или что-нибудь придумаваю...

– А что ты сейчас придумал?

– Да не сейчас... Просто вспомнил. Одно свое хобби...

Я не любил это дурацкое слово, но сейчас быстро спросил:

– Какое хобби, Вовка?

– Наверно, самое главное. Про него никто не знал, даже бабушка и тетя Света...

Я выжидательно молчал.

Вовка снова потерся спиной о неструганое дерево и, глядя в дали за окном, выговорил – будто про что-то очень-очень тайное:

– Иван, я собирал бабочек...

Наверно, он почуял, что я слегка поморщился (внутри себя, конечно). Мне всегда было жаль ярких тропических бабочек, что продаются в сувенирных киосках – мертвых, приколотых к бумаге, в рамках под стеклом.

– Да нет же, я их не морил и не прикалывал! Даже не ловил! Я их просто разглядывал, а потом рисовал в альбоме!.. Подожди...

Он сорвался с лавки, прыгнул к боковой стенке и там сунул пальцы в щель под окном. Потянул узкую доску. Она легко отошла. Вовка опустил за доску руку, смущенно оглянулся на меня.

– Здесь мое тайное хранилище... – И вытянул на свет простенький школьный альбом для рисования. Зачем-то дунул на него, потер серую обложку о футболку. Мне показалось, что он хочет прижать альбом к щеке, но не решается.

Вовка опять сел рядом, откинул тонкую корочку.

В глазах зарябило от разноцветья нарисованных фломастерами крылышек...

На первом листе были знакомые бабочки: крапивицы, белые и желтые капустницы, «Павлиний

глаз», редкая, но тоже известная мне «Мертвая голова», махаоны, которых я видал в детстве на лугах. И еще всякие мотыльки, которых я видел не раз, хотя названий, конечно, не знал...

А на другом листе было уже... Ну, прямо сказка была! Похоже, что бабочки каких-то заморских стран. Крупные, удивительных расцветок и форм.

– Вовка, ты где видел таких?

– В разных журналах, в энциклопедиях...

А иногда и у нас попадают... А вот еще, дальше...

Дальше было совсем чудо. Такие великаны, что на странице помещались не больше двух. Вроде тех, что продаются в киосках, только не мертвые, а явно живые. Вот-вот шевельнут крыльями. Ну, может, я это просто придумал, но Вовке сказал сразу:

– Как живые..

Он часто закивал:

– Ну да! Их же не прокалывали! – И открыл еще одну страницу. Там опять была радужная сказка.

– Вовка, ты настоящий художник!

– Да что ты! – он даже ногами взбрыкнул.

– Я рисовать ни капельки не умею! Даже человечка с руками-палочками и то еле-еле... Я только бабочек...

– Все равно художник... А почему ты не подписал под ними названия? Было бы еще интереснее.

– Я сперва подписывал. Тонким карандашиком. Те, которые знал... Некоторые даже по-латински... то есть по-латыни... А потом стер.

– Почему?

– Да так... не знаю... Почерк у меня корявый, а они красивые. Показалось, что им обидно будет... А еще потому что... ты не смейся только...

– Вовка, да ты что!

– По правде-то здесь не все бабочки настоящие. Некоторых я просто придумал... Сидел и придумывал, когда хотелось...

– Ну и что? Можно и к придуманным сочинить названия!

Вовка нагнулся и нерешительно глянул мне в лицо:

– Но это ведь было бы, наверно, вранье?

– Какое же вранье, Вовка?! Это же творчество! Раз ты придумал и нарисовал, значит, это есть уже на самом деле! Настоящее!

– Да? – Он все еще смотрел на меня, наклонившись вперед и вывернув шею. Недоверчиво и требовательно. И наконец улыбнулся: – Ладно, я попробую... – Захлопнул альбом и стал заталкивать его под футболку. Вождь-ирокез на его груди сердито морщился.

– Подожди! Посмотрим еще!

– А больше ничего нет, чистые листы... Зато есть другое, тоже не проданное. Сейчас покажу.

Опять он скакнул к «тайному хранилищу» и принес обшарпанный туристский монокуляр. Вроде половинки полевого бинокля.

– Я через него отсюда на окрестности смотрел. Как на моря-океаны... Хочешь поглядеть?

Я хотел. Но когда глянул в окуляр, оказалось, что в поле зрения коричневый сумрак и смутные тени.

– Темно почему-то...

– Ой, я забыл, там светофильтр!

– Плотный какой, – сказал я, сколупывая с объектива черное стеклышко в металлическом кольце.

– Потому что я через него затмение наблюдал. И просто так солнце...

Я помигал, помолчал, потрянул в мозгах календарные числа.

– О, елки-палки... – Ладонью со светофильтром я огрел себя по лбу. – Опять вылетело из башки!

– Что? – испугался Вовка.

– Столько лет помнил про этот день, ждал его, а тут...

– Ваня, какой день? – осторожно сказал Вовка.

– Сегодня восьмое июня, вторник. В этот день Венера пересекает Солнце. Появляется на солнечном диске в виде черной горошины и тихо-тихо ползет к другому краю... Последний раз люди ви-

дели такое больше ста двадцати лет назад. А еще раньше это наблюдал Ломоносов, он тогда открыл на Венере атмосферу...

– Ой, я про это видел! В кино про Ломоносова, в многосерийном! – шумно обрадовался Вовка. – И сегодня, значит, опять?

– Опять... Хотя все равно не увидим. Вон какие тучи. Досада...

– А когда это должно начаться? – деловито спросил Вовка.

– Да началось уже... – Я глянул на часы. – В одиннадцать часов по нашему времени. И протянется до пяти вечера...

– За такое время, может, развеет небо! Смотри, у нас и подзорная трубка, и фильтр, будто нарочно! Давай посидим, подождем, а?

– Ну, посидим... – Я понимал, что в эти дни надо во всем слушаться Вовку.

– Ты ведь никуда не торопишься?

– Куда мне торопиться... если не торопишься ты.

– Ну и правильно... Ты не бойся, *те дела* и без нас крутятся как надо.

«Пусть крутятся», – подумал я. И вдруг понял, что здесь мне хорошо. Сидел бы так и сидел, глядя на пасмурный горизонт. Будто мне одиннадцать лет и я на старом чердаке жду своих друзей-приятелей... Лишь одна досада продолжала глотать меня:

– Как я мог забыть про этот день! Ведь совсем недавно читал напоминание в новостях! – Ощущение виноватости было таким, словно я в давние годы, еще до армии, юный и робкий, назначил свидание Лидии и это напрочь вылетело из головы.

– Не мудрено, что забыл, – по-взрослому рассудил Вовка. – Столько забот прикатило... Да еще я свалился на твою голову.

– Это же чудесно, что ты свалился!

Он засопел, придвинулся вплотную. Обыкновенный пацан Вовка Тарасов двенадцати лет. Будто приятель из тыща девятьсот восемьдесят седьмого года. Я ладонью накрыл его щуплое, очень теплое плечо. Он повозился и шепотом спросил:

– Вань, а почему ты много лет ждал этого дня? Что-то было загадано, да?

«Что-то было загадано. И у меня, и у других... Или не было ничего, просто придумалось?»

– Ваня, расскажи, а?

– Тебе что, правда интересно?

Он дернул плечом:

– А неужели же нет!

Ну что ж, подумал я, расскажу. Вовка же рассказал мне о своих бабочках. Значит, и я могу поделиться с ним частичкой своей тайной жизни. Такой, о которой не знает даже Лидия... Тем более, что делать все равно нечего. Неизвестно, сколько ждать солнца...

– Я был тогда такой, как ты. Ну, сперва чуть по-

младше... Мы жили тогда в Тальске. Небольшой городок, большинство улиц старые и деревянные, вроде как здесь, вокруг Косого переулка. Правда, наша квартира была в блочной «хрущевке», похожей на ту, где живет наш знакомый Аркаша... Жили втроем: я, мама и маленькая сестренка Лёлька. Отец умер, когда мне было девять лет, от какой-то неожиданной и скоротечной лейкемии. Непонятно, где он ее подхватил. Он преподавал биологию в местном пединституте, ни к какой физике, ни к каким излучениям отношения не имел...

– Мама и сестра и сейчас там живут? – тихо спросил Вовка.

– Да... В прежней двухкомнатной квартире, вроде моей нынешней, только поменьше. Сестра кончает пединститут. Боюсь, что замуж собирается... Наша пятиэтажка торчала в деревянном квартале, как большой пароход в тесной бухте среди мелких барж и баркасов. Мои приятели все жили в одноэтажных домах. Правда, среди тех домов встречались большие... Был такой дом и у моей одноклассницы Инки Веретенниковой. С обширным чердаком. И там оборудовали мы свое тайное помещение – то ли штаб, то ли кают-компанию. Собирались, устраивали чаепития, обсуждали всякие дела, сочиняли всякие истории... Ну, как водится...

Вовка кивнул.

Я продолжал:

– Потом, в армии, мне часто вспоминались эти времена. Там порой сильно тоскуешь по дому, по детству, даже если служба не слишком тяжелая. А может, как раз поэтому. Говорят, если выматываешься каждый день, тосковать некогда...

– Вань, а ты кем служил?

– Оператором, в войсках спецсвязи...

– А что делал?

– Понимаешь, Вовка... об этом я не могу говорить. Даже тебе...

– Почему? – Он не обиделся, но, кажется, удивился.

– Мы там все подписку давали. Тут дело не в страхе наказания, а вроде бы как честное слово...

– Ну и ладно, – покладисто отозвался Вовка. – Ты лучше рассказывай про ваш чердак.

– Вот теперь я не знаю, как рассказывать... Как было на самом деле или как придумалось там, в армии...

– Придумалось?!

– Да... Когда мне стало это вспоминаться все чаще, и в свободное время, и даже на дежурствах, я решил, что все это надо записать. Чтобы и развлечение какое-то было, и вроде как... ну, такое облегчение для души в той монотонной жизни. Возвращение в прежний мир, где дом, где друзья... Но когда я начал писать, то вдруг почувствовал, что выходит не так, как было на самом деле. Будто кто-то за меня начал водить рукой. И дела наши получались не совсем такими, как были, и сам я... в общем, гораздо лучше, чем был. Смелее, честнее. Такой, каким в детстве мне всегда хотелось быть, но

не получалось... В общем, я увидел, что описываю не то детство, какое случилось у меня по правде, а то, в какое я хотел бы прожить, если бы оно повторилось... Хотя про многое писал, конечно, как оно было в жизни. И друзей описывал похоже. Только и напридумывал вокруг нашей чердачной компании немало... Сперва пытался исправлять, а потом решил: не буду. В конце концов, не все ли равно? Лишь бы после интересно было перечитывать...

Вовка повертелся у меня под боком – теплый и ребристый.

– Вань, получилось, что ты начал повесть или роман сочинять, да?

– Да какой там роман! Просто... записки о детстве в рамках безудержной фантазии...

– Ну уж безудержной. Сам же сказал, что многое по правде...

– Да. А многое, как говорится, «из головы»... Дошло до того, что я даже все действие перенес в будущее. То есть тогда, в девяносто девятом, оно было будущим, а сейчас как раз вот эти дни, наши...

– А зачем ты так?

– Да вот, из-за этой самой Венеры... Прочитал тогда в каком-то случайном журнале, что в две тыщи четвертом году случится ее прохождение по диску Солнца. И подумалось: пусть герои этой истории будут наблюдать такое дело, сидя рядышком, плечом к плечу, и загадают при этом какое-то желание.

– Какое... желание? – Я ощутил, что Вовка слегка напрягся.

– У каждого свое... После второго класса попал я в летний лагерь, тогда еще пионерский, и там была очень хорошая вожатая, Марьяна, толстая такая и в очках. Всегда утешала тех, кто заскучал по дому или шишку набил... И всякие истории рассказывала. И вот однажды после ужина, перед отбоем, зашел в палате разговор о звездах, галактиках, планетах и метеорах. И Марьяна поведала нам, что есть такая легенда. Мол, если при редком астрономическом явлении загадать желание, очень возможно, что оно сбудется. Чем необычнее в небе явление, тем больше шансов на хороший результат... Можно загадывать при звездопаде, но звезды, то есть метеориты, пролетают мгновенно, не успеешь толком придумать, да и редкого тут ничего нет. Можно, если появляется комета – чем ярче, тем лучше. Кометы прилетают не каждый год, зато гарантий на удачу гораздо больше. Можно при солнечном и лунном затмении, но здесь есть доля риска: не получилось бы чего-нибудь плохого – и для себя, и для других.

– Почему? – шепнул Вовка.

– Потому что затмение. Исчезновение света. С тьмой шутки опасны...

– А когда Венера на Солнце, это не опасно? – очень серьезно спросил Вовка.

– Да с какой стати! Она же заслоняет лишь крошечный участок диска, это ничуть не уменьшает света. Кто не знает, даже и не заметит...

– А многие знают, что Венера... сегодня пройдет?..

– В газетах писали и в Интернете. Но, по-моему, большинству людей это до лампочки. Какие там небесные явления, когда масса земных забот. А легенду про желания, наверно, мало кто слышал... Думаю, что сегодня суетятся лишь ученые да астрономы-любители... И ругают на все корки облачную погоду.

– Иван! А если солнце появится, загадаем желания?

– Конечно, – сказал я, а под сердцем почему-то кольнуло. Но... тут же и отпустило. – Только желания должны быть не очень большие. Как говорится, не глобальные. Никакую войну таким способом не остановишь, земную орбиту не изменишь. А вот что-нибудь для себя, для родных или друзей... И, кстати, загадывать надо молча, никому про свое желание не говорить. Так нам объясняла Марьяна...

– Ясно... – почему-то с глубоким и медленным вздохом отозвался Вовка. – Ваня, ну ты рассказывай дальше. Загадали вы там, в той истории, свои желания?.. Или лучше давай все по порядку!

– Если по порядку, то так... Главного героя (который немного я, но в основном не я) звали Брис. Я придумал, что это прозвище от имени Борис. Так его прозвал сосед, отставной капитан первого ранга. Говорил, что похоже на морское слово «бриз». У нас и по правде был такой сосед, хороший мой знакомый, только меня он звал не Брисом, а Диванчиком, потому что я любил сидеть у него в комнате с приключенческими книжками, прятался, чтобы мама не погнала в магазин или учить уроки... Ну, а в том моем сочинении – Брис... Я теперь буду рассказывать только так, как в тех записках, чтобы не путаться...

– Ага, давай...

– Сперва про Инку. В первом и втором классе Брис и она дрались (Брис даже ревел от нее), а потом подружились. Ну, бывает так и на самом деле... Затем, после пятого класса, появился у них еще один хороший приятель. Это получилось таким образом... Инка и Брис шли мимо рынка, а там у забора старики и бабки торговали всяким барахлом: поношенными башмаками, электропробками, железной мелочью, старыми книгами...

– Как здесь, на центральном базаре...

– Ну да... И Брис увидел на коврике перед теткой-торговкой толстенную книгу «Морская астрономия». Начал рассматривать, листать, потом стал торговаться. Тетка просила две десятки, а у Бриса была одна... Тетку он уговорил...

– А книга в подарок соседу, да?

– Нет, себе... Сосед-капитан к той поре уехал из Тальска в Иркутск, к сыну. А Брису на память подарил морской прибор, секстант...

– Это чтобы определять место корабля в море! Я знаю.

– Да. Подарил и даже объяснил, как пользоваться, но только чуть-чуть, потому что вообще-то на-

ука эта очень сложная... И вот Брис увидел толстенный учебник, купил и решил, что будет с его помощью разбираться. Если не сразу, то когда изучит в институте высшую математику... Книга была старая, двадцать второго года издания, то есть напечатанная вскоре после революции. Внизу надпись «Петроград», а сверху «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», хотя, казалось бы, при чем тут пролетарии, когда речь идет о небесных светилах. И вот что удивительно, оказалась она совсем не тяжелая, несмотря на увесистый вид. Потому что была из рыхлой бумаги. Я это особенно подчеркиваю, чтобы понятно стало: Димке Балуну было не очень больно, когда Брис огрел его этой книгой по голове...

– Зачем огрел?

– Представь себе, идут они с Инкой от рынка, Брис листает книгу, Инка тоже слегка интересуется, а навстречу на самокате мальчишка, их ровесник. Черноволосый, круглощекий и не очень ловкий – когда проезжал мимо Инки, зацепил ее локтем, да так сильно, что она аж зашипела... Брис не очень любил скандалы и драки, но в таком случае что ему делать? Заорал вслед: «А ну, стой, толстая рожа!» Тому бы мчаться, не оглядываясь, а он остановился. Может, на «толстую рожу» обиделся? Брис, чтобы долго не раздумывать и не показать Инке, что боится, шагнул к нему и бах его книгой по голове. А сам думает: «Сейчас он мне вделает!» Потому что парнишка-то пошире в плечах. Но тот, однако, не вделал, заморгал только. «Ты чего?» – говорит. А Брис: «Чего-чего! Несешься как бык на красную тряпку, девочку чуть не покалечил!» Тот мальчишка поморгал опять. «Я же, – говорит, – не нарочно...» А потом спрашивает Инку: «Правда, что ли, я тебя сильно стукнул?» А она, конечно, проявила великодушие. «Да ладно, – говорит, – чепуха...» И Брису: «Зачем уж так-то? Человеку голову чуть не расплющил». А человек этот был (как потом выяснилось) удивительно добродушный. Потер макушку и заулыбался: «Ничего, у меня голова крепкая... А что это за книга такая? Толстенная, а не больно...» Брису неловко было, что сгоряча огрел человека, а тот даже не замахнулся в ответ. Показал книгу и объяснил, что есть мол, у него секстан, чтобы звезды наблюдать. А парнишка этот (которого, кстати, в школе звали Баллон – за круглые щеки и такой же «круглый» нрав) послушал и спрашивает: «Вы знаете, что через две недели планета Венера будет пролезать мимо Солнца, на его фоне?» Ни Брис, ни Инка не знали. Обрадовались. И поскольку увидели они, что Баллон – мальчишка добрый и неглупый, решили не прерывать знакомства. Предложили наблюдать за Венерой вместе, через секстан. Баллон тоже обрадовался... Видишь, я коротко рассказываю, а вообще-то, как завязываются дружеские отношения, можно говорить долго, штука это сложная. Но не буду долго. Просто хочу сказать, что за неделю Баллон сделался для Инки и Бриса таким товарищем, будто они знакомы с дошколь-

ных времен... Стали собираться на чердаке у Инки троим. А вскоре и впятером, потому что в компании появились еще двое...

– Тоже после стычки? – азартно спросил Вовка.

– Совсем нет, совсем по-другому. Вернее, одна «особа» была Инке и Брису известна давно, только сперва они ее не принимали в расчет. Соседка Бриса, из квартиры напротив. Самостоятельная личност... Но хотя и самостоятельная, а требующая, как говорится, пригляда, поскольку было ей всего восемь лет... Приглядывать выпадало иногда Брису. Нельзя сказать, что он был от этого в восторге, но куда деваться-то. Поэтому Инка и Брис брали иногда девочку в одно тайное место...

– На чердак?

– Нет, чердак был у них «главный штаб». А имелось еще одно местечко. Баллон потом назвал его солидно – «летняя резиденция»... Неподалеку от их улицы тянулся овражек, а через него был когда-то построен мостик, потом он развалился. То есть, не совсем развалился, но в ту пору по нему уже не ходили. Кругом кусты и высокие сорняки, полное уединение. Под мостиком, в метре от настила, тянулась труба, обшитая деревянным кожухом – тоже заброшенная, ничего по ней уже не текло. На этом кожухе Инка и Брис любили сидеть, болтать, всякие истории придумывать... Кстати, однажды, когда с Инкиной ноги слетела вниз сандалетка, Брис полез искать ее в овражных зарослях и там обнаружил под молодыми лопухами ржавые рельсы – всеми забытую узкоколейку. И начали они про эту узкоколейку придумывать волшебную историю. Брис начал. Сперва вроде бы для Ташки (так девочку звали), а потом получилось, что и для Инки, и для себя... Ну, я про эту историю не буду, а то получится уже рассказ в рассказе...

– Почему не будешь? Расскажи! – тихонько взыв Вовка.

– Неужели тебе интересно?

– Опять ты с этим вопросом!

– Ладно... Только сперва про знакомство с двумя «персонажами»...

3

– Это случилось, когда Инка и Брис первый раз привели Баллона под мостик, открыли ему тайну своего укромного места...

Я хорошо помнил этот эпизод и рассказывал почти наизусть. Дело было так.

Брис, Инка и Баллон посидели, поболтали (ногами и языками поболтали), потом Инка спросила:

– А почему ты сегодня без Ташки?

Брис хотел ответить, но Баллон перебил:

– А кто это такая?

– Одна юная красавица, – сказала Инка.

– Ваша одноклассница?

– Нет, не одноклассница, – вздохнул Брис. – Перво-классница... Наша соседка... Мы с ней иног-

да вместе гуляем. Такое получилось приложение к летним каникулам.

– Почему приложение? – спросил Баллон. Был он не только добродушен, но и любопытен.

Брис обстоятельно разъяснил:

– А вот так. Родители укатили на две недели в Питер, а дочку – нам: «Присмотрите за Наташенькой...» А кто будет присматривать? «Боря, погуляй с девочкой, ты теперь ничем не занят...» А девочке того и надо...

– И никак не отвертишься, да? – посочувствовал Баллон.

– Да я и не стараюсь... отверчиваться. Куда денешься, не чужая ведь. Целый год рядом живем... Она ничего девчонка, толковая, только возрастом мелковата. Я поэтому ей имя сократил до нужного масштаба. Сказал: «Ты не Наташка, а просто Ташка»... Сегодня она заявила: «Я останусь дома, у меня дела». Самостоятельная особа...

– «Ташка» – это гусарская сумка на длинном шнуре, – вспомнил Баллон. – С вышитым гербом или вензелем. Может, видели в кино? Гусары идут, а эти ташки болтаются у самых шпор.

Инка и Брис кивнули: видели. Инка даже сказала:

– Это от немецкого слова «таш». Означает «сумка» или «карман».

– Вы, значит, немецкий в школе учите? – спросил любопытный Баллон.

– Нет, английский, – отозвался Брис. – А про «таш» Инка где-то вычитала. Она у нас жуть до чего эрудированная...

Он, кажется, хотел что-то еще сказать насчет Инкиной эрудиции, но вдруг посмотрел через плечо.

– Легка на помине! Явление...

У конца мостика, на фоне доцветающей черемухи, возникла девочка лет семи. Кругловатая и яркая, будто маленькая клумба – в зеленых колготках, в цветастом платье, с красными бантами в черных косах. Было в девочке что-то восточное. Она зашагала к ребятам.

– Чего тебя сюда принесло! – возмутился Брис со слезинкой в голосе.

Ташка независимо сказала на ходу:

– Я не знала, что здесь у вас посторонние...

– Это не посторонний, а Дима!.. А ты язва. Дождешься шлепков. Кто тебе разрешил ходить сюда одной?

– Я не одна. – Ташка оглянулась. – Матвей, ну где ты застрял?

– Сандаля застегивал... – послышалось в чаще веток. И появился Матвей.

«Боже, что за спичка с глазами», – шепотом изумилась Инка.

Матвей был выше Ташки на полголовы, но едва ли старше. Худой, с похожими на щепки руками и ногами. В глазищах на узком лице – атлантическая глубь. «Аквамарин», – мельком отметила про себя Инка, она иногда рисовала акварелью. Волосы Мат-

вея напоминали высушенные солнцем и спутанные морские водоросли. Костюм тоже был «флотский» – словно сшитый из полинялой тельняшки (только на коротеньких штанах полоски не поперечные, а продольные). Сбившиеся синие носки и плетеные сандалеты (старые и слишком тесные) дополняли наряд Матвея

Мальчик подошел, встал рядом с Ташкой. Смотрел себе под ноги.

– Это Матвей, – сообщила Ташка. – Или Матвейка...

– Мы уже поняли, – Брис поудобнее уселся на дощатом кожухе и обхватил колени. – Что дальше?

– Он вернулся, – сказала Ташка.

– Откуда же вернулся этот Матвей? – спросил Брис голосом утомленного наставника.

– С Севера, – сообщил Матвейка негромко и хриловато. И стал шевелить вылезшим из дырявого носка и сандалеты пальцем.

– Он уезжал туда по семейным обстоятельствам, – разъяснила Ташка и скрестила на груди руки. – Учился там в первом классе. А раньше он жил здесь, и мы были в одном детском саду. Целых три года. Это мой старый друг.

– Что-то не замечал я среди твоих знакомых дру-

га Матвея, – заметил Брис с чуть заметной ревнивой ноткой (или Инке показалось?).

– Я тоже не знаю всех твоих друзей, – без промедленья ответствовала эта цветастая особа. («И в самом деле язва!» – подумал Баллон, а Инка вспомнила про обещанные Брисом шлепки.)

– Ну, а здесь-то вы зачем появились? – без особой ласки спросил Брис. – Гуляли бы вдвоем, раз друзья.

Ташка разъяснила обстоятельно:

– Мы появились, чтобы ты рассказал Матвейке сказку, которую рассказывал нам. Сперва то, что мы знаем, а Матвейка не знает, а потом продолжение, нам всем.

– Ну, ни фиги себе! А ты не думала, что я, может быть, занят? Или что времени нет?

– Чем это ты тут занят? Все равно сидите просто так и болтаете. А Матвейке хочется услышать про паровозик. Я ему пробовала рассказывать, но не умею...

– Невыносимый ребенок, – заявил Брис. Но Инка попросила:

– Да расскажи, Брис, пусть мальчик послушает...

Видимо, Матвейка чем-то понравился ей. Впрочем, и остальным тоже.

Все уселись в ряд на кромке кожуха. Он был слегка наклонный, приходилось держаться за доски и друг за дружку, чтобы случайно не съехать вниз. Ташка и Матвейка уселись между Инкой и Брисом, а Баллон с краю. Матвейка оказался к Инке вплотную – костлявый, с острым локтем...

... – Вань, я, кажется, такой же был в первом классе, – хихикнул Вовка. – Ой, я перебил... А что за паровозик?

Брис оказался умелым рассказчиком. Говорил неторопливо и внятно – так, что все слышали каждое слово.

– В давние-давние времена, а может быть, и в наши дни, в далекой стране, а может быть, совсем недалеко, жил-был добрый колдун. Даже не совсем колдун, а ученый. То есть занимался и магией, и наукой... Наука – это то, что можно объяснить, а магия – то, что нельзя. Чудеса не объясняются... Имейте в виду, я рассказываю без подробностей, потому что один раз про это уже говорил – всем, кроме Матвейки. Если надо, Ташка подробности потом ему перескажет. А я – поскорее до того места, где все новое...

Ну, вот, однажды этот колдун, его звали Василий Васильевич, решил набрать учеников для одного важного дела. Отыскал в городе, который назывался Хрустальные Шишки, с десятков разных мальчиков, уговорил их родителей и поселил у себя на даче, далеко от города. В общем, получилось что-то вроде маленькой школы-интерната для волшебников...

Василий Васильевич учил их для начала самому простенькому волшебству и незаметно приглядывался: что за ребята? Годятся ли? А они были всякие. Иногда дрались, уроки забывали делать, поддразнивали друг друга... Особенно они донимали мальчика по имени Тимми. Он был самый тихий и на первый взгляд не самый способный ученик. Другие мальчишки дразнили его за то, что он плакал по ночам: скучал по дому и по маме...

Тут я прикусил было язык, спохватился: не надо бы про это. Не надо при мальчике Вовке Тарасове, у которого ни дома, ни мамы. И Вовка тут же, как бывало не раз, угадал мою мысль:

– Рассказывай все как есть. Не бойся, я не буду ни плакать, ни грустить.. – Это он очень тихо сказал, но твердо. И я понял: если он так говорит, пропуски в истории делать не следует...

Брис продолжал:

– Прошла неделя, и Василий Васильевич вдруг собрал учеников и сообщил, что планы его изменились, школу по каким-то там причинам придется закрыть. Каждого ученика он наградил подарками, пожелал всего хорошего и отправил домой. А Тимми он попросил:

«Задержишься немного, дружок, у меня к тебе важное дело...» – И честно рассказал, что школу он придумал, только чтобы посмотреть на ребят и выбрать одного-единственного ученика.

«И мне кажется, дружок, что ты самый подходящий...»

Тимми чуть не разревелся – он ведь надеялся, что скоро окажется дома! Но Василий Васильевич его утешил:

«Ты и будешь жить дома, не беспокойся. Просто мы станем часто встречаться и я подготовлю тебя для одного очень важного дела...»

Тимми удивился:

«Василий Васильевич, а почему вы именно меня выбрали?»

А тот говорит:

«Потому что ты очень любишь свою маму, своих родных и свой дом. Тот, кто их так любит, будет крепко любить свою страну и всю свою планету...»

Брис покашлял и смущенно объяснил:

– Мне мой сосед так говорил, капитан. Его тоже звали Василий Васильевич... Он говорил: «Это ничего, что сперва мальчик от тоски плачет по ночам, из таких получаются крепкие люди...» И вот колдун-ученый так же объяснил Тимми... А потом он рассказал, какое у них ожидается важное дело... Все знают сказку про Снежную королеву?

Конечно, все закивали нетерпеливо: рассказывай, мол, дальше.

– Помните, там коварный тролль сделал громадное зеркало и оно разбилось на мелкие осколки? И каждый осколок отражал мир криво и приносил людям беду... Это было злое зеркало... Но нашлись ученые, которые сделали другое зеркало,

доброе и честное. И волшебное. Если бы люди в него посмотрели, они бы поняли, откуда на земле столько несчастий и что надо сделать, чтобы прекратились все войны и катастрофы... Но почти никто не успел посмотреть в это зеркало – оно тоже разбилось. Когда его по крутой тропе подымали в волшебную обсерваторию на горе Монте-Миррор, налетел ураган, швырнул громадное стекло на камни и развезял осколки по всему свету...

– Надо было этим раздолбаям держать крепче, а они, небось, на ходу базар травили, – пробурчал Баллон. Он был не только добродушным и любопытным, но и большим ворчуном.

– Дмитрий, не смей так выражаться при детях, – сказала Инка. – Я тебе язык отрежу.

– А когда будет про паровозик? – шепнул Ташке Матвейка. Он был пока новичком и не решался спрашивать большого серьезного Бриса. Брис, однако, услышал.

– Сейчас будет... Василий Васильевич рассказал Тимми, что много добрых волшебников и ученых по всей Земле собирали рассыпавшиеся осколки и склеивали зеркало. И вот склеили всё. Не хватало только одного кусочка размером... ну, вот с Ташкину ладошку. И его никто не мог отыскать. Ну никак! И тогда поняли, что осколок улетел в какие-то подземные пространства. Даже примерно определили, в какие. Но взрослые пробраться туда не могли – слишком тесные проходы. И кроме того, в подземных пещерах жили сердитые гномы... Это были не простые гномы, а беженцы. Сперва они обитали на заброшенной станции, в старых вагонах, поэтому так и назывались – вагонные гномы. Но потом люди станцию снесли, вагоны разобрали, рельсы сняли, осталась только маленькая узкоколейка, вроде вот этой. Про нее забыли... Гномам обитать стало негде, собрали рюкзаки и переселились под землю, стали жить как их предки при Белоснежке. И затаили такую обиду на людей, что никого даже близко к своим жилищам не подпускали... А вот теперь про паровозик...

Все пошевелились, устраиваясь поудобнее. Баллон при этом чуть не съехал в овраг. Сказал про наклонные доски: «Зараза, блин...»

– Баллон, убью, – пообещала Инка.

Брис продолжал:

– Гномы и между собой все время ссорились, потому что после переселения сделались очень раздражительные. И у них из-за этого не получалось самое важное дело. Они старались построить серебряный паровозик, чтобы он бегал по узкоколейке. По той, которая сохранилась. Наверно, это им было надо для их общей радости и для того, чтобы вспоминать прежнюю жизнь на рельсах. Они задумали, что паровозик будет красивый, сверкающий... Но задумать-то задумали, а как возьмутся за работу – сразу споры, склоки, а иногда и драки... И все это разузнал Василий Васильевич...

– И послал к ним Тимми, – нетерпеливо под-сказала Ташка.

– Ну да!.. То есть не послал, а попросил. Сказал, что на него вся надежда. Надо, мол пробраться к гномам и завоевать их доверие. Со взрослыми они говорить не хотят, но с мальчиком-то, может быть, не откажутся, он ростом ненамного больше их... И пусть они помогут найти последний осколок зеркала. «Ты, Тимми, – сказал Василий Васильевич, – объясни гномам, что, когда они найдут осколок, у них сразу прекратятся все раздоры и они легко поят-серебряный паровозик...»

Все приготовились слушать, как Тимми проник в подземелье гномов, какие там дальше были приключения. Потому что про эти дела никто еще не слышал, Брис придумал продолжение только что и готовился рассказать впервые... Но в этот момент в кармане у Бриса задрезжал пейджер. Мама часто давала ему с собой эту штучку, чтобы позвать домой, если тот понадобится срочно... Сейчас он понадобился не очень срочно, просто мама напомнила, что он может гулять голодным хоть до ночи, но Ташку надо кормить обедом вовремя. Пусть идет... Пришлось идти. Матвейка пошел с Ташкой...

Я сделал в рассказе перерыв. Замолчал.

Вовка вдруг проговорил смущенным полупшепотом:

– Такое совпадение, да?

– Какое совпадение?

– Про гномов, про вагонных... у тебя и у меня.

– А! Да... Вовка, может быть, это не случайно...

– Конечно, не случайно! – Вовка нетерпеливо завозился – так, наверно, возились на кожухе под мостиком ребята. Но там не было вертикальной балки, о которую можно чесать спину. А Вовка зачесал и потребовал: – Рассказывай дальше.

– Не надоело еще?

– Нет, конечно! И все равно... солнца пока не видать. А ты рассказываешь, будто книжку читаешь.

– Да мне, по правде говоря, самому иногда казалось, что книжка сочиняется. Когда придумывал и записывал. Конечно, самодельная, неумелая книжка, для себя одного, но... теперь все равно бывает иногда жаль...

– Почему жаль?! – дернулся он.

– Пропали записи... Я сдуру делал их в чистом журнале для дежурств, тетрадки и всякая чистая бумага были там в дефиците... А когда мы службу кончили, перед отправкой домой устроило нам начальство досмотр: не везем ли с собой что-то непо-ложенное? Как раз новый командир там появился, въедливый такой... Увидел он журнал, чуть не лопнул от ярости: «Как вы смели! Кто позволил! Секретная документация!» Я говорю: «Там же ничего секретного, только личные записи, вроде дневника...» А он: «Сама форма журнала секретная!» Пришлось на глазах у него кинуть журнал в кочегарку...

– А нельзя было быстро как-нибудь переписать?

– Не оставалось времени... Да и нужды не было.

По правде говоря, я успел сделать копию на компьютере – был там у одного парня ноутбук, начальство про это не знало. Вот я по ночам и перепечатывал в укромном уголке. Увез с собой дискету... Но тут опять беда. Дома как-то понадобилось мне скопировать срочный материал, а чистой дискеты под рукой не было. Я всю эту историю про Венеру стер, подумал: «У меня же в компьютере на жестком диске она есть». А потом оказалось: нет этого файла. Или я забыл переписать его с дискеты, или он слетел непостижимым путем...

– И что?! – со стоном сказал Вовка. – Теперь уже... никак?

– Никак... Сперва сильно жалел, а потом подумал: может, и правильно. Для себя я это и так все помню, а что текста не осталось – значит, рука судьбы. Не хватало еще возомнить себя писателем...

– Но ты же все равно!

– Что?

– Это... работал в журнале.

– Я же верстальщиком работал и дизайнером! Это не литература!

– А сочинять больше ничего не пробовал?

– Было два раза. Сдуру опять же... Написал два рассказика. Один, как мы искали зимой в тайге двух потерявшихся ребятишек. Второй, как в пионерском лагере был у нас ручной лосенок... Даже напечатали их в городской газете. Под рубрикой «Голоса молодых». Я перечитал, ахнул от стыда: такое косноязычие... Поклялся, что больше ни за что на свете...

– А может, зря? – очень серьезно сказал Вовка.

– Ну вот, еще один советчик...

– А кто был до меня? Тетя Лидия? – спросил он с подковыркой.

– «Тетя Лидия» ничего такого не советовала, хватило ума. Кстати, про историю, что в армии сочинил, она и не знает, только про рассказы... А советовал весной один редактор. Из нового издательства «Птицелёт». Позвонил как-то в журнал, начал: «Иван Анатольевич, у нас затевается новая серия для школьников, я помню два ваших рассказа. Может быть, есть еще? Мы бы с радостью...» Еле его убедил, что я с этим делом завязал наглухо...

Вовка больше не уговаривал меня. Почесал правой сандалией левую щиколотку и сумрачно попрощался:

– Тогда рассказывай дальше. Пускай хоть я буду знать, что там случилось... Посмотрели на Венеру-то?

– Посмотрели. Но до того... Давай расскажу сначала про Матвейку. Он там, пожалуй, самая главная фигура...

– Давай! – Вовка подтянул колени и уткнулся в них подбородком.

– Матвейка в ту пору, как и Ташка, окончил первый класс. Учился он не в Тальске, а в каком-то северном городке, родители на год уехали туда по договору, на работу. И вот он вернулся. Вернулся пока один (то есть отец привез его и укатил обрат-

но). Родителям надо было доработать там еще три месяца, а Матвейку вывезли оттуда, из холодного климата, сразу, как начались каникулы. Жил он пока у двух незамужних тетушек...

Фамилия у него была Гранатов. Когда Матвейка знакомился и называл фамилию, он всегда говорил: «Это не от слова «граната», а от слова «гранат», есть такой драгоценный камень». Но там, где он учился, первоклассники не знали, что такое «гранат», а что такое «граната», конечно, знали. Мало того, кто-то из них где-то узнал, что в старину гранаты были с фитилями, которые полагалось поджигать перед броском. И вот к Матвейке прилипло прозвище «Фитиль». Мол, такой же он тонкий и длинный. И жилось Матвейке с таким прозвищем и с такими одноклассниками несладко. И северный город казался ему неласковым. Поэтому Матвейка охотно возвратился в Тальск, хотя и понимал, что будет скучать по маме и папе...

Я опять опасливо помолчал, спохватившись, что затронул у Вовки печальные струнки. Но он сказал нетерпеливо:

– Дальше...

– А в Тальске, в детском саду еще, было у Матвейки другое прозвище: «Каруза-Лаперуза». Но оно было не обидное, а наоборот, уважительное такое. Дело в том, что он хорошо пел... Вообще-то Матвейка был стеснительный человек, и когда ему приходилось выступать на утренниках, он сперва тоже стеснялся. Но только несколько секунд. Потом набирал в грудь воздуха, и стеснение пропадало. Говорил Матвейка всегда негромко, даже шепловато. Но когда он начинал петь, в горле у него будто лопалась мыльная пленка, и голос звучал очень чисто. Не сильный голос, но чистый такой и... воспитательницы говорили: «За душу берет». А воспитательница Матвейкиной группы, Ирина Григорьевна, как-то сказала: «Ну, ты у нас просто Карузо». И объяснила, что был в Италии такой всемирно известный певец. А Виталька Лемехов – человек не вредный, а просто веселый – тут же срифмовал: «Каруза-Лаперуза». Дело в том, что недавно в группе было занятие про дальние морские плавания, и все помнили: жил когда-то на свете такой капитан – Лаперуз. А у Матвейки, надо сказать, была тяга ко всему морскому. Он и в детский сад ходил всегда с каким-нибудь «морским отличием» – то якорь на кармашке, то значок-кораблик... В общем, прозвище к Матвейке приклеилось, и он им тихонько гордился...

В этой истории я сочинил отдельный эпизод, как после сказки под мостиком Матвейка пришел в Ташке и они долго сидели и вспоминали детсадовские времена – иногда со смехом, но больше с грустью об ушедшем дошкольном детстве. И вообще настроение было грустноватое и похожее: у обоих родители где-то далеко. А потом они договорились, что вечером встретятся снова, Матвейка придет к Ташке ночевать. Они ведь очень давно дружили и в

детском саду были почти как брат и сестренка, и теперь, наскучавшись друг без друга целый год, хотели подольше оставаться вместе... Ну, и была для этой ночевки еще одна причина. У Матвейкиных тетюшек (тети Клары и тети Лиры) сломался телевизор, а в тот вечер должны были показывать фильм «Командир счастливой «Щуки», про подводную лодку во время войны с немцами...

– Ага, я помню... – шевельнулся Вовка. – Хорошее кино.

– Матвейка его очень любил. И больше всего любил он то место, где на концерте в военном клубе выступают ребята и мальчик поет «Вставай, страна огромная...» Так поет, что у взрослых моряков даже слезы на глазах. Матвейку в этот момент тоже щекотали слезинки, и он незаметно стискивал кулаки, и ему казалось, что это он сам поет боевую гордую песню. И очень мечталось ему, что однажды он по правде выйдет так на сцену, в такой же, как у мальчика, матроске, и запоет перед моряками. Но понимал, что едва ли такое когда-нибудь случится, да и матроски у Матвейки не было...

В общем, пришел он вечером к Ташке. Тетя Клара и тетя Лира поохали, но отпустили его. Они считали, что нельзя слишком сильно опекать племянника, а то потом их упрекнут: вырос, мол, у двух старых дев не самостоятельный мальчик, а беспомощная девица... Вообще-то в ту пору, когда не было родителей, Ташка ночевала в семействе Бриса, но на сей раз объявила, что они с Матвейкой будут спать у нее в комнате и ничуточки не боятся.

Мама Бриса покормила их, постелила Матвейке на раскладушке, и он с Ташкой стал смотреть кино. Ташка смотрела, конечно, не с тем «замысловатым придыханием», как Матвейка, но она понимала его и поэтому весь фильм просидела рядышком без болтовни и суетливости. И сделала вид, что совершенно не заметила повлажневших Матвейкиных глаз... После кино строгий Брис навел двух друзей, выключил телевизор и велел: «На горшок и спать». Они посмеялись и улеглись. Но, конечно, лежали по отдельности недолго, скоро Ташка шепнула: «Иди сюда». Всякие разговоры взрослых, что «ах, это нехорошо, так не полагается, вы же мальчик и девочка» они считали дуростью. Почему не полагается? Они были люди с долгим детсадовским прошлым и еще в том прошлом не раз укрывались одним одеялом, чтобы пошептать о сокровенном, порассказывать всякие истории, а то и уговорить друга не плакать, если какая-то беда. Случалось такое и в послеобеденный «мертвый час», и по вечерам на детсадовской даче... Вот и сейчас Матвейка устроился рядом с Ташкой, она натянула на себя и на него широкую простыню, и они стали шепотом говорить о нынешних делах. Матвейка сказал, что ему понравилась сказка про Тимми, разбитое зеркало и паровозик. Жаль только, что не до конца... Ташка напомнила, что конец Брис расскажет завтра: ведь договорились встретиться под мостиком снова. Матвейка сказал, что

это хорошо. А еще сказал, что он рад знакомству с Брисом, потому что у того есть морской инструмент секстан, в который можно будет посмотреть на Венеру, а может быть, потом и на звезды.

Ташка спросила, будет ли Матвейка загадывать желание, когда станут смотреть на Венеру.

Матвейка признался, что будет.

«А какое? – шепнула Ташка. – Я вот хочу съездить с мамой и папой к морю, хоть на недельку. И чтобы у меня был новенький купальник лунного цвета, как у русалки... А ты?»

Они оба знали, что вообще-то не следует говорить о желаниях, которые собираешься загадать. Но от друга какие тайны! Особенно когда в комнате загадочные серебристые сумерки и такой доверительный Ташкин шепот... И Матвейка таким же шепотом (и отвернувшись, потому что все-таки стеснялся признаваться в сокровенном) рассказал про свою мечту. Про то, что хочет петь, как мальчик из кино...

Ташка шепнула: «Это обязательно сбудется». Тепло дунула Матвейке в затылок и, кажется, стала засыпать. И Матвейка... И ему приснилось, будто он все еще такой же маленький, но уже командир подводной лодки. И так же, как командир счастливой «Щуки», остался один на капитанском мостике – чтобы спасти подлодку и боевых друзей. Сейчас лодка уйдет на глубину, а он окажется один в гибельной пучине... И вот лодка погружается, погружается, уже не видно палубу, уже рубка вся в воде и волны переклестывают через мостик, гребешки бьют по коленям. Вода теплая, Матвейке не холодно и не очень страшно. И на душе гордая такая печаль... И вот он уже по пояс в воде, по грудь, но тут его снизу, из глубины, подхватывает упругая сила. Оказывается, это примчались на помощь капитану Гранатову дельфины! Теперь уже совсем не страшно! Дельфины перебрасывают его, как мячик, со спины на спину и мчат к дальнему острову. Сгущается вечер, и над островом белой звездой вспыхивает маяк...

– Вот такой сон, Вовка... И такой он был, этот Матвейка Гранатов. Он и по правде, в моем детстве, был такой, только звали его... да неважно, как. Матвейка, вот и все.

– Да, неважно, – согласился Вовка. – Ну, а с Венерой-то что? Посмотрели они?

– Да, конечно... Каждый день они приходили на трубу под мостик и решили, что оттуда и будут наблюдать это редкое явление. Оставалось до него еще несколько дней, и Брис учил ребят держать секстан, наводить на солнце, двигать алидаду (есть на секстане такая штука, вроде маятника)... А потом они с Инкой продолжали сказку. Рассказывал в основном Брис, он умел придумывать. Были в сказке разные приключения у Тимми и гномов, блуждания в подземельях, новые попытки построить паровозик, хотя осколок зеркала еще не нашли...

– А потом нашли?

– Да, но об этом Брис поведал уже после «вене-

рианского» дня. А в этот день мысли у них были не о сказке. Об астрономии... С утра ребятам повезло, небо было безоблачное...

– Не то, что у нас, – вздохнул Вовка. – Ну, ладно, у нас еще... – он взял мою руку, глянул на циферблат. – Еще четыре часа, может, развеет...

– Будем надеяться... И вот около одиннадцати часов Брис навел на Солнце прикрытый фильтром объектив (этих фильтров там целый набор), пошевелил алидадой, помолчал с полминуты и выдохнул: «Есть...»

Потом смотрели все по очереди и видели на фоне густо-лилового неба (опять же – фильтр такой) неяркую белую тарелку солнца, а на ее верхнем крае черную дробину...

– Ты так рассказываешь, будто сам видел это, – одобрительно заметил Вовка.

– Дробину представить нетрудно, а на Солнце через фильтры я смотрел не раз...

– И я...

– Значит, и ты можешь представить... Потом Брис передал секстан Ташке: во-первых, она младше других, во-вторых, девочка, надо соблюдать этикет... После нее – Матвейке. Ну, и дальше – Инка, Баллон... Договорились, что по первому разу будут смотреть минуту, не спеша считали до шестидесяти...

– И каждый загадал желание?

– Конечно. Про два я уже сказал. Брис загадал, чтобы у него исправилось нарушение слуха и он после школы сумел поступить в мореходку. Инка – чтобы ей на день рождения подарили большущий и дорогой набор французской акварели. Баллон – чтобы отец пореже пил и ушел с дурацкой работы на заводе, где дармовой спирт... Потом они смотрели на Солнце и Венеру еще, еще, и это не надоедало. Будто космос приблизился к ним вплотную со всеми своими пространствами и тайнами... А еще в них проникло убеждение, что желания обязательно исполнятся. Потому что в движении Венеры через солнечный диск тоже была обязательность. *Неизбежность*. Ведь что бы там ни случилось на Земле, какие бы события ни меняли и ни портили людям жизнь, а планета Венера в намеченный день и час *все равно* пройдет между Солнцем и Землей. И это *все равно* придавало ребятам уверенность, такое ощущение прочности...

Они смотрели в секстан по очереди целый час, наверно. А потом набегали облака. Сперва не очень густые, но скоро брызнул дождик, ударил в широкие щели между досками над головами. Инка растянула над всеми прихваченный из дома (на всякий случай) большущий кусок полиэтилена, и они посидели вот так, в тесноте и уютном шорохе дождя. И Брис даже рассказал про очередное приключение Тимми и его друга, гнома-мальчишки по имени Юошкка... Затем собрались домой. И тогда Матвейка набрался смелости (не сразу, но набрался) и спросил Бриса: не может ли тот дать ему на денек секстан? Чтобы он, Матвейка, мог потом, ког-

да разойдутся облака, еще посмотреть с балкона на Солнце, а потом на звезды, а завтра утром, когда в небе будет висеть ущербный месяц, то и на него. И подвигать алидадой. Он, Матвей, будет очень острожен, честное слово!

Брис ответил, что можно. Матвейка Гранатов был уже не просто знакомый пацаненок неполных восьми лет, а товарищ. К тому же, у них обоих была в душе привязанность к морякам и кораблям.

Когда шли от оврага, дождик перестал. Компания таяла. Первым свернул на свою улицу Семакова Баллон, который ворчал на погоду («Такое утро было клёвое, а сейчас – как остывшая баня, бли... то есть лепешка...» – «Баллон, я тебя убью!»). Затем ушли в свою хрущевку Ташка и Брис, через квартал Инка сказала «Матвей, пока», и тот зашагал один, помахивая пластиковым пакетом с секстаном... И вот тут, Вовка, начинаются довольно драматические события...

– Ага, я понял, – шепнул он.

– Недалеко от двухэтажного дома, где жили Матвейкины тетки, он увидел, что в облаках разрыв и в него вот-вот выкатится солнце. Матвей остановился. Дело в том, что его уже с полчаса грызло сомнение. Матвейка вспомнил недавнее мамин письмо, где она сообщала между прочим, что папа из-за простуды пока не ходит на работу. Матвейка был человек с воображением – порой чересчур активным. Накануне, читая письмо, он не очень встревожился (судя по всему, простуда была не сильная). Но сейчас Матвейку вдруг начало грызть сомнение: а что, если болезнь усилится? Тогда может быть всякое! Угодит папа в больницу, застрянет там на долгое время, и не вернуться они с мамой в августе... и, возможно, это потому, что он, Матвейка, потратил нынешнее желание на свои мечты о песнях, а не на заботу об отцовском здоровье! Чем он раньше-то думал, балда такая!

Когда забрезжило солнце, Матвейка понял: можно все исправить! Ведь Венера-то еще на солнечном диске! Надо только взглянуть на нее снова и перезагадать...

Кругом никого не было. Матвейка прислонился к забору, дождался солнышка в облачном разрыве, вытащил секстан, умело направил его в нужную точку. Венера была, разумеется, на месте – куда она денется раньше срока!

«Пусть папа скорее поправится и больше не болеет...»

Вот и все!.. Но в этот миг чьи-то крепкие пальцы схватили Матвейку за локоть. Рядом оказался широколицый белообрый парень. Глаза у парня были безжалостные – Матвейка это увидел сразу. И ослабел, пискнул только.

Парень одной рукой держал Матвейку, а другой выхватил секстан.

«Ты где взял эту штуку, малёк? Ну-ка, отвечай, как на дознании.»

Матвейка залепетал, что секстан ему дал знакомый мальчик.

«Не ври, пацан! Ты эту вещь где-то украл! В магазинах их не продают, это военно-морской секретный прибор... Придешь с родителями на угол Октябрьской и Красных Партизан, там штаб отряда действия милиции...»

Парень выхватил у Матвейки пакет, сунул в него секстан и пошел прочь. Решительный такой.

«Отдайте, пожалуйста», – хныкнул вслед Матвейка, но парень не оглянулся. Наверно, даже и не слышал. Матвейка несколько секунд стоял, замерший от отчаяния. Потом хотел кинуться следом, вцепиться, завопить, но рядом с тротуаром остановился пыльный «рафик» с надписью «Милиция». Из «рафика» вышел милиционер с капитанскими погонами, окликнул парня. Они о чем-то поговорили, как знакомые, потом оба сели в машину, и та укатила...

Матвейка не посмел кинуться к ним, пока стояли. Он был перепуган. Ясно было, что парень и вправду из милиции. А что, если секстан и в самом деле секретный? А что, если дознаются, чей он, и Бриса посадят в колонию?

Куда было бежать за помощью? Ну, не к тете же Лире и не к тете Кларе, они только заохают. Матвейка кинулся к Брису и там разревелся без удержки. Еле его успокоили. Дома оказалась мама Бриса. Она была человек решительный, умыла Матвейку и тут же с ним и с Брисом отправилась на угол Красных партизан и Октябрьской. Никакого милицейского штаба там не оказалось. На трех углах были двухэтажные жилые дома, а на четвертом – кафе «Лотос». Зато неподалеку располагалось отделение милиции номер четырнадцать, куда, ухватив ребят за руки, и направилась отважная мама. Отделением заведовал капитан, но не тот, что уехал с парнем. Мама заговорила с капитаном бесстрашно и с напором. Это что же делается? Какой-то тип останавливает на улице ребенка, отбирает ценную вещь, пугает мальчика до полусмерти и уезжает на милицейской машине!..

Капитан, конечно, сказал, что ничего не знает. Какой «тип», какая машина? Номер запомнили? Будто Матвейке в тот момент было до запоминания номера! Матвейка только сказал, что капитан, говоривший с парнем, был лысый – он снимал фуражку и вытирал блестящую голову платком. Начальник отделения заявил, что не помнит в городской милиции ни одного лысого капитана. Вот если мальчик встретит на улице его или парня, отобравшего секстан, пусть проследит их, а потом приходит сюда. Мама Бриса сказала, что ловить преступников должны не мальчики, а сотрудники милиции, а то они только гоняют старушек, торгующих на улице свежей зеленью. Начальник отделения сказал, что не только. Час назад угнали машину одного из заместителей главы города, поэтому вся милиция «стоит на ушах». Впрочем, если гражданка так настаивает, то пусть оставит заявление – «разберемся».

Мама оставила. Но было ясно, что разбираться

милиция не станет и секстан не найдет (как, скорее всего, и машину)...

Понятно, в каком горе был Матвейка. И в отчаянии, и в стыде. Из-за того, что не просто лишился секстана, а при этом еще безобразно струсил (так ему казалось). Несколько раз по дороге домой (то есть к Брису) он снова ударялся в слезы, и его успокаивали как могли. Мол, не такая уж большая потеря. А кроме того, может быть, секстан и найдется...

А потеря была большая. Во-первых, сам секстан – заслуженный штурманский прибор, морская вещь. А во-вторых, память о хорошем друге, старом капитане...

У секстана два зеркальца – круглое и прямоугольное. Прямоугольное легко достается из рамки, надо только оттянуть зажимы. И вот, в секстане Бриса между зеркальцем и металлической подкладкой хранилось то, что было для него дороже самого прибора. Это визитная карточка Василия Васильевича Баталина, капитана первого ранга в отставке, и его маленькая фотография. Причем снят был Василий Васильевич в возрасте двенадцати лет, но уже в полной морской форме, в бескозырке и с медалью «За боевые заслуги»...

– Он был юнгой, да?

– Да. Тут такая история... Наш Тальск – город небольшой, но река Талья – большая. Еще в девятнадцатом веке там образовалось известное во всей России пароходство и возник судостроительный завод. А во время войны с фашистами на этом заводе строили бронекатера, такие небольшие плоские суда с башнями от танков. То есть мониторы. Они воевали на реках и в прибрежных морских акваториях. Отправлять их в районы боевых действий по воде было хлопотно и долго – это ведь по многим рекам и северным морям. Поэтому за катерами приходили поезда с платформами. Вот так – сперва на колесах, а потом уже, поближе к боям, на воду...

За катерами присылали, конечно, моряков. И вот с одной такой командой в сорок третьем году махнул на фронт четвероклассник Вася Баталин... Кстати, был он совсем не отчаянный мальчик, скорее наоборот. И очень жаль ему было оставлять маму и двух старших сестер (отец погиб еще в сорок первом). Но... тут все сказало: и стремление попасть во флот, и желание отомстить за папу...

– И его не прогнали назад?

– Сперва прятался, а когда нашли, решили, что дело это хлопотное, далеко уехали... Да и пожалели. К тому же, когда в боевом экипаже появляется мальчонка, это всем греет душу, напоминает о доме. Недаром столько было сыновей полков... В общем, зачислили в юнги, на катер. Был он сигнальщиком, а потом в пулеметном расчете. Воевал, как все, хотя, конечно, берегли его, в самый огонь ста-

рались не пускать... Однажды спас он сорванный взрывом флаг, за что и получил медаль...

Воевал Вася Баталин на белорусских реках, а в конце войны оказался на Одере, побывал в Берлине. В мае сорок пятого решило командование отправить его в Нахимовское училище, но тут Вася сказал честно и бесстрашно:

«Нет. Война кончилась, теперь я хочу к маме». Васю поняли, демобилизовали. Отправили с сопровождающим в Тальск. Было ему в ту пору тринадцать лет...

В учебе он, конечно, отстал, но потом догнал одноклассников, тем более, что мама была учительница. А когда закончил школу... тут опять позвало его море. Уехал Вася в Ленинград, поступил в военно-морское училище. Служил на подводных лодках, получал награды и звания, но однажды лодка, которой он командовал, потерпела аварию. А было это в нейтральных водах, недалеко от Скандинавии... В ту пору не полагалось, чтобы иностранцы знали о наших подводных крейсерах. Считалось, что в случае чего лучше героически пойти ко дну, чем выдать себя. Но... капитан Баталин помнил, как отчаянно ждала его мама, когда он мальчишкой воевал на мониторе. И он знал, что так же матери ждут домой его матросов-подводников, совсем молодых ребят. Приказал всплыть и позвал на помощь норвежское судно...

Плохо ему пришлось потом, чуть под суд не отдали. С флота уволили, конечно... Потом, через несколько лет, новое командование разобралось, оправдали его, даже очередное звание присвоили, но в военный флот Василий Васильевич уже не вернулся. Служил на речных теплоходах, а в ту пору, когда подружился с Брисом, преподавал он в судостроительном техникуме...

Почему старый капитан подружился с мальчишкой? Наверно, потому, что Брис напоминал ему самого себя в детстве, еще до побега на фронт. Они вместе гуляли по Тальску, Василий Васильевич показывал Брису разные места, где когда-то играл с приятелями. Кстати, овражек с заброшенным мостиком показал тоже он... Брис часто сидел у капитана по вечерам, они вели беседы про все на свете, а иногда и молчали, уткнувшись каждый в свою книжку. Бывает, что и молчание не хуже дружеского разговора... А потом Василий Васильевич уехал, оставил Брису подарок...

– А они переписывались? – спросил Вовка.

– Да... Но я не сказал тебе сразу. Через полгода из Иркутска пришло Вовке письмо, что Василий Васильевич умер от воспаления легких. Сын его написал. В письме-то и были снимок и визитная карточка. На обороте снимка Василий Васильевич, уже больной, успел написать: «Боре Туринцеву – моему другу Брису – в знак нашей общей любви к родному Тальску. Каперанг В. Баталин».

Ну, не будем про слезы Бриса, это и так понятно...

– А секстан нашелся? – нервно спросил Вовка. Видно, всерьез его забрала эта история.

– Нашелся, но... Тут надо опять про Матвейку. Про «Карузу-Лаперузу»... Он погоревал, погоревал и малость успокоился. Тем более, что никто его не укорял, жалели только... Опять ребята собирались под мостиком, Брис (иногда вместе с Инкой) придумывал дальше сказку про осколок чудесного зеркала, и наконец она стала близка к финалу. Паровозик был почти построен, а осколок – вот-вот найдут...

Но оказалось, Матвейка только снаружи сделался спокойным, а внутри он все равно переживал историю с секстаном. Иногда он ходил по улицам, надеясь встретить белобрысого парня или лысого милицейского капитана, но не встретил. И тогда он...

Вот, представьте такую сцену. Идут по улице Брис, Инка, Баллон и Ташка и удивляются (и тревожатся даже): почему Матвейка не появляется среди них третий день и почему сегодня его не оказалось дома? Тетушки всполошились: «Ах, он ушел гулять с утра! Он разве не с вами?»

Идут, голову ломают и вдруг видят: навстречу им какая-то женщина ведет Матвея Гранатова за руку. Тот еле переставляет свои журавлиные ноги, голову опустил, губу закусил, а на плече несет синюю блестящую гитару. Гитара была знакомая, а женщина... тоже знакомая, но только для Ташки. Ташка сразу же узнала бывшую детсадовскую воспитательницу Ирину Григорьевну. Та была женщина добрая, только всегда немножко взволнованная. И тут она сразу взволнованным своим тоном сообщила, что ведет Матвейку домой, к тетушкам («раз мама и папа где-то ездят»), потому что... «Знаете, чем занимался наш Каруза-Лаперуза? Он на улице у рынка пел под гитару песни и собирал деньги!»

«Во, блин, фокусник!» – высказался Баллон с оттенком восхищения, а Инка машинально пообещала, что Баллона убьет.

Ребята сказали Ирине Григорьевне, что сами разберутся с бродячим певцом. Инка и Брис пообещали это очень убедительно, и бывшая воспитательница передала им пленника с рук на руки.

Разбирались недолго. Каруза-Лаперуза не стал упираться и признался, что пел ради денег. Чтобы насобирать их и купить новый секстан. А если секстаны нигде не продают, то купить что-нибудь другое, тоже морское и ценное, например, модель корабля. Чтобы утешить Бриса, а себе заработать окончательное прощение.

Ни ругать, ни упрекать Матвейку не стали, такие уж были это друзья. И насмешничать не стали. Объяснили только, что поступал он очень неразумно. Мог попасть в милицию или в руки какой-нибудь шпаны, которая накостыляла бы ему по шее и отобрала гитару и собранные деньги. Кстати, насобирал он немало, потому что народ слушал его хорошо. Потом хватало каждому из друзей на несколько порций мороженого.

– А ты там не боялся? – с уважением спросила Матвейку Ташка. Тот посопел и сказал, что да, сперва боялся, но когда начал петь, то страх «куда-то утёк». А еще он сказал честно, что задумал петь ради заработка, но потом «стало получаться ради песен, потому что кругом стояли и слушали...»

«Дело в том, что песни у тебя хорошие», – сказала Инка, чтобы утешить Карузу-Лаперузу (кстати, все уже знали это его прозвище).

Матвей признавал только старые песни, военных времен. Где он их столько узнал, как держал в памяти, это загадка. Наверно, даже для него самого... А нынешние песни, в которых и слов-то нормальных нет и когда певец скачет и блеет и чуть ли не толкает в рот микрофон, будто грызет черную грушу – их Матвей Гранатов презирал...

– Значит, он пел под гитару? Он умел играть? – спросил Вовка (а за окнами по-прежнему было пасмурно).

– Да ничего он не умел. Знал только несколько аккордов. Научился у нового приятеля. У взросло-го... Про этого человека я тоже сочинил немало, но сейчас расскажу покороче, а то не кончу историю до вечера...

Однажды вся компания, послушав очередную порцию сказки, решила отправиться в экспедицию.

Им давно уже хотелось узнать, откуда и куда ведет заброшенная узкоколейка, что пряталась под лопухами на дне овражка. Потому что даже Брис и Василий Васильевич, которые много бродили по закоулкам и окраинам, этого не ведали. То есть капитан вообще не знал про рельсы...

И вот однажды все пятеро отправились в путь. Пробираясь через кусты и бурьян, через мелкие болотца, пустыри, мимо заборов, за которыми гавкали сердитые псы, по территориям каких-то заброшенных мастерских. И, чтобы пробираться было веселее, представляли, что вместе с ними движется построенный гномами серебряный паровозик, на котором едут Тимми и Юкошка... И наконец рельсы привели ребят к низкому кирпичному зданию, похожему то ли на небольшой фабричный цех, то ли на крепостной бастион – с узкими окнами и закругленными углами. Обшарпанное такое строение, по самые подоконники в иван-чае...

Узкоколейка уперлась в железные ворота. Створки были закрыты, но в одной из них виднелась калитка – тоже из железа, с заклепками. Приоткрытая. Потоптались наши друзья и зашли. Поставили, поморгали в темноте и в запахе кирпичей и ржавчины, и вдруг голос: «Это что за гости?» Хотели дать стрекача, но голос опять: «Да не бойтесь, тут детей не едят...»

Оказалось, что это молодой мужчина, сторож. Ругать ребят не стал, даже пригласил в свою каморку, чаем угостил. Видать, скучно ему было одному. И рассказал он, что в давние военные годы здесь располагался кузнечный цех, где для бронекатеров изготавливали кое-какие детали. А потом их по узкоколейке увозили на главный завод, на сборку. Теперь здесь какие-то склады.

«Да по правде говоря, уже не склады, а одна видимость, – признался сторож. – Караулить нечего. Просто хорошие люди устроили меня на эту должность, чтобы хоть какое-то жильё было». Оказалось, что служил он в армии, в тех самых «горячих точках», где идет настоящая война, там его ранили. Это заметно было: шрам на щеке, небольшая хромота, а порой и заикание (несильное, правда). Вернулся домой, а сестра, у которой жил раньше, вышла замуж, в маленькой квартире тесно. Он спорить не стал, не любил скандалы, устроился вот сюда...

Фамилия у него была «знаменитая» – Тёркин. Правда, звали не Василий, а Саша. «А сам себя я прозвал «Вахтёркин», поскольку здесь вроде вахтера...»

Так и ребята начали его звать, когда познакомились поближе. Они часто стали заглядывать к Вахтеркину. Болтали о том, о сем. Вахтеркин рассказывал всякие истории. Не про войну, а чаще про школьных друзей. Например, как он с ними сплавлялся на плотках по притоку Тальи – по Камен-

ке... Особенно подружился с Вахтеркиным Матвейка, потому что они оба любили песни. Причем, у Вахтеркина песни были никому не знакомые и непохожие на те, что голоса с экранов. Наверно, их сочиняли там, на войне, солдаты... Одна ребяткам особенно запомнилась, потому что была про Венеру. Правда, не про планету, а про статую, но все равно в ней слышалась какая-то тайная переключка с той Венерой, на Солнце...

– А эта песня есть на самом деле? – беспокойно спросил Вовка.

– Есть...

Песню эту нам, в части, пел сержант Полинников, сверхсрочник, успевший побывать во время срочной службы в кавказских переделках.

– А ты... Вань, ты можешь спеть?

– Нет, Вовка, не могу... Была бы гитара, я, может быть, как-то подыграл бы и спел, хотя гитарист я липовый и певец тоже... А так, «всухую», ну совершенно не получится...

Вовка вскочил.

– Подожди! – исчез за дверью, слышно было, как посыпался по лесенке. И не успел я всполошиться, как он вернулся с гитарой. С пыльной, обшарпанной...

– Вот. На ней тетя Света иногда играла...

Мне куда деваться-то? Гитарист я никакой, так, слегка баловался когда-то. Но делать нечего. Я вздыхал, досаду на прилипчивого ангела-хранителя, подтянул струны, чтобы настроить инструмент.

– Раз напросился, слушай... Только имей в виду, у меня ни голоса, ни умения.

Вовка устроился на самом конце лавочки и взглянул на меня потемневшими синими глазами. Ну, ладно...

«Духи» школу спалили в предгорье,
Дым слонится там сизым пластом.
На дороге учебник истории
Шелестит обгорелым листом.

На странице той сажа полосками
И картиночка в верхнем углу,
На картинке – Венера Милосская,
Что в музее с названием Лувр.

Гитарист наш Василий Опарышев
Над учебником тихо стоит:
«И в каком же бою это, барышня,
Потеряла ты руки свои?»

...А потом мы поперли колонною,
Без прикрытья совсем, на авось,
Ну, и врезали сразу со склонов нам
Сзади, спереди – и понеслось...

Мы в ответ огрызались, как лешие,
И трава обгорала вокруг.
И в бою том, недолгом, но бешеном,
Оказался наш Вася без рук.

Он смотрел с виноватой улыбкою,
И просил он меня: «Напои...»
А потом нам сказали: ошибка, мол,
По дороге-то били свои...

Кончил я петь (негромко и сипловато). Помолчали. Потом Вовка выговорил похоже на Баллона:
– Й-ёлки-палки, блин... И такое ведь бывало по правде, да?

– Бывало и бывает... Хотя меня Бог миловал, я не воевал...

– Вань, а дальше-то? Вахтеркин и Каруза...

– Ну вот, подружился они... Один раз Матвейка решил, запел там, ребята его уговорили. А Вахтеркин подыгрывал. Это была старая песня про девушку, «Уралочка» называется. Военного времени...

– Ага, я слышал. Печальная такая, даже это... в глазах щиплет...

– Да... И получилось у Вахтеркина и Матвея такое творческое созвучие. Они потом пели вместе не раз. Вахтеркин стал показывать Матвейке, как играть на гитаре. Ну, сперва хоть самые простенькие аккорды. Посадит его на колени, спиной к себе, даст гитару, а пальцы его – на струны и на гриф. «Смотри, вот так надо...» Ну, и Матвейка научился немного, стал себе подыгрывать. Слух-то у него отличный...

Однажды попросил он у Вахтеркина его синюю блестящую гитару на денёк: мол, дома порепетирую. Тот и дал, поверил. А Каруза-Лаперуза – на рынок. Не подумал даже, балда, что гитару могут отобрать, как секстан...

В общем, гитару вернули Вахтеркину и ничего ему не сказали. Но Матвейке с того дня стало везти в его песенных делах. Ирина Григорьевна в ту пору работала уже не в детском саду, а в клубе Судостроителей, там сохранилась еще кое-какая детская самодеятельность и ребята готовили концерт для ветеранов, к двадцать второму июня, дню начала войны. И вот она разыскала Матвейку и стала уговаривать, чтобы он там тоже спел. Да сильно и не надо уговаривать было: он сразу представил себя тем мальчиком из кино. Заволновался, конечно, и выдвинул два условия: песню он выберет сам и пусть ему сошьют матроску.

Ну, дело не хитрое, тетушки соорудили матроску в четыре руки, даже настоящий флотский воротник достали в магазине судостроительного завода. Предлагали сшить и матросские клеши, но Матвейка отказался. Чувствовал, что будет в них выглядеть ненатурально, словно присвоил чужое, взрослое обмундирование, а он хотел быть в точности, как мальчик из фильма про счастливую «Щуку»...

Ну и выступил. Сперва, как всегда, боялся, а потом спел «Вставай, страна огромная», а после бешеных аплодисментов ту самую «Уралочку» и «Вечер на рейде». Аккомпанировала ему сама Ирина Григорьевна. Вахтеркина не было на концерте (он потом очень жалел), а Брис, Ташка, Инка и Баллон были. И видели, что у многих блестели слезы.

Вроде бы и голосок не сильный, и артистического умения не много (поет, стоя навывытяжку), а вот как-то взял людей за душу...

И с той поры пошло. Несколько раз Матвейка пел в разных клубах, в основном перед ветеранами. Те его встречали, как настоящего Карузо. Или Робертино Лоретти. Слышал про такого?

— Ага, — сказал Вовка. — А с Вахтеркиным он больше не пел?

— С Вахтеркиным получилось неладно. Делался он день ото дня все мрачнее. Нет, с ребятами был по-прежнему добрый, по-дружески так, но они узнали, что по вечерам к нему в жилую каморку приходят взрослые приятели и он с ними там крепко закладывает «за воротник». Потому что в будущей жизни у него не было просвета, он сам так говорил. И однажды он стеклом бутылки полоснул себе по венам... Ну, взрослые дружки его (спасибо им) среагировали быстро, вызвали скорую. Руку Вахтеркину зашили, уложили его в больницу. Правда, ненадолго, на несколько дней. Ребята его там даже навестили разок — узнали, где он, пролезли в дыру забора на больничный двор. Матвейка увидел забинтованную руку Вахтеркина и разревелся. И на этот раз — без всякого стыда. Вахтеркин был ужасно смущен. Объяснял, что «это случилось сдуру» и что «больше я такое никогда...»

Все это, конечно, Матвейкино настроение изрядно подпортило, и все-таки он пел, выступал. Это было для него теперь, как боевой долг.

В городе Тальске жило немало моряков-ветеранов. И с военного флота, и с торгового. Были и с речного флота заслуженные люди. Многие из них входили в ветеранскую организацию. Называлась она «Союз капитанов», хотя состояли в ней, конечно, не только капитаны, но и пожилые флотские люди всяких чинов... Когда-то, до своего отъезда, председателем этой организации был Василий Васильевич Баталин...

Лето шло, приближался День Военно-Морского флота, и совет капитанов решил устроить в клубе судостроителей сперва торжественное заседание, а потом, как водится, концерт. И тут уж, ясное дело, без Матвейки было не обойтись. Нашли ему хорошего аккомпаниатора-пианиста, позвали на репетицию. Но Матвей Гранатов (от слова «Гранат») по прозвищу Каруза-Лаперуза вдруг заупрямился. Он заявил, что согласен петь только под гитару, а играть на гитаре должен Александр Вахтеркин («то есть Тёркин!»), боевой, раненный на недавней войне его, Матвейкин, товарищ. Вот так и не иначе!

Ну, что делать-то? Поохали, согласились.

Труднее всего было уговорить Вахтеркина, он сперва отказался наотрез. «Да вы что, ребята, спятили? Хромого заiku с непочиненной рукой!» И тогда... неловко об этом говорить, но Матвейка опять пустил слезу. Перед таким аргументом Вахтеркин, ясное дело, не устоял...

Ох, затянул я свой рассказ, Вовка...

— Ничуть не затянул!.. И все равно у нас еще почти три часа. Мы должны ждать до упора, пока Венера на Солнце. Вдруг оно все-таки выглянет!

— И вот наступило двадцать пятое июля. В клубе полно народа, много моряков (некоторые совсем седые). Золотые погоны, кортики, шевроны... Пока шло заседание, говорились речи, Матвейка с Вахтеркиным репетировали в кабинетике Ирины Григорьевны. Потом она сказала, что пора. Матвейка уже привык петь перед залом, но тут у него внутри что-то ухнуло... Однако он собрал всю свою храбрость. Заправил поаккуратнее белую форменку в синие отглаженные шортики, взял Вахтеркина за руку и повел его на сцену. В зале — сразу же шум и аплодисменты, возгласы: «Ура, Матвейка! Привет, юнга!» А кто-то даже крикнул: «Молодец, Каруза-Лаперуза!»

Инна Григорьевна объявила, что открывает концерт юный певец Матвей Гранатов и аккомпанирует ему на гитаре его друг, участник боевых действий на Кавказе Александр Тёркин. Конечно, опять шум и хлопки...

Матвейка встал по стойке «смирно». Подождал, когда совсем исчезнет страх, тихо кашлянул, и в горле его, как всегда, лопнула тонкая пленка. Матвейка посмотрел на Вахтеркина и запел «Вставай, страна огромная». И сразу же замер зал — только Матвейкин голосок и негромкий звон гитары...

...Потом пел Матвейка «Вечер на рейде», «Северо-Западный фронт», «Севастопольский вальс»... Его никак не хотели отпускать со сцены. Ирина Григорьевна даже сказала: «Уважаемые товарищи моряки и другие гости, мальчик устал...» Но кто-то крикнул: «Пусть еще одну, последнюю!» И тогда Матвейка запел «Севастопольский камень»:

Холодные волны вздымает лавиной

Суровое Черное море.

Последний матрос Севастополь покинул...

Эта печальная медленная песня вообще-то для большого мужского хора, когда он как бы повторяет движение штормовых волн. А тут один, похожий на цаплю-птенца мальчонка. Но Матвейкин голос звенел такой тревогой и печалью, что опять у старых моряков заблестели глаза. И опять такой ураган аплодисментов... Матвейка держал за руку вставшего рядом Тёркина (тот был в камуфляже и синем берете), наклонял голову в неумелом поклоне и думал, что хорошо бы поскорее исчезнуть со сцены. Однако исчезнуть не дали. Встал седой капитан первого ранга, поднял руку, дождался тишины (правда, не полной) и громко сказал:

«Подожди, мальчик, у моряков есть к тебе дело!»

Он и еще три человека в золотых погонах и с кор-

тиками поднялись на сцену. Встали по сторонам от Матвейки, а капитан первого ранга осторожно повернул его к себе лицом.

«Матвей Гранатов! Союз капитанов решил наградить тебя за твою любовь к морю, за радость, которую ты приносишь морякам, и за храбрость, с которой ты поешь наши любимые песни. В тысяча девятьсот девяносто шестом году, когда ты родился, страна праздновала триста лет нашего флота. Тогда была учреждена специальная медаль. Ею награждают за заслуги перед флотом до сих пор. Нашему союзу дано право вручать эту правительственную награду тем, кого мы сочли достойными. И мы, моряки, вручаем тебе, ровеснику юбилея, медаль «Триста лет Российскому флоту»...

Ух, что тут началось!.. Матвейку подхватил на руки старый дядька в погонах главного корабельного старшины. Матвейка его немного знал, звали старшину Маркельч (то ли отчество, то ли прозвище). От Маркельча слегка пахло спиртным. Он прижимал обмирающего Матвейку к старому колючему кителю и вскрикивал:

«Вот!.. А вы говорили!.. Вот она, наша смена! А вы говорили! Они нас не продадут!..»

Наконец Матвейка оказался за кулисами. Здесь его ждали ребята. Ерошили Матвейкины волосы-водоросли, хлопали по плечам, щупали медаль, уже прицепленную к парусиновой форменке, разглядывали удостоверение с печатью и полным именем награжденного: Гранатов Матвей Сергеевич. Баллон щупал медаль дольше других и сказал: «Да, клёвая вещь». Инка не стала грозить, что убьет его. Ташка храбро поцеловала своего друга в щеку. А тетя Лири и тетя Клара всё старались заново причесать племянника и поаккуратнее заправить матроску...

Ирина Григорьевна слезно упростила Вахтёркина спеть на сцене пару солдатских песен, потому что «негодные парни из студии «Саксофон» не приехали и зарезали нас без ножа, нечем заполнять концертную программу». «Иди, Саня», — шепотом сказал ему Матвейка, и Вахтёркин пошел...

Здесь надо сделать отступление про Вахтёркина и его судьбу. Совершенно случайно в это время оказалась в зале девушка Надя, приехавшая из соседнего городка. Та девушка, с которой он когда-то учился в одном классе и с которой была у них любовь. После армии и ранения Вахтёркин не стал встречаться с ней, прятался. А здесь она увидела его и больше от себя не отпустила... «Какой из меня муж... — горько отбивался он. — Контуженный, психованный, ни на что не способный...» «Вылечим, — говорила решительная Надя. — Не стони и не жалуйся. А то получишь по шее, как в первом классе!» А ребятам, когда она с ними познакомилась поближе, Надя сказала: «Мы с ним были вот как Ташка и Матвейка. Разве бы Ташка бросила Матвейку, если бы с ним случилось несчастье?» Ташка пфыкнула губами так, что с них полетели

брызги. Потому что представить такое было невымыслимо...

Ну, это, как говорится, вставка в основной сюжет. А теперь опять о Карузе-Лаперузе. Ирина Григорьевна сказала, что Матвейке надо пойти в фойе, там его ждут «люди с телекамерой», чтобы снять для вечерних городских новостей. После всех событий Матвейка уже не очень стеснялся. Но сперва ему ужасно было надо «в одно место». Он шепотом сказал об этом Брису и убежал. Где в клубе то самое место, Матвейка знал, потому что был здесь не впервые...

Отсутствовал Матвейка довольно долго. А когда вернулся, лицо его было непонятное. Он ничего не ответил торопившей его Ирине Григорьевне и за рукав оттянул в сторону Бриса: «Пойдем. Скорее...» Брис, почуяв неладное, пошел. Они оказались в длинном коридоре, где попахивало туалетом. В конце коридора говорили друг с другом два милиционера: сержант и капитан (видимо, они отвечали за охрану). Капитан был без фуражки, и под лампочкой блестела голая голова.

«Брис, вот этот... На его машине уехал тогда тот парень...»

Брис не всегда был решительным человеком. Но в такие вот важные моменты – был. Он поступил храбро и умно:

«Товарищ капитан, у нас к вам очень серьезное дело. Только не здесь. Пройдемте, пожалуйста, в фойе. Очень надо...»

Капитан пожал плечами и пошел – туда, где вокруг треноги с камерой толпились любопытные.

«Господин оператор, включите пожалуйста съемку», – сказал Брис так решительно, что «господин оператор» – конопатый паренек с веселыми глазами – навел объектив, над которым загорелся красный огонек.

И тогда Брис в упор сказал лысому милиционеру: «Господин капитан милиции. Скажите, пожалуйста, куда вы восьмого июня увезли морской секстан, который ваш знакомый отобрал на улице вот у этого мальчика?»

Ну, сперва, конечно: какой секстан, что за чушь, да выключите вы камеру, я ничего не понимаю, бред какой-то... Но красный огонек над объективом не перестал гореть, а Матвейка дрожащим от обиды голосом сбивчиво, но понятно и недлино изложил всем, кто рядом, то, что было.

«А! Ну да, я помню этого юношу! – наконец образил капитан (а куда ему деваться-то). – Его звали, кажется, Валерий... Он был в отряде содействия милиции и собирался в войска МВД, а после армии в милицейскую школу. Мы с ним об этом и поговорили, когда встретились на улице, а потом я его подвез до дома, по пути было. На следующий день он, судя по всему, уехал на сборный пункт. Куда его направили, я не знаю. И не помню никакой этот секс...»

«Это не то, что вы думаете, капитан, это мореходный инструмент», – сказал подошедший моряк.

«Я это как раз и думаю, товарищ капитан второго ранга... Да выключите же камеру, что здесь интересного!.. Хорошо, я наведу справки, разберусь...»

«В четырнадцатом отделении уже полтора месяца разбираются», – непримиримо сказала появившаяся рядом Инка.

«При чем здесь четырнадцатое! Я завтра же... Сегодня-то воскресенье... Хотя... – Лысый капитан милиции вынул из нагрудного кармана рубашки мобильник. – Тюканов? Хорошо, что я тебя застал, дело тут... Твой комп на связи? Добро. Найди мне список этого... молодежного отряда содействия, будь он неладен... Потом объясню... И отыщи в нем адрес Валерия... э-э... Карченко!.. Да знаю, что в армии, адрес надо... Переулок Токарей, двенадцать. Усёк... Да, и глянь, что у него за семейство... Мать и брат, отца нет? Добро... Спасибо, отбой...» – капитан милиции оглядел всех, кто вокруг. – У меня машина, сейчас поедem, поговорим с матерью этого Карченко Валерия: где он и как, и куда девал прибор... – Он слегка затравленно глянул на

телеоператора. – Надеюсь, ваш канал не будет давать об этом репортаж?»

Дерзкий конопатый оператор сказал, что пока не будет, но потом поинтересуется. Видимо, у него были с милицией свои счеты.

Поехали минут через десять, после того, как Матвейка дал «тэвэшникам» сбивчивое интервью, а милицейский капитан сходил, еще раз проверил охрану клуба.

В пыльный служебный рафик (тот самый) влезли все пятеро. Капитан не спорил. (Тетя Клара и тетя Лира охали вслед, а Вахтёркин в зале все пел.)

До переулка Токарей добрались быстро. Дом Карченко был одноэтажный, за зеленым, уютным таким забором. Когда вошли, слабо вякнула и тут же убралась под застекленную веранду рыжая собачонка. А с крыльца веранды быстро спустилась женщина лет сорока, в пестром переднике и шлепанцах.

«Здравствуйте... Ох, а что случилось-то? Неужели с Валерой?»

Капитан сказал, что ничего не случилось, просто он по своей обязанности ездит по адресам, интересуется, как служат бывшие подопечные из отряда содействия. А ребята эти просто знакомые, катаются по причине воскресного дня...

Сели у садового столика на лавки. Женщина, суетливо вытирая передником руки, проговорила:

«Его в Среднекамск отправили, в сержантскую школу, спасибо вашей характеристике... Он две недели назад письмо прислал...»

Тогда капитан спросил наконец, не приносил ли Валерий перед уходом в армию какой-нибудь оптический прибор. И женщина, снова испугавшись, сказала, что да, приносил. И тут уж, делать нечего, капитан сказал, что есть подозрение: прибор краденый.

«Господи, да что же это... Сейчас принесу. Господи...». Она сразу будто постарела и засеменила к дому.

«Имейте в виду сразу: номер девяносто семь тринадцать, – насупленно произнес Брис. – Чтобы потом не говорили, будто не наш.»

Номер был отписан полустершейся белой краской. На алидаде. Тот самый. Капитан крякнул и, глядя в стол, рассказал матери Карченко все, что было. Та сидела, беспомощно уронив руки – как мама непутевого мальчишки с известной картины «Опять двойка».

«Господи... Что теперь будет-то?.. Он ведь принес тогда эту вещь и подарил братишке на прощание. Сказал, что купил на барахолке у какого-то мужика, там всякие неожиданные.. предметы... продают... Братишка такой, как эти мальчишки, старшие. У него церебральный паралич с детства, не ходит он почти... так обрадовался. Буду, говорит, теперь, как моряк...»

Наступило молчание. Потом Баллон шепотом сказал: «Ну, положеньице... долбаное». Так же тихо Инка сказала, что убьет...

Потом все увидели, как из широкой двери выехал в кресле на веранду мальчик: темноволосый, узколицый, с укрытыми зеленой накидкой ногами. Он посмотрел сквозь прозрачные стекла на ребят и вдруг поднял тонкую, как у Матвейки, руку. Я, мол, вас не знаю, но все равно хорошо, что гости. И Матвейка (он потом говорил: сам не понимаю почему) вдруг тоже тихонько помахал ему.

Брис взял секстан. Оттянул зажимы прямоугольного зеркала, уронил его в ладонь. Следом упала сложенная пополам визитка и маленькая фотография. Брис положил фотографию на стол. На ней был большеглазый мальчишка в такой, как у Матвейки, форменке, тоже с медалью, и в бескозырке с надписью на ленте: «Береговая оборона». Все смотрели на снимок с полминуты. Потом Брис убрал визитную карточку и фотографию в нагрудный карман рубашки. А секстан подвинул женщине.

– Это другой инструмент, мы ошиблись. И парень, который отобрал наш секстан, был видимо, другой. Извините... Пошли, ребята...

И они разом встали и пошли к калитке. Песик нерешительно вякнул из-под веранды.

«Храни вас Господь», – торопливо сказала им след за Валерия Карченко.

Капитана подождали у машины. Он задержался во дворе минут на пять. Наверно, говорил женщине, какую нахлобучку она должна устроить сыну в письме и как этот дурак должен быть благодарен пятерым ребятам. А то ведь пахло уголовным делом и черт его знает чем вместо сержантской школы.

Капитан милиции довез всех до Инкиного дома. А по дороге сказал:

«Да, правильные вы мальчишки-девочки...»

«Мы-то правильные, – буркнул в ответ Брис. – А вот что из этого дурака получится... Сержант охраны порядка...»

«Разберемся и проследим. Примем меры», – пообещал капитан. Ребята подумали, что он, скорее всего, врет, но было уже не до того.

Они поднялись на Инкин чердак. В свою «кают-компанию». Там Брис опять достал снимок юнги Баталина. И все стали разглядывать его в свете солнца, что падало в чердачное окно.

«Брис, а можно ведь увеличить карточку, – шепотом сказал Матвейка. – Есть такая мастерская, там тетя Лира работает. Можно сделать для каждого... Можно, да?»

«Конечно, сделаем», – сказал Брис.

– И сделали? – спросил Вовка.

– Да...

И словно солнце, светившее в окно Инкиного чердака, пробилось и сюда.

– Иван, смотри! Какой в облаках разрыв!

АНДРЕЕВА Мария Федоровна (псевд.: урожд. Юрковская; в первом браке Желябужская; 1868 – 1953), мемуаристка, переводчица.

Актриса, общественный деятель; гражд. жена и секретарь А.М.Горького. Мария Федоровна Андреева: Переписка; Воспоминания; Статьи; Документы; Воспоминания о М.Ф.Андреевой. – 3-е изд. доп. и перераб. – М., 1968. Под ред. М.Горького в пер. А. вышли «Итальянские сказки». Т.2 (первый том не выходил). М., 1912.

БСЭ; ИДРДВ. Т.3. Ч.4 (указ имен); Т.4. Ч.4 (указ имен); «Воспоминания и дневники»; Таланов А. Большая судьба. М., 1967; ЦГАЛИ. Путеводитель; «Встречи с прошлым, вып.3 (фото); Волохова Н.А. «Феномен». Л., 1986, 2-е изд.

Голубева; Гуль.

АНДРЕЕВА Надежда Васильевна, писательница.

«Пересмешник». 1917. № 2.
Масанов.

АНДРЕЕВА Надежда Петровна.

Составитель руководств по хозяйству (СПб., 1857).

Венгеров.Источ.

АНДРЕЕВА Ольга Алексеевна (1880 –), авт. автобиографии.

Сотр. Гос. Лит. музея. «Автобиография (1880-1934)» – машинопись, хран. в ОР РГБ.

«Воспоминания и дневники».

АНДРЕЕВА П.А.

Авт. кн. «Подарок молодым хозяйкам. Толковая поваренная книга. Практическое руководство к сокращению расходов в домашнем хозяйстве». Изд. книгопродавца А.Ступина. М., 1885.

Венгеров.Источ.

АНДРЕЕВА С.А.

Авт. пов. «Горе от ближних» // Рус. слово. 1859. Авг. Сотр. «Отечеств. записок»: в этом журн. помещена ее рец. на кн. «Судьба женщины» (1861. Т.137).

Венгеров.Источ.; Слов. рус. писательниц.

АНДРЕЕВА Тамара.

Два ее стихотворения напечатаны в сб. литературы и искусства «Земля Колумба» Кн. 1. Нью-Йорк, 1936.

Кн. рус. зарубежья.

АНДРЕЕВА Феодосия Степановна (урожд. Бабенко), авт. воспоминаний.

Жительница с. Збурьевка Днепроводского уезда Таврической губ. «Чистосердечное признание родной сестры родоначальницы Марьяновского толка хлыстовской секты» – «Миссионерское обозрение». 1900. № 10 С. 404-414 (сестра Марьяна и ее сект. деятельность).

ИДРДВ. Т.5. Ч. 2. № 1146.

АНДРЕЕВА Юлия.

Авт. кн. «Много детей, много затей». Рассказ для детей младшего возраста. СПб., 1911. Изд. 2-е М.О.Вольфа. 16 с.

Мистерия Древнего Египта

Согласно мифам и легендам народов мира, существовала древняя протоцивилизация, претерпевшая глобальную катастрофу во время Всемирного потопления. Некоторые из ее обитателей спаслись на кораблековчеге, найдя убежище от стихии на горах. Этой теме мы с коллегой коснулись ранее, предложив свой вариант легендарных событий*. В настоящей статье рассматривается гипотеза о возможной роли Древнего Египта времен первых династий как передаточного звена в развитии мировой цивилизации.

Древний Египет мог явиться одним из тех мест на земле, где представители затонувшей высокоразвитой протоцивилизации передали человечеству свои знания и технологии. Основания для такого предположения есть, и вполне резон-

ные. Сами египтяне считали, что их страной в течение продолжительного времени правили боги и полубоги, на смену которым пришли династические правители, называвшие себя «служителями Гора». Можно сослаться на известного английского археолога Эмери, изучавшего эпоху додинастического и раннединастического Египта, то есть то время, когда зародилась древнеегипетская цивилизация. Благодаря его исследованиям, было показано, что культурное развитие долины Нила в этот самый ранний период цивилизации было уже на таком высоком уровне, который далеко не всегда удалось превзойти в более поздние периоды египетской истории, когда государство достигло наи-

Древний Египет. «Посвящение»

большого могущества. В своих трудах Эмери подчеркивает, что такое быстрое развитие цивилизации в долине Нила стало возможным благодаря вторжению с некоего еще не исследованного пространства «династической расы», принесшей на египетскую землю высокоразвитую культуру.

Эмери выявил даже чисто анатомические отличия правящей в раннем Египте элиты: черепа их имели больший размер, а тела были длиннее, чем у местного населения. Вот вывод этого авторитетного египтолога: «анатомические различия столь разительны, что любое предположение, будто этот народ ведет свое происхождение от тех же предков, что и более раннее население Египта, просто невозможно». Аналогичной точки зрения придерживались и другие известные ис-

следователи Египта. Например, Стюарт – автор книги «Загадки Великой пирамиды» считает, что Великую пирамиду построили европейские или азиатские колонисты, пришедшие с миром и потом покинувшие Египет. Питри также считает, что совершенные творения в Египте связаны с группой людей, чьи феноменальные способности превосходили современников.

Древние цари Египта, носившие титул фараонов, вполне возможно, были ставленниками «иноземцев» – «архонтов», представителей высокоразвитой протоцивилизации. Жизнь фараона древних времен являлась лишь предписанной чередой утомительных царских занятий, ограниченных священным царским мандатом. Она не имела ничего общего с досужей жизнью восточного властелина, за-

* См. УС № 3, 2005 г.

нятого воплощением своих потребностей и амбиций. Диодор Сицилийский пишет о фараонах: «Они не вольны были поступать по своему усмотрению. Все было предписано законами, и не только государственная, но и частная, обыденная жизнь. Часы дня и ночи, когда фараону надлежало выполнять какую-либо из своих обязанностей, предписывались законом и не могли нарушаться даже по собственному желанию фараона». Египтяне верили, что порядок на земле Египта очень давно установлен богами. Раса богов правила Египтом до того, как

Фараон в церемониальном облачении.

власть была доверена фараонам, имеющим божественное происхождение. Фараоны оставались связующей нитью с миром богов. Любое движение фараона, любой его поступок или указ должны были согласовываться с Заветом царствования. Из сказанного напрашивается вывод о том, что «должность» фараона была учреждена и строго регламентирована «иноземцами» – «архонтами» для выполнения Древним Египтом какой-то миссии. Возможно, древнеегипетская цивилизация должна была сохранить культурный и научно-технический потенциал затонувшей протоцивилизации или решить какую-то определенную задачу, поставленную «архонтами». И ключом к разгадке этой миссии, скорее всего, является древнейшая египетская святыня, именуемая Бенбеном (или Беннетом), которая связывалась с первым появлением в Египте легендарной птицы Феникс. Эта реликвия первоначально хранилась в храме Феникса в священном городе Гелиополе – там, где билось сердце исконной религии Египта, уходящей корнями вглубь времен. Известно, что Бенбен являлся реликвией огромного значения и главным предметом государственного культа Древнего Египта. Но следы этой легендарной реликвии затерялись в толще тысячелетий.

Издавна фараоны носили титул правителей Верхнего и Нижнего Египта. По легенде, Верхний Египет подчинил себе Нижний. Египтологи отождествляют эти два названия с верхним течением Нила и с его дельтой. Но, быть может, Верхний Египет означает горный массив, где нашли спасение и обосновались

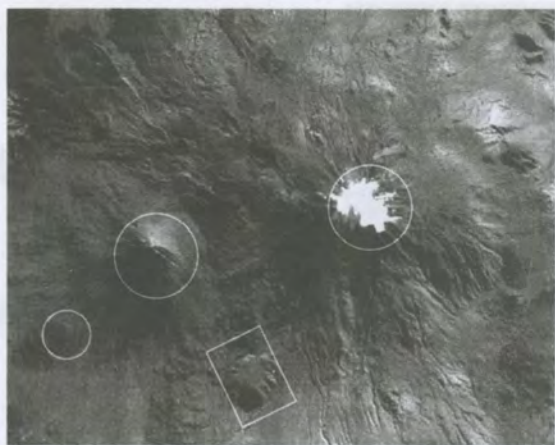
«архонты» или их предки. Затем они предприняли экспедиции для «колонизации» земель в долине Нила, которые для них являлись «нижними». Нужно отметить, что предания древних цивилизаций Месопотамии также повествуют о поколении первых правителей, «спустившихся сверху». В Шумере божественные «Величественные» под названием «Аннунаки» (An-unna-ki) образовали Верховный Совет, управлявший людьми, и олицетворяли собой царство, спустившееся на землю. В ханаанской и древнееврейской традициях известны Исполины (nephilim) – «те, кто сошел

вниз». Подобные воззрения отражены в мифологии практически всех народов. Предания древних можно трактовать таким образом, что изначально первые цивилизации были основаны и управлялись «иноземцами» – «архонтами» с «божественными» способностями, которые «спустились вниз» из горной страны. А это напрямую восходит к мифам о всемирном потопе и спасении представителей затонувшей цивилизации на горах.

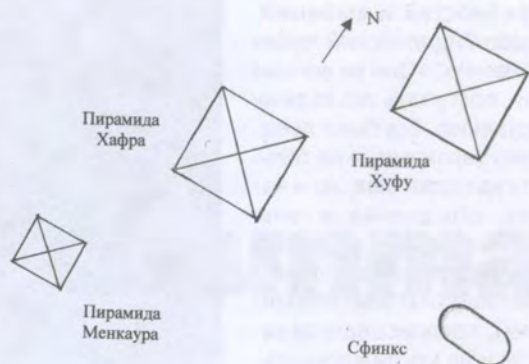
Именно с мифами о всемирном потопе могут быть связаны египетские пирамиды и родственные им сооружения в древнем мире. Пирамиды являлись культовым олицетворением горы или гор, на которых во время легендарного великого потопа нашли спасение «иноземцы» – основатели Египта. Наиболее древние египетские документы свидетельствуют о том, что Великая пирамида была построена в память о глобальной катастрофе планетарного масштаба, которая привела к пожарам и затоплению обширных территорий на земле. Версия о связи пирамид с мифом о потопе подтверждается и существовавшим в Древнем Египте культом священной Ладьи. В «доках», вырубленных по бокам великих пирамид, найдены большие ладьи. Комната, в которой находилась священная храмовая Ладья, почиталась как одно из самых сокровенных мест в храме. Огромные специальные помещения для ладей были найдены и в погребениях-мастабах более ранних династий, еще до строительства пирамид. Укоренилась точка зрения, что этот культ являлся выражением движения бога солнца Ра на сво-

Церемониальная ладья фараона Хуфу. Гиза, музей ладьи.

Араратский горный массив (вид сверху)

ей ладье по небосклону. Однако ладья могла олицетворять и легендарный корабль-ковчег.

Продолжая тему, можно вспомнить древнеегипетскую церемонию Хеб-Сед, смысл которой пока мало понятен египтологам. Церемония включает ритуальный бег фараона и сопряжена с погружением в воду и вступлением «посвященного» на ладью. В итоге фараон восходит в высший регион пирамиды и занимает «свой престол на горизонте». При этом напомним, что «горизонтом» древние египтяне называли пирамиды – символ горы. В этой церемонии явно прослеживается миф о всемирном потопе, и ее можно трактовать как мистерию в память об этом легендарном событии. Не исключено также, что пирамиды, имевшие на вершухе площадку, предназначались для хранения древнеегипетской святыни Бенбен. Одно из значений корня «бен» означает «возноситься вверх». В этом случае, пирамиды являлись не только культовыми, но и практичными сооружениями. Например, для на-

дежного спасения реликвии от наводнения или рецидива большого потопа.

И обратимся наконец к знаменитому комплексу великих пирамид на плато Гизе. Это три основных грандиозных сооружения: пирамида Хуфу (Хеопса), высотой 147 метров, пирамида Хафра – 140 метров и пирамида Менкаура – 65 метров. Не так давно начали высказываться предположения, что пирамиды возведены в соответствии с единым планом. Именно из-за этого замысла третья пирамида имела меньшие размеры, хотя ясно, что Менкаура хотел бы иметь пирамиду, сопоставимую по размерам с пирамидами его предшественников. Интересная гипотеза высказана Бьювелом и Джилбертом, изложенная ими в книге «Секреты пирамид». Бьювел, профессиональный строитель, всецело увлеченный тайнами возведения пирамид, предположил, что пирамиды построены в соответствии с расположением звезд, которые были предметом культа древних египтян. В частности, он соотносит три

великие пирамиды на плато Гизе с тремя звездами пояса Ориона. Они имеют такое же взаимное расположение, и соотношение яркости каждой из звезд соответствует высоте пирамид. Гипотеза интересна, но мотив для построения таких грандиозных сооружений должен быть более практичным и отражать исторические события. Да, пирамиды на плато Гизе имеют общий план строительства, но прототипом им могут служить не звезды, а горы. Если сравнить план пирамид с расположением Араратских гор, где нашел пристанище легендарный корабль-ковчег, то это предположение оправдывается. Обратив внимание на снимок сверху Араратского горного массива, можно убедиться, что взаимное расположение и размеры горных пиков вполне соотносятся с планом пирамид, и также имеется соответствие для Сфинкса.

Известно также, что пирамиды в древности были покрыты облицовкой из белого известняка (которая сегодня сохранилась только частично). По всей видимости, белая облицовка была призвана дополнять сходство пирамид с заснеженными Араратскими горами. Из древних текстов известно, что фараон Хуфу, начавший строить этот комплекс пирамид, стремился узнать точное число неких покоев (или чертогов) бога Тота. Похоже, что ему это удалось, и он спланировал комплекс сооружений, символизировавших легендарные горы, на которых нашел пристанище корабль-ковчег во время потопа. Известно, что древние египтяне отождествляли пирамиды со священными горами Ростау. Сейчас мы можем предположить, что прототипом им послужили Араратские горы. Таким образом, древнеегипетская и библейская история вполне могут иметь общие корни, берущие начало на легендарном Арарате. В этом отношении показателен отрывок одного из текстов Древнего Египта, адресованных Осирису: «Приветствую тебя, Осирис, ...которому было вручено правление в Гелиополе, повелитель Двух Холмов, повелитель всего, что ниже ...кто владеет лучшим и кратчайшим путем в Дом на Высоте...».

Культовый спасительной горы от египетских пирамид и вавилонских зиккуратов протянулся через все эпохи, вплоть до наших дней, находя воплощение во всевозможных культовых сооружениях – курганах, соборах, церквях, обелисках и тому подобном. Высшие жрецы и правители древности носили на голове остроконечный колпак или подобный ему головной убор, символизировавший священную гору. Он означал принадлежность к касте избранных, духовных потомков «горцев» с корабля-ковчега. Сакральный смысл со временем забывался, но эта традиция прокатилась по странам и эпохам – от обыденных ночных колпаков до сановных королевских корон и папских тиар. Эти традиции – одно из проявлений общности культуры общемировой цивилизации от древности до наших дней. И одна из коренных причин такой общности – единая протоцивилизация, задавшая общий исходный вектор развития для разных стран и народов.

АНДРЕЕВА-БАЛЬМОНТ Екатерина Алексеевна (1867 – 1950), мемуаристка, переводчица.

Вторая жена поэта К.Д.Бальмонта. Род. и выросла в семье московского купца. Как и все ее сестры, получ. хорошее домашнее образование. (Ее старш. сестра А.А.Андреева (см.) стала писательницей). А.-Б. возгл. в Москве комиссию по библиотечному делу в воскресных школах. Была одним из редакторов серии книг изд. М. и С.Сабашниковых “Страны, века и народы”. В том же изд.-ве под ред. Бальмонта печат. ее переводы О.Уальда, Э.По, Гамсуна, Ибсена – за подписью Ек.Андреева и Ек.Бальмонт. Вместе с сестрой А.А.Андреевой пер. на фр. яз. кн. Т.А.Кузьминской “Моя жизнь дома и в Ясной Поляне”. Выйдя замуж по любви и найдя в Бальмонте не только оригинального поэта и мыслителя, но и замечательного человека, А.-Б. посвятила ему всю свою жизнь, хотя их совм. проживание продолжалось только 24 года. Создавала условия для творческой работы, была помощницей, советчицей и другом. Даже писание воспоминаний, начатое А.-Б. после смерти Бальмонта, она воспринимала как супружескую обязанность. Мемуары А.-Б. (а из написанного ею опубликовано только три части: “Мои воспоминания о К.Д.Бальмонте”, “Князь Александр Иванович Урусов” и “Семья Андреевых” (см. Андреева-Бальмонт Е.А. Воспоминания. М., 1997), остальное: “Судьба моих братьев и сестер”, “О патриархе Сергии”, “О Максимилиане Волошине” и др. пока хран. в рук. отд. РГБ) – главный и самый отчетливый след, который А.-Б. оставила в литературе.

Венгеров. Источ (Андреева Е.А.); Шульман, Лариса “...Здесь веет дух добра” – в кн. Андреева-Бальмонт Е.А. Воспоминания. М., 1997, с.5-14 (портр); “Воспоминания и дневники”; Белов С. “Книгоиздатели Сабашниковы”. М., 1974; Горбунов Ю. “Бальмонт: миасские страницы” – “Уральский следопыт”, 2002. № 4. С.13-18.

АНДРЕЕВА (Георг) Вера Павловна (1887 —), авт. воспоминаний.

Слушательница историко-филологич. факультета Высших женских (Бестужевских) курсов. В соавт. с Т.Д.Каменской (см) написала воспоминания о профессоре И.М.Гревсе. Они были напечатаны в «Приложении» к кн. «Тацит». М.-Л., 1946, а затем в расширенном виде вошли в кн. «СПб. высшие женские (Бестужевские) курсы» Изд. 2-е. Л., 1973. С.180-183.

ИДРДВ. Т.4. Ч.3. № 6263.

АНДРЕЕВА-МАЕВСКАЯ М.А., переводчица.

Переводила преим. с англ.. Первые переводы были малоудачны (см. рец. в “Воспит. и обучении” 1888. № 1. С.22). Пер. “Рассказ калифорнца” М.Твена – “Мир Божий”, 1902. № 12; Мария Лариш “При дворе Габсбургов”. М., 1914 (рец. в “Гол. мин.” 1915. № 10. С.313; “Итальянские сказки”. М., 1912; пер. с англ. и издала ром. Эл.Глин “Причуды любви”. М., 1917 (Полн. собр. соч., т.2). Некая М.А.Андреева была авт. «Очерков по культуре Византийского двора в XI-XII веке». Прага, 1927. В «Сборнике статей, посвященных П.Н.Милюкову, 1859-1929». Прага, 1929 опубли. ст. Андреевой М.А. «Адресаты и датировка двух писем Никифора Влеммида» (С.193-204).. А в «Сборнике статей, посв. памяти Н.П.Кондакова» – статья «Прием татарских послов при Никейском дворе» (С. 187-200).

Венгеров. Источ.; Кн. рус. зарубежья.

(Продолжение на стр. 39)

Надежда СМИРНОВА

Мосты, опоры, станции, сады,
болота, перелески и пруды,
машинами груженный товарняк,
хребет Уральский, над рекой ивняк;
обочины дорог и переезд,
и зелень, зелень яркая окрест,
и скорые другие поезда,
и шпалы штабелями у моста;
рабочие, сидящие у шпал,
собака, птицы, озера овал
и ангела невидимого взгляд –
мгновения над вечностью скользят...

Мой мир – сырая акварель,
где незатейливый художник
расплывчато наляпал дверь,
трамвай, траву, дорогу, дождик...

Он и такой – настолько мил,
что просто глупо обижаться,
что даже из последних сил
все строит за него держаться.

До дождей коричневый картофель
в погреб лёг.
От ботвы сгоревшей пахнет кофе –
уголёк
тлеет. В огороде полупусто
стало вновь –
лишь земные шарики капусты
и морковь.
Перелетных птиц чернеют точки
высоко.
Небо, опрокинутое в бочке –
глубоко.

Так светло, и не спится –
снег засыпал округу.
Стрелки – тонкие спицы –
вяжут время по кругу.

И весёлые мыши
по углам шебуршатся.

Невесёлые мысли
в голове копошатся:

о судьбе, о зиме,
о земной круговерти,
о тебе, обо мне,
о бессмертии и смерти.

Городишко Кировград
лишайми штукатурки
мой подталкивает взгляд
к завершению прогулки.

Устоявшейся тоской
заполняет без причины,
а в аптеке городской
нет лекарства от кручины.

Серый день, стекая с крыш,
тонет в лужах придорожных.
Не живешь, а словно спишь,
и проснуться невозможно.

Передергивает дрожь –
с крыши капает за ворот.
Время на руке трясешь,
покидая сонный город.

Уснуть с улыбкой на устах,
но, обернувшись тёмной тенью,
бежать по городу сквозь страх
от сновиденья к сновиденью.

Неуловимое лова,
листать, листать чужие лица
и точно знать, что боль моя
не стихнет и не повторится.

Найти и снова потерять,
но вдруг лицом к лицу столкнуться,
заплакать, как ребёнок, в пять
и с именем твоим проснуться.

Когда всему наступит свой черёд,
настанет время слёз и говоренья,
и каждое моё стихотворенье
каким-то откровением сверкнёт,

тогда и жизнь ослабит вдруг объятья,
душа доносит тело, словно платье,
черновики стихов сомнёт в горсти
и сквозь прореху в небо улетит...

В душе сохранить скользкий
по вертикали снег,
бессонный и нисходящий
его неоновый бег.

У фонаря, как фото
используя пристальный взгляд,
когда снеговая дремота
движется наугад,

Когда стена снегопада
и объектив зрочка
связаны нитью взгляда
и светового пучка.

Не искать иного в жизни смысла
и заметить вовремя успеть,
что звезда вчерашняя повисла
там, где кабачок тугую плеть

вытянул вдоль грядки, где сверчок
скричет по ночам, где бродят кони,
да, мерцающая, светит светлячок
чудом голубым в твоей ладони.

Погоди, погоди, не спеши!
Слышишь, что-то шуршит и шуршит
над сумятицей городской?

Только это не говор людской,
не листва тополей, не машины
по местности.

Где-то там – высоко-высоко –
время белым сухим песком
все течет и течет из кувшина
вечности.

Борису Рыжему

Кажется, я умираю;
в старом саду городском
снова музыка играет
в суетном шуме людском.

Голосом дальнего детства –
медных тарелок и труб –
переполняется сердце,
счастьем срывается с губ.

Это, незнамо откуда,
шестидесятых следы –
вечным предчувствием чуда
и отрицаньем беды.

Как тебя уберечь,
чистая русская речь,
от вытеснения слова
меткого и простого,

Чтобы грядущие внуки,
слыша родные звуки,
в век своего бытия
их полюбили, как я,

Чтоб через тысячи лет
ты оставляла след
в сердце звучанием слова –
веского и золотого?

Придется в землю лечь и спать, и спать
(а где-то близко бабушка и мать),
отяжелевших век не поднимать.
А рядом будут новый дом копать.
И станет пухом твердая земля,
и до земли истлеет плоть моя,
до чистой кости. Но пока живу,
благодарю во сне и наяву,
что неизбежный миг не наступил,
что сохранен запас любви и сил
для странствий и страданий на земле,
на отведенной Богом колее.

Янтарное небо Гранады
и желтый атлас Пиренеев –
слова, словно зёрна граната,
катаю во рту – и пьянею;

От длинных волос цвета сажи,
от ритма стремительной хоты,
от бронзовых щёк, от корсажей,
от запахов лука и пота,

Оливок, лимонов, сирени,
от криков восторга и боли,
от крови быка на арене,
от звона песет и пистолей,

от глаз, распаленных до блеска,
подолов крахмальных с оборкой,
в стихах беспокойных и дерзких
Федерико Гарсиа Лорки.

Жизнь приносится в жертву любви и
стихам,
даже больше стихам, чем всему
остальному.
Но коснёшься поэзии лишь по верхам
и бессонницей платишь за нужное слово.

И тяжёлые капли текут по щекам
от сознания того, что мы – взрослые дети.
И понятна вся тщетность оставить векам
снег, сиянье небес и берёзы вот эти...

Ракушка держит море взаперти –
оно поёт и непрерывно дышит;
хоть так, хоть сяк её в руках верти –
нет ничего. Лишь только память слышит,
как волны набегают на песок,
где, шёлковый роняя поясок,
я чувствую движение и рокот,
нетерпеливо тороплюсь потрогать
кипучую волну. И вдруг она,
прохладной пеной пальцев ног касаясь,
ракушку розоватую со дна
приносит в дар... Счастливая, босая,
несу свою добычу через Сочи.
А море в ней рокочет и рокочет.

Дежа-вю

Откуда я знаю и запах, и смех,
мерцающий звездами норковый мех,
ладони и пальцы, оковы колец,
и встреч быстротечность, и тайны свинец?

Откуда знакома неспешная смерть –
в глаза голубые смотреть и смотреть?
Откуда мученье счастливое мне –
две светлые тени на темной стене?

Эта странная азбука глухонемых,
в непрерывном движении нервные руки,
эта жажда общения – жажда живых –
мир, где тонут и стоны, и стуки.

Эта мимика лиц и сверканье глаз –
человечья извечная жалость и мука
оттого, что они имитируют нас,
но не слышат ни звука.

Не за почёт, не за пятак,
а просто так, а просто так,
чтобы из воздуха и праха,
из солнечных лучей и взмаха,
и нетерпенья мотылька,
благоухания цветка,

полутонов и дуновенья
сложилась новая строка
разбуженного вдохновеньем
обычного стихотворенья,
и чтоб над бездной бытия
мостом служила боль моя
тому, кто вкусит этот Мёд
и как никто меня поймёт.

Над обмелевшей Исетью высокие тополя. В воде
отражается небо и голые ветки, переплетенные вре-
менем в сетку. Перед мартеновским цехом вытяжав-
шая земля, рельсы и вагонетки. Огонь за железны-
ми стенами цеха умер давно. Лет сорок тому назад,
как в документальном кино, жадное пламя гудело,
пахло стальным листом, платформы, груженные
шлаком, ползли под мостом; мальчишки с обрыва
ныряли, не зная о том, что будет с рекою, с заво-
дом, со мною и с ними потом...

Военные госпитали Перми

Во время перевязки в одном из пермских госпиталей.

В годы Великой Отечественной войны Пермский край, как и весь Урал, был не только кузницей оружия, боевых и трудовых резервов, но и одной из крупнейших баз по развертыванию тыловых эвакуогоспиталей. Расположенный на пересечении железнодорожных магистралей Москва – Владивосток, Ленинград – Свердловск и Волжско-Камского водного пути, он сыграл важную роль в лечебно-эвакуационном обслуживании войск фронтов северо-западного и центрального направлений. Военно-медицинские учреждения были развернуты во всех городах края, во многих поселках, ряде сел – как на базе прибывших из других районов страны госпиталей, так и местных медицинских учреждений. Были развернуты госпитали и на уральских курортах «Усть-Качка» и «Ключи».

Уже в первые месяцы войны в Прикамье пошел большой поток тяжелораненых воинов, нуждавшихся в особо тщательном уходе и дополнительной лечебной помощи. 27 июля 1941 года в областной центр – г. Пермь (в 1940-1957 гг. – Молотов) прибыли первые 250 раненых. Принял их эвакуогоспиталь № 3147, развернутый на базе 2-й клинической больницы. К этому времени была готова к работе треть из 149 созданных за годы войны госпиталей Пермской области.

Пермь, располагавшая немалыми медицинскими силами и материально-техническими средствами для лечения больных, достаточным количеством общественных зданий, стала крупным госпитальным центром Западного Урала. Здесь было развернуто 30 госпиталей разного профиля. Основной квалифицированной силой в них

были сотрудники пермских институтов – медицинского, стоматологического и фармацевтического. 13 профессоров, 6 доцентов и 25 ассистентов медицинского института работали в инспекторском аппарате Пермского эвакуационного пункта (МЭП-44) и в отделе эвакуогоспиталей областного отдела здравоохранения. Весь свой опыт научной, клинической и организационной работы они отдавали, оказывая помощь военнослужащим, чтобы вернуть их в строй и к труду.

Не оставляя руководство кафедрой госпитальной терапии, главным терапевтом местного эвакуопункта и одновременно начальником госпиталя № 1719 стал профессор П. А. Ясницкий. Человек энергичный, деятельный, он справлялся со всеми обязанностями и вел большую практическую лечебную и научную работу. Так он изучил особенности течения ряда внутренних болезней в условиях военного времени, проблемы терапии осложнений и остаточных явлений у раненых, а также патогенеза и клиники алиментарной дистрофии. Разработанные мединститутом инструкции по питанию и лечению последней категории больных были одобрены Наркоматом здравоохранения и разосланы в лечебные учреждения страны.

Творческая инициатива ученых-медиков была неисчерпаема. В госпиталях, клиниках и лабораториях они изучали характер ранений, искали новые, совершенные методы их лечения. Особо в годы войны проявился организаторский и новаторский талант профессора ПМИ В. К. Модестова, в 1941-1943 гг. начальника госпиталя № 3149. Он, изучая в течение ряда лет естествен-

ные богатства Пермской области, с успехом использовал многие из них в лечебных целях еще во время войны с Финляндией. А в годы Великой Отечественной разработал и внедрил в практику методики лечения раненых и больных натуральными минеральными водами, солями, продуктами нефти местного происхождения, внес ряд рационализаторских предложений, имеющих большое практическое и оборонное значение. Широкое применение нашли на фронте и в госпиталях предложенные Модестовым антисептические индивидуальные перевязочные пакеты и марлевые тампоны, пропитанные бромйодной водой, асфальтеновые повязки. Во всех госпиталях и больницах области с успехом заменяли вату целлюлозой, использовали турбинное масло в качестве основы для мазей. Испытывались и получили признание и многие другие его предложения, в т. ч. химические стельки и носки из особой бумаги для профилактики обморожений, комбинированный порошок «М» дезинсекционного действия, мыло из глины и т. д. Научные сотрудники пермских ВУЗов помогали не только госпиталям, но и учреждениям гражданского здравоохранения. Их открытия в различных отраслях медицины спасли жизни тысячам людей.

Эвакогоспитали Перми и области имели свою специфику. Здесь велись поиски наиболее эффективных методов лечения военно-травматических повреждений мягких тканей, трубчатых костей, остеомиелитов, а также терапевтических больных. Настоящим методическим центром по восстановительной хирургии для всех лечебных учреждений Урала стал ЭГ № 2560, разместившийся в корпусе санитарного факультета мединститута по ул. Куйбышева, 39. Благодаря ведущему хирургу профессору Б. В. Парину в госпитальную практику страны активно внедрялись методы восстановительной хирургии, создавались специализированные госпитали. В течение 1942 года был полностью приспособлен для лечения раненых с ампутационными конечностями ЭГ № 1711, на 400–500 коек, находившийся в зданиях бывшей школы № 4 по ул. Шадринской, 57 и авиатехникума, и затем еще целый ряд госпиталей – в Перми, Лысьве, Верещагино, Березниках.

Челюстно-восстановительная хирургия практиковалась в ЭГ № 1324, разместившиеся в школе № 32 по ул. Советской, 102, на 400–800 койкомест; лечение травм периферической нервной системы в госпиталях: №№ 1017, 1712, 3149 (г. Пермь), 1963 (г. Кунгур), 3143 (г. Березники). Пермский госпиталь № 1017 с 1 июля 1941 г. по 1 апреля 1946 г. размещался в бывшей школе № 26, педучилище

по ул. М. Горького, 13. Число одновременно лечившихся здесь доходило до 1200 человек. Госпиталь № 1712 с 23 июня 1941 г. по 1 сентября 1943 г. был расквартирован в здании пединститута (ул. Сибирская, 24–26). В нем лечилось 500 человек одновременно.

Медики были настоящими тружениками-героями. Рабочий день в госпиталях длился 12 часов. Работая в две смены, врачи, медсестры, нянечки-санитарки спасали жизнь людей, делали все, чтобы облегчить страдания пациентов, поставить их на ноги. Более 16 тыс. военнослужащих принял на лечение за годы войны ЭГ № 3149, занимавший нервно-терапевтический корпус 1-й клинической больницы (ул. Луначарского, 59; ул. Пушкина, 85). Первоначально профилированный как общехирургический, глазной, неврологический, он с 1942 г. становится нейрохирургическим. С первого дня работы в госпитале, с 31 июля 41-го, и до последнего, 1 июля 1946 года, здесь было проведено около 5,5 тыс. операций, более 30 тыс. рентгеновских исследований, десятки тысяч физиотерапевтических и других процедур. В 1945 году по итогам соревнования среди коллективов эвакогоспиталей «за лучшее обслуживание больных и раненых воинов Красной Армии госпиталь завоевал положение одного из ведущих.

Возвращать в строй помогала и бескорыстная помощь тыловиков – от детей до престарелых. Пермь участвовала в создании Фонда здоровья защитников Родины, порой делились последним. В свободное от основных занятий время они ухаживали за тяжелобольными, писали письма их родным, наводили в палатах чистоту и уют, выступали с концертами.

Результатом работы госпиталей МЭП-44 стали высокие показатели возвращения в строй военнослужащих и сравнительно низкий уровень смертности: до 76% раненых вернулись в ряды

ЭГ № 4885: Прием раненым сероводородной минеральной ванны.

Видные курортологи В.К.Модестов (слева) и П.А.Ясницкий в Усть-Качке. Созданный ими курорт в годы войны успешно осуществлял долечивание раненых с помощью природных лечебных факторов.

Вооруженных Сил, умершие же от ран составили менее 1%. Всего за годы войны квалифицированную медицинскую помощь в госпиталях Прикамья получили 473 028 солдат и офицеров.

Майскими днями 45-го пришла к нам долгожданная Победа, но одной капитуляцией врага невозможно излечить боевые раны, а потому продолжил свою работу ЭГ № 1017, став в 1946 году областным госпиталем инвалидов Великой Отечественной (с 1995 г. - госпиталь ветеранов войн). Последние десятилетия века, принесшие миру локальные вооруженные конфликты, добавили новые страницы в историю этого лечебного учреждения. И вновь всеисцеляющие руки врачей и медсестер госпиталя спасают жизни и здоровье как ветеранов той далекой войны, так и совсем молодых ребят, прошедших Афганистан, Карабах, Чернобыль, Таджикистан, Чечню... Уходят годы, сменяются поколения медицинских работников, но сохраняются и приумножаются рожденные временем, Великой Отечественной войной добрые медицинские традиции.

АНДРЕЕВА (Мекольд) М.К., авт. воспоминаний.

Одна из авторов в подборке "Из воспоминаний пансионеров Убежища" (о М.Г.Савиной) – "Изв. Совета имп. Рус. театр. об-ва", 1915. № 17\18. С.6-7. ИДРДВ. Т.3.Ч.3. № 6753.

АНДРЕЕВА-ОЛЬЧЕВА Мария Александровна, авт. воспоминаний.

В 1904-1908 гг. актриса Художественного театра. Написала восп. об О.Л.Книппер-Чеховой, напечатанные в кн. «О.Л.Книппер-Чехова». М., 1972. Ч.2. С.288-290 (1900-1917, 1940-е гг. Внешний и внутренний облик Книппер-Чеховой. Актриса на сцене и в жизни).

ИДРДВ. Т.4. Ч.4. № 8033.

АНДРЕЕВА-ШИЛЕЙКО Вера Константиновна (1888 – 1974), искусствовед.

Жена востоковеда В.К.Шилейко. Окончила Московские высшие жен. курсы. Работала в Румянцевской галерее, а затем до 1949 в ГМИИ; в 1950-е гг. стала доцентом на каф. ист. искусства Москов. гор. пед. ин-та. В 1956 завершила доктор. диссерт. о влиянии древнекитайской живописи на живопись Раннего Ренессанса, но не защитила ее из-за ухудшившихся отношений между СССР и Китаем – не могла найти оппонентов. (См. «В.Шилейко: последняя любовь. Переписка с А.Ахматовой и В.Андреевой». М., 2003).

АНДРЕЕВСКАЯ Варвара Павловна (урожд. Орлова; 1848 – после 1915 ?), дет. писательница, переводчица.

Первая публикация А. – исторический рассказ для детей "Падение князя Меншикова" (Юная Россия. 1884. № 15, 16.). Опубликовала много иллюстрированных книжек для детей. Наиболее удачны книжки исторического содержания: "Рассказы дедушки про седую старину..." (СПб., 1899), "Наши герои-моряки на Дальнем Востоке и в Турции" (1900), "Предание о царе Алексее Михайловиче" (1901), "Ермак" (1901), "Три века назад" (1913), "Владимир-Красное солнышко", "Золотой крестик. Рассказ из эпохи Иоанна Грозного" (1915, 2-е изд.) и мн. др. Очерк А. "Синопский бой" был включен в сб. "Рассказы о Севастопольской обороне" (участвовали Л.Н.Толстой и др.; 6-е изд., СПб., 1914). Перевела "Дон Кихот" Сервантеса, "Вильгельма Телля" Ф.Шиллера (оба – 1896). Писала и на религиозные темы.

Русские писатели (портр.); Венгеров.Источ.

АНДРЕЕВСКАЯ (Андриевская) Вера Николаевна (ок.1822 – 1897), писательница.

Ум. в Харькове.

Венгеров.Источ. (Андреевская и Андриевская).

АНДРЕЕВСКАЯ Мелитина Николаевна.

Авт. рассказ. "Мачеха" – "Вестн. воспит.", 1906. № 9; "Гроза" (взято из А.Островского) рассказ; "Люди умирают, но дела их живут. Три рассказа для детей" Казань, 1904. «Сестра» – в сб. «Маленькие альманахи». Кн. 3. СПб., 1911). Преподавала немец. яз. в Москве (1912). Авт. уч. пособий: "О натуральном методе преподавания новых языков (в прим. к преп. немец. яз): Четыре лекции, прочит. в Об-ве воспитательниц и учительниц в Москве в 1900 г. М.Н.Андреевской". М., 1909. "Учебник немецкого языка". М., 1911.

Венгеров.Источ.; Голубева; РНБ.

(Продолжение на стр. 69)

«Собачий ваучер»

Следствием развала советской экономики и резкого снижения товарной наполняемости рубля стало появление в конце 80-х – начале 90-х годов многочисленных денежных суррогатов как на республиканском и областном уровнях (Татарстан, Хакасия, Якутия-Саха, Нижегородская обл. и т.д.), так и на уровне отдельных организаций и предприятий, практически по всей стране.

Одной из наименее известных (даже для коллекционеров) диковинных «валют» г.Екатеринбурга является «полярон», имевший хождение в системе Научно-реализационного объединения (НРО) «Полярэкс» в 1993–95 годах.

Само объединение создано в 1987 году по распоряжению Совмина СССР под названием НРО «Полярная экспедиция газеты «Советская Россия» и было одним из первых предприятий кооперативной собственности. Его цель и задачи – разработка и внедрение новых социальных технологий освоения Севера Урала, Сибири и Дальнего Востока. В последующем объединение было реорганизовано в акционерное общество закрытого типа «Полярные экспедиции». В рамках Всемирной Кругосветной экспедиции ЮНЕСКО «Великой Северной тропой» научные сотрудники «Полярэкса» проводят социальные и этнографические исследования.

В 1993 году президенту НРО «Полярэкс» С.А.Соловьеву, почетному полярнику, действительному члену Географического общества РФ, главному редактору журнала «Человек и Север», – пришла идея выпуска своей «валюты», и он же придумал ей название.

Так появились «полярны» – денежные суррогаты многоразового использования. Они выдавались только сотрудникам «Полярэкса» и в основном использовались при оплате обеда в буфете-баре. Изредка сотрудники расплачивались ими за пользование служебным автотранспортом в личных целях.

Интересен принцип выдачи «полярнон» – только не опоздавшим на работу (!). Припозднился минут на десять – и будь любезен, кормись за свои кровные... Надо отметить, что в условиях постоянной инфляции и снижения курса рубля один «полярон» являлся довольно устойчивой и твердой «валютой», ибо был «приравнен» к одному доллару США, что являлось существенным подспорьем для бюджета сотрудников.

Первая эмиссия была осуществлена 28.10.93 г. «Полярны» изготовлены из обычной плотной белой бумаги. Текст и изображение – черного цвета. Дизайн «полярнон» разработал Альберт Туманов, известный на Урале художник-график, член Союза художников, участник многих полярных экспедиций. Он же ввел и систему защиты «полярнон» первого и второго выпусков и сам вручную наносил её на купюры (исполненная алюминиевой печатной краской эмблема НРО «Полярэкс» в орнаменте из снежинок-цветов).

Основное изображение лицевой стороны: справа – рисунок головы эскимосской ездовой собаки – маламута; в центре – эмблема НРО «Полярэкс» (полярник на собачьей упряжке на фоне арктической части северного полушария Земли, название объединения – на русском и английском языках); в нижней части указан номинал «1 полярон». Справа сверху – дата «1993». Кстати, изображение маламута привело к тому, что «полярон» получил среди сотрудников объединения еще одно – неофициальное – название: «собачий ваучер».

На обратной стороне содержится текст: «ПОЛЯРОН – талон, предназначенный для расчетных операций внутри НРО «ПОЛЯРЭКС». 1 (одна) полярон эквивалентен 1 (одному) доллару США», а также подписи президента НРО С.Соловьева и главного бухгалтера Н.Коротаевой, заверенные круглой печатью объединения. Также имеется надпись «Действителен с 1 ноября 1993 г. по 1 января 1994 г. при наличии печати и подписей указанных лиц». Печать исполнена красителем фиолетового цвета, регистрационный штамп – черного.

Здесь же проставлен прямоугольный штамп размером 31x12 мм с указанием даты эмиссии (вы-

пуска) и номера дела в бухгалтерии, где осуществлена регистрация. Последняя цифра в регистрационном номере означает порядковый номер купюры (кроме восьмого выпуска, где порядковый номер купюры оказался в центре регистрационного).

Можно уверенно говорить о восьми зарегистрированных эмиссиях «полярных» трех типов, отличающихся по размеру, тексту, шрифту, уровням защиты от подделки, наличию указания года выпуска «1993» (1–4 выпуски) или отсутствием такового (5–8 выпуски) на лицевой стороне купюр:

На «поляронах» первых двух выпусков подписи президента НРО и главного бухгалтера заверены круглой печатью: «Академия наук СССР. Ордена Ленина Сибирское отделение. Институт проблем освоения Севера. Научно-реализационное объединение «Полярная экспедиция газеты «Советская Россия». На последующих – стоит печать: «Научно-реализационное объединение «Полярная экспедиция». Акционерное общество закрытого типа. АО «Полярэкс».

Начиная с третьего выпуска, на купюры перестают наносить защитный рисунок. На обратной стороне – более краткая, в сравнении с предыдущим выпуском, надпись – «Действителен при наличии печати и подписей указанных лиц». И печать, и регистрационный штамп – фиолетового цвета

На всех купюрах четвертого выпуска за президентом объединения расписалась его помощник – Павлова Э.С.

Многообразие применения и фактура бумаги приводили к тому, что «полярны» достаточно быстро ветшали. Этим и вызван их относительно большой тираж в сравнении с численностью сотрудников НРО.

Практически все экземпляры этих денежных суррогатов были уничтожены по акту в конце 1995 года.

«Полярны» почти три года оказывали влияние не только на бюджет сотрудников, но и, как говорится, на их умы и сердца... Одно время достаточно серьезно даже обсуждался вопрос о заказе изготовления данной «валюты» на Пермской печатной фабрике Гознака.

К 23 февраля 1995 года возникла новая, но уже пародийная идея – выпустить «мужскую» валюту – «ПИВОН», который действителен лишь один день и «...при наличии своей кружки!!!». Эта идея осталась лишь на уровне эскиза: был изображен симпатичный и мечтательный пес-дворняга, совсем уж отличавшийся от трудяги-маламута на настоящем «поляроне».

Зато накануне 8 марта 1995 года не опоздавшие на работу сотрудницы-женщины получили не «полярны», а «цветоны». Легенда на их обратной стороне гласила: «ЦВЕТОН предназначен для расчетов внутри НРО «Полярэкс». Эквивалентен 8\$ USA/. Данная расчетная единица обеспечивается всем достоянием НРО «Полярэкс» и надеждами на светлое будущее. Действителен в течение одного дня, указанного на лицевой стороне. Подделка ЦВЕТОНов пре-

следует по законам НРО и наказуется лично президентом...». Текст, конечно же, был шутивным, да и подпись осуществлена от имени президента и акционеров АО «Пивон», но все же этими «деньгами-талонами одного дня» милые дамы смогли оплатить праздничный обед. Размер «цветона» 207 x 147 мм.

Была осуществлена также попытка выпустить купюру более высокого номинала, ко дню рождения президента объединения С.Соловьева, разработан эскиз купюры с его изображением и номиналом 100 «поляронов».

БОЦМАН

или

История жизни рыси

Часть вторая

Прошло три года. Все это время обладатель поседевших бакенбардов жил угрюмым отшельником. Впрочем, если бы он и пожелал обзавестись подругой, то не смог бы сделать этого по той простой причине, что все его соплеменницы за это время были либо отравлены, либо отловлены. Более того, Боцман остался вообще одним-единственным представителем своего вида в этом совсем недавно богатом рысями крае.

От собак и охотников совсем не стало житья. Тайга, казалось, была пронизана смертью. Одинокий огромный кот сделался желанной добычей всех окрестных промысловиков.

Их профессиональное честолюбие будоражили легенды о подвигах знаменитого кота, о его дьявольской хитрости и изворотливости. И, надо сказать, эта репутация была вполне заслуженной: частые стычки с охотниками за долгую жизнь многому научили Боцмана.

Но более всего стремление добыть исполинского кота подогревалось тем, что рысьи шкуры вошли в моду и цена на них невероятно подскочила. А красивый окрас и размеры шубы Боцмана в любом случае сулили немалые барыши. Тем более, что вездесущие скупщики забирались в самые отдаленные деревушки и заранее назначали баснословное вознаграждение.

К тому же любому охотнику лестно было заиметь и череп Боцмана. Даже величина следов лап кота давала уверенность в получении за такой череп не только очередной золотой медали на выставке охотничьих трофеев, но и побитие всех прежних рекордов.

Боцману, конечно, было невдомек, обладателем каких опасных достоинств он являлся, но то, что

люди настойчиво добиваются его смерти, для него было совершенно очевидно. Их жестокая воля неотступно преследовала его, и кот повсюду ощущал это недоброе упрямое желание зверобоев.

Постоянное напряжение развило в нем наблюдательность до совершенства, а великолепная память помогала не повторять ошибок. И пока ему удавалось оставлять с носом самых бывалых охотников.

Временами на Боцмана накатывала тоска по обществу себе подобных. Она нарастала, терзала сердце. И тогда кот, дабы заглушить муки одиночества, принимался вопить так, что обитатели окрестных гнезд и нор цепенели от ужаса.

Очередной сезон близился к завершению, но никто из зверобоев так и не смог вынуть из котомки и развернуть перед скупщиком роскошную шубу Боцмана.

С приходом весны вместе со снегом таяли и надежды на знатную добычу. А тут еще в марте случилась невиданно затяжная оттепель. Надулись нежные пуховички на прибрежных ивах. Вода в реке поднялась. Ледяная броня разошлась в трещинах и стала белой, пористой, как сахар. Похоже было, что лед тронется намного раньше срока.

В эти дни из самого центра прибыл лихой скупщик и назначил за шкуру рыси такую цену, что все аж присвистнули. Наиболее азартные и охочие до денег и обещанной выпивки зверобои решили объединиться и провести облаву артельно. Тому, кто добудет кота, половину цены, а остальное — поровну на всех участников.

Обговорив, кто и где в последний раз видел следы рыси, определили район поисков, а в тайге, на третий день, по свежим отпечаткам сузили его до одной горы с плоской вершиной.

Эта лесистая столообразная гора с крутыми откосами тянулась перпендикулярно к реке и обрывалась в нее высокой неприступной стеной.

Разбившись на пять групп, зверобои охватили гору вытянутым полукругом и, пересидев ночь в укромных ложбинах, поутру в назначенный час

стали подниматься по заквашенному влагой снегу.

Боцман отдыхал в потаенном месте на небольшом возвышении, когда дремотную тишину глухолись нарушили сначала гортанные крики ворон, а затем внезапно возникший сплошной треск. Зародившись на краю плоской вершины, он быстро перемещался к месту ложки. Чуткое ухо уловило сквозь него отдаленный лай опостылевших собак. Кот встrepенулся. Вскоре мимо пронеслось стадо лосей. Лай приближался. Боцман тяжело вздохнул. За долгую зиму в нем успела накопиться усталость от этих вечных бегов, от настырных гонителей. Эх, быстрее бы сошел снег! Тогда на несколько месяцев придет долгожданный покой, но сейчас надо было подумать о том, как дожить до этих перемен. И он, без лишней суеты и паники, размашисто побежал на противоположный склон.

Бежал кот спокойно, так как был уверен, что собакам по тяжелому рыхлому снегу не настичь его, но, приближаясь к цели, он услышал встречный лай. Боцман развернулся и побежал по косой, с намерением найти открытый проход у дальней оконечности горы. Однако и там, еще не добравшись до нее, он заметил мельтешивших в просветах леса собак и охотников.

Кот в смятении остановился. Один далеко вырвавшийся вперед охотник находился на расстоянии чуть более ста метров. Его тренированный глаз засек притаившуюся в кустах рысь, и зверобой вски-

нул громовую палку. Боцман сразу признал стрелка – это был Рыжебородый. Быстрее прочь!

К отступлению оставался единственный путь – река, но как спуститься к ней по отвесной стене? В это время вокруг прожужжал целый рой мелких ос. Две из них впилась в тело, а третья пробила левое ухо. Стреляя зверобой пулей – не сдобровать бы нашему коту, но Жила, не отличаясь меткостью, предпочитал бить снопом картечи. Однако в этот раз расстояние было слишком велико для убойного выстрела. Хотя две картечины и вошли в зад, они застряли в мякоти, не причинив большого вреда.

Боцман отпрыгнул за ствол дерева. Что делать? Набатный лай и выстрелы приближались. Сейчас кольцо сомкнется, и тогда...

Кот рванул изо всех сил к реке – к своей последней надежде.

Большинство собак преследовало изрядно осточертевшего им кота уже по-зрячему. Они жаждали загнать его в конце концов на дерево и отлаять от души, как обычную деревенскую кошку, а когда подойдет хозяин с ружьем и продырявит усатую морду, куснуть хоть разок крапчатый бок.

До отвесного берега Боцману оставалось всего метров двести, когда не только сзади, но и слева, и справа стали выкатываться пестрыми комьями собаки с крутыми серпами хвостов. Увидев уходящую к реке рысь, они ринулись на перехват.

Боцман растерянно остановился – его лишали последнего шанса на спасение. Тайгу заливал лай сомкнувших кольцо собак. За их спинами громыхали выстрелы и слышались возгласы людей. Все, не уйти! Обложили намертво. Кот увидел свою смерть так близко и ясно, что шерсть на загривке поднялась дыбом, но сдаваться было не в его правилах.

Выбирая удобную для боя позицию, он вскочил было на макушку протаявшего из под снега выворотня, лежащего у края глубокого провала, как вдруг, еще не понимая смысла своего безрассудства, неожиданно скатился, обдираясь о сучья стволов, нагроможденных на крутых скатах, вниз, к устью огромной воронки.

Лайки, порывисто дыша, обступили край провала и злорадно облаивали запертую в ловушке рысь.

Подбежавшие зверобой открыли стрельбу по светлым пятнам на дне провала, пока кто-то не обрассудил:

– Всю шкуру так продырявим. Если жив еще, а так никуда не денется.

Эти слова прозвучали сигналом. Все расслабились. Азарт спал. Охотники вдруг почувствовали, как устали и проголодались за эти дни.

– Чаю бы попить – во рту пересохло, мочи нет, – предложил заросший щетиной Глеб.

– Да что чай?! Кота надо брать!

– Вот уж не скажи. Чай вещь стоящая. Чай, он живость дает. Подойдешь, бывало, с поклажей к горе. Посмотришь – ни в жисть не одолеть. Костерок наладишь, крепкого запаристого заваришь, выпьешь кружку и взберешься на одном дыхании до самой верхотуры, – убедительно возразил пожилой охотник.

– Верно говоришь. Кот никуда теперь не денется. Надо чайком побаловаться, со вчерашнего на сухомытке.

Промысловики быстро развели огонь и, подвесив котелок со снегом, обменивались, как обычно, впечатлениями. Больше всех разливался рыжий Потап:

– Ох и удачно зацепил. След сразу закровил. Знать, сильно ослаб – вишь, аж в яму свалился, окаянный.

– Сколько промышляю, а такой хитрющей твари не встречал. Ведь столько лет нас дурачил.

– Ну, теперь ему крышка!

– Все же жалко, мужики. Как-то без рыси в тайге не того... Вроде как пресновато. Ну все равно что щи без капусты или баня без пара.

– Да народятся еще или понавезут откуда, раселят, ежели нужный зверь.

Почаевничав, возбужденные предвкушением знатной добычи, охотники осторожно спустили на веревках по более чистому от валежин северному склону провала Потапа и Глеба.

Достигнув дна провала, те долго и осторожно лазили по шатающимся угловатым глыбам, заглядывали под них и, наконец, чертыхаясь, выбрались обратно с помощью нетерпеливо поджидавших товарищей наверх.

– Ушла, гадина. Под камнями лаз. Из него дует, как из трубы. Где-то другой выход есть, – оправдываясь, бормотал Глеб. Потап же, ни слова не говоря, направился к береговой круче.

Боцман в это время уже добрался по узкому проходу до слабо освещенного каменного грота и в конце горловины увидел реку, подтопленный внешней водой противоположный берег. Внизу, в метре от выхода, плыли, скрежеща по изодранному прижиму, разнокалиберные льдины.

Все правильно. Кота не обмануло смутно мелькнувшее воспоминание: это был тот самый провал, через который он спасся во время наводнения несколько лет назад.

Не теряя времени, рысь наметила подходящую льдину и, когда та проплывала под черным зевом грота, прыгнула на нее. Льдина упруго качнулась и понеслась по отбойной стремнине.

Но что это за резкий, дробный стук вокруг? Острый осколок льда больно ударил по нижней губе, и тут уже сверху донесся грохот. Боцман оглянулся и увидел на отвесной береговой круче человека с громовой палкой. Рыжебородый! Нигде нет от него спасения!

Не дожидаясь очередного выстрела, кот прыгнул в студеный поток. Вода разошлась двумя искрящимися крыльями брызг. Боцман на несколько секунд погрузился в изумрудную толщу и, вынырнув, поплыл рядом с льдиной.

Рысь еще несколько раз слышала резкие хлопки, булькающий посев по воде, щелчки по льду, но и они вскоре прекратились. Коченея, Боцман вскарабкался обратно на льдину и обернулся. Силуэт охотника мелькнул последний раз и исчез за надвинувшимся отрогом. Река, делая крутой поворот, уже затягивала Боцмана в теснину длинного ущелья, где редких гостей караулил каскад бесноватых порогов.

Долгих полчаса они глумились над несчастным зверем: швыряли, вертели среди рева тысячи медведей. Оглохший кот распластался на льдине, намертво вцепившись в нее кривыми когтями. Несколько раз льдину окатывали мощные водяные валы. Но, видно, судьба решила и на этот раз пощадить его.

Наконец, ревучий поток прорезал преграждающий ему путь гранитный кряж и понес льдину более спокойно. Потрепанная спасительница то и дело проносилась вблизи берега, и Боцман не раз уже порывался покинуть хрупкое, ненадежное пристанище, но все недоставало смелости прыгнуть на камни.

Нерешительность чуть не стоила ему жизни.

На одном кривуне вырос многослойный ледо-

вый затор. Сбрасывая груз, свободная река с глумливым рокотом уходила под него, громоздя поверх все новые и новые обломки. Боцмана несло в центр затора. Его льдина от резкого удара дрогнула и, подпираемая сзади другими, раскололась пополам. Еще миг, и Боцман навсегда исчез бы в бурной пучине, но он успел запрыгнуть на угловатую подрагивающую плотину и, не задерживаясь, проскакал по подрагивающим льдинам на берег.

На земле он зябко отряхнулся. Шатаясь от усталости, поднялся на мысок и повалился на подсохнувший пяточок земли. «Неужели несчастья этого сумасшедшего дня остались позади и теперь можно спокойно полежать?!»

Боцману стоило бы, наверное, завопить что есть мочи, дабы известить тайгу о своем невероятном спасении, но бедный кот не то что вопля, даже сто на не в состоянии был издать.

Ноющая боль в задней части тела напомнила о метком выстреле Рыжебородого. Вылизав зад, Боцман обнаружил две ранки. «Ничего, бегать можно, а к боли притерплюсь».

Примерно так оценил свое положение несокрушимый кот.

Опасаясь преследования, Боцман отступил в каменные дебри высоких гольцов. Здесь еще властвовали морозы, и чахлые деревья поутру наряжались в густые шубы искристого куржака.

Ни зайцы, ни косули не обитали в этих суровых местах. Боцман питался одними белыми куропатками. Но они, непуганые и доверчивые, с каждым днем становились все осторожней, и кот вскоре был вынужден откочевать в средний пояс гор.

Раны не заживали, а наоборот воспалились до такой степени, что задние ноги отказывались служить. Боцман с каждым днем хирел. Все свои несчастья искалеченный кот связывал с человеком и его паскудными прислужниками-собаками. Когда он вспоминал о них, в нем разгоралась жажда мести. Это по их милости он сейчас голодал и не мог промыслить добычу, как прежде. У него из-под носа то и дело выпархивала боровая птица, уходили с ложки зайцы, косули. Получалось, что повсюду бегают, летает желанная, но недоступная теперь для Боцмана дичь. Он забыл радости настоящей охоты. От плохой и скудной пищи стал похож на большую облезлую паршивую кошку. Ребра от худобы выпирали, словно согнутые весенним паводком ивовые прутья. Угловатый таз и острые лопатки горбами торчали из-под вытершейся шкуры. Молодецкие бакенбарды совсем обвисли и имели вид пожухлой травы. Пустой желудок разрывали болезненные спазмы.

Чувство голода временами было столь острым и нестерпимым, что Боцман принимался глотать кору и откусывать, словно заяц, верхушки веточек. Но не такая пища нужна была ему. Организм жаждал сочного кровавого мяса.

Иссохший, похожий на мумию, Боцман тем не менее и тут приспособился. Смирив гордыню, он

стал неотступно следовать на безопасном расстоянии за добычливой стаей волков и перебивался ее скудными объедками.

Непредсказуемая погода преподнесла в разгар весны очередной сюрприз. Нежданно-негаданно воротилась зима. Сутки, не переставая, валил снег, задул северный ветер. Потом ударили такие морозы, что затрещали деревья.

Продрогший Боцман лежал у дочиста обглоданных остатков сохатого и, по-стариковски вздыхая, выискивал, откуда бы выковырнуть еще хоть ниточку мяса, как вдруг километрах в двух послышался короткий охотничий клич волчьей братии.

Переждав несколько часов, кот поковылял туда, уверенный, что охота стаи увенчалась успехом. Так оно и было, но кот ошибся в выборе маршрута и столкнулся нос к носу с самой стаей.

Волки давно обратили внимание на то, что за ними ходит рысь, и если при неудачной охоте возвращались к недооженной добыче, то вокруг всегда находили круглые отпечатки рысьих лап.

Серых, испытывавших к кошачьему племени особую неприязнь, раздражала еще и назойливость побирушки. И вот представился удобный момент проучить воришку.

Пригнув головы, они молча взяли Боцмана в кольцо. Вожак остановил стаю и впился немигающим взглядом в зрачки рыси. Боцман не отвернулся, выдержал чугунный взгляд-натиск, чем еще сильнее озлобил матерого, и тот ринулся в атаку.

Боцман попытался прорвать кольцо, но вожак достал его и резанул клыками прямо по ранам. У кота от адской боли потемнело в глазах. Он опрокинулся на спину и приготовился потрошить острыми, как бритвы, когтями тугие животы объевшихся волков, но те благоразумно отпрянули.

Страх смерти вернул коту силы. Неожиданно для стаи он перемахнул через разящие смрадным запахом пасти и пустился наутек. Но слабость тут же дала о себе знать: серые быстро настигли его и сбили с ног. Переплетаясь в разлапистый ком, они скастились в ложбину.

Высоко набившийся свежий снег лежал там пухлой, воздушной периной. Волки погрузились в ее толщу по самое брюхо и стали совершенно беспомощными. Боцман же на своих широких, мохнатых лапах-снегоступах не проваливался и по колено. Воспользовавшись этим преимуществом, он поспешно выбрался из ложбины и покинул территорию стаи.

Рано начавшаяся, но затянувшаяся весна наконец-то вступила в свои права. Снег второй раз за эту весну сползал с южных склонов прямо на глаза. Вновь вспенились, загремели притихшие было речки. В каждом даже самом крохотном распадке залопотали ручейки, проклюнулась и резко пошла в рост трава.

Больной кот безошибочно находил на склонах сопок и берегах ручьев растения, изгоняющие хворь. Поедая их, он стал поправляться и набираться сил. Зарубцевавшиеся раны, правда, еще беспокоили, но уже не пульсирующей острой болью, а непродолжительными ноющими приступами.

Боцман опять охотился не зная промаха. Точность прыжков и сила челюстей не оставляли намеченной жертве надежд на спасение. Озлобленность угасала. Совсем недавно каждая его клетка требовала мщения за перенесенные страдания и несчастья. Теперь это чувство вытеснялось наслаждением от возвращающихся сил, от сопричастности ко всеобщему ликованию расцветавшего в лугах щедрого солнца таежного мира. Тем более, что настала та благодатная пора, когда людской запах надолго выветривается из леса. Кот без опаски спустился с гор и поселился в долине Главной реки, где еще водились косули, да и зайцев здесь было заметно больше.

Конец весны и лето выдались засушливые. За две полные луны с раскаленных добела небес не упало ни единой капли. Опаленные листья безжизненно сворачивались и, сухо шелестя, облетали. Хлябистые болотины превратились в крошащиеся пустоши. Илистые речные заводи обнажились до дна и покрылись обжигающей коркой, изрезанной сеткой глубоких трещин. Горные ручьи иссыкли. Их русла теперь напоминали неровно вымощенные желто-коричневыми валунами дороги с вялой струйкой, сиротливо соединяющей блюдца теплой воды.

От зноя Боцман находил спасение в узком каменном развале, на дно которого солнце не заглядывало даже в полдень. Однажды, когда он отдыхал на полюбившейся шершавой плите, в отдалении возник шум. Кто-то, грузно перепрыгивая через преграды, бежал от реки в его сторону. Кот насторожился.

Вот мелькнул смутный силуэт, и в струях ветра кот явственно учуял дурманящий запах крови.

Это был лось, раненный на берегу залива геологами, добравшимися и до этой глуши. Пуля «турбинка» разорвала ему легкие. Кровь хлестала из раны на мокрые от пота бока, хлопотала в пробитой трахее.

Возбужденный Боцман затрусил по буро-красному следу в предвкушении поживы. Однако сохатый и не думал испускать дух. Он зашел в обмелевшую старицу и, жадно напившись, выбрался на другой берег. Здесь лег было в тени деревьев, но, увидев рысь, переплывавшую старицу, встал и, тяжело ступая, скрылся в хвойной чаще.

Боцман с досады отрывисто вякнул вдогонку и настырно продолжил преследование. След вывел к скату высокой гряды. Лось попытался с ходу перевалить ее, но, поднявшись до середины, выдохся. Голова, увенчанная еще неокостеневшими лопатами рогов, опускалась все ниже и ниже. Дышал лось с натугой и прерывистым свистом. Быстро гус-

теющая в сухом воздухе кровь забивала легкие. Розовая пена ключьями срывалась с губы. Бык с усилием поднял голову, поглядел мутнеющим взором на Боцмана, словно приглашая скорее прекратить жестокие мучения, и, теряя последние силы, уронил ее на грудь и так замер неподвижно в ожидании смерти. Наконец, ноги подломились, таежный исполин рухнул и покатился по круче...

От обильной еды утроба поджарого Боцмана туго растянулась. Обжора медленно заполз под навес из мохнатых еловых лап и, изнемогая от сытости, лежал там до тех пор, пока жажда не погнала его к старице.

Здесь, у самого берега, между подводных валунов, чуть шевелилась еще одна обжора – щука. Из ее пасти торчал хвост крупного налима: налимом был так велик, что щука сумела проглотить его лишь наполовину.

Боцман приблизился к щуке на расстояние вытянутой лапы, но она, скованная непомерной добычей, так и не смогла даже сдвинуться с места. Кот есть кот, и, несмотря на сытость, он не устоял перед соблазном отведать двойного рыбного деликатеса. Потом, утолив жажду, лениво побултыхался в старице. Вода, благодаря родниковой подпитке, была достаточно холодной и хорошо освежила.

В сытом блаженстве он не придал значения тому, что запах дыма, витавший в тайге уже несколько дней, к вечеру заметно погустел. Из-за гор медленно вылезала сизая пелена, она зловеще ширилась и приближалась.

Но не один Боцман был так беспечен. Ведь для многих зверей сушь принесла облегчение уже тем, что избавила от кровососов. Теперь можно было в любое время суток спокойно пастись, либо принимать водные ванны. Благо река широкая, глубокая, и ей не страшен даже такой длительный зной. А то, что высохли до трещин илистые заводи и болотины, только на пользу – они-то и были главными рассадниками комаров и мошкар.

Беда пришла ночью, когда объевшийся Боцман, изменив кошачьей повадке бродяжничать под луной, крепко спал.

Отблески пока еще скрытого за гребнями гор пожарища запылали на черно-багровом небосводе. Дым расползлся по долине и быстро заполнял ее пределы, ограниченные справа и слева горными отрогами. В зловещих отсветах зарева летели птицы, неслись к реке потоком разномастные, но одинаково перепуганные взьерошенные звери. Сквозь топот множества копыт слышался отдаленный рокот пламени.

Наконец, стена слепящего огня одолела последний увал и, как туго наполненный парус, понеслась по долине наискосок от пристанища Боцмана.

Кот, спавший под плотным навесом ветвей ели, почувствовал неладное и открыл глаза. Мимо пронесся черной молнией подпаленный заяц. Высунувшись из-под зеленой кровли, Боцман вмиг сооб-

разил, что и ему надо бежать со всех ног, но только куда? Где спасение?

Огонь, освещая дорогу полыхающими факелами смолистых крон, с треском катился по левому берегу старицы, оставив еловый массив на правой стороне, где находилась рысь, нетронутым.

Горячий ветер обжигающей волной спешил впереди огня, прокаливая для верности деревья и покусывая хвосты замешкавшихся зверей. Те, достигнув реки, без промедления бросались в воду и плыли, сносимые сильным течением, на другой берег. Часть животных, не умеющих плавать, металась по гальке или стояла в мелководье.

Хищники не обращали внимания на свою обычную добычу – общая беда уравнила, примирила всех.

Ветер тем временем сменил направление. Колеблющийся фронт огненного вала, взметая на устрашающую высоту горящие головешки, куски коры, завернул и покотился через суженье старицы на правую половину елового массива и покотился вдоль подножья гряды прямо на Боцмана. Нашпигованный раскаленными угольками огненный вихрь запустил в ельник жадные щупальца и, догнав рысь всепожирающим языком, бесследно слизнул кисточки на ушах и подпалил спину. Обезумевший Боцман забрался под обрыв, где наткнулся на барсучью нору и в ужасе забился в самую дальнюю камеру.

Пожар, охватив всю правую сторону долины, рвался теперь уже через реку. Но, на счастье, ни одна раскаленная искра не пережила полета через водяную преграду и не достигла зеленой стены левобережного леса.

Пламя, споткнувшись о широкую ленту воды, злобно затрещало в худосочном ивняке. Быстро таяла, пожирая саму себя, языкастая стена. Вот уже синие сполохи забегали по россыпям углей. Жар, медленно уходя вглубь, накидывал на землю серое покрывало. Река, усыпанная пеплом, подхватила удушливый запах гари и понесла вниз к пенистым шиверам.

Нескоро Боцман высунул морду из горячей норы. Вместо непролазной спелой тайги перед ним простиралась безжизненная дымящаяся пустошь, утыканная уродливыми скелетами деревьев. Ни на земле, ни в небе не было ни единого живого создания. Ветер тоскливо завывал в выеденных огнем стволах. От угольных громад суставчато потрескавшихся осин все еще дышало жаром.

Прокопченный прибрежный ивняк, словно ажурный забор, делил округу на две части: выгоревший до черноты пустынный погост с одной стороны и изумрудную чащу за рекой с другой. Кот медленно направился к берегу, но, несмотря на осторожность, иногда все же наступал на тлеющие изнутри головешки и обжигал подушки лап. Путь к реке стал настоящей пыткой.

Зато, переплыв на не тронутый пожаром берег, Боцман забрался в скалы, где наконец смог остудиться от жара «взбесившегося солнца».

Дождавшись темноты, кот спустился в распадок и побрел по нему в поисках пропитания. Пройдя вниз шагов двести, он уперся в едва заметную даже вблизи преграду – туго натянутую капроновую сетку. Перегораживая весь распадок, она оставляла узкий проход лишь возле склона.

Боцман надолго замер, прислушиваясь и приняв себя, а когда решил, что опасности нет, осторожно шмыгнул в открытый проход. Но не успел он сделать и двух шагов, как сбоку громыкнуло, и его оглушил удар по голове. Упав, кот не сразу пришел в себя. В воздухе витал запах пороховой гари. Опять эти люди! И летом не стало спасения от них. Боцман вскочил и, словно ошпаренный, сиганул обратно.

Рысь угодила под самострел, поставленный теми же геологами, что смертельно ранили лося. Ее спало то, что самострел настораживался в расчете на часто проходивших здесь оленей. Поэтому пуля лишь скользнула по затылку, срезав полоску шкуры.

Медленно накапливающаяся усталость от постоянного, назойливого преследования человеком должна была в конце концов вылиться либо в отчаянное сопротивление, либо в поиск недоступной для людей глухомани. Покладистый, уравновешенный Боцман выбрал второй путь и двинулся на северо-восток, в лесные дебри, не тронутые опустошившим пожаром.

Пройдя морщинистое нагорье и перевалив через безжизненную громаду Главного хребта, Боцман начал спускаться по серым сланцевым уступам горной гряды в неведомый доселе край. Кота давно мучила жажда. Наконец он услышал шум падающей воды.

Мощный ключ бугристым фонтаном бил прямо из щели между двумя скальными плитами. Пробежав совсем немного, он растекался по уступу и, срываясь вниз плавным серебром, летел к основанию следующего уступа в сиянии радужной пыли, медленно разделяясь в воздухе на сверкающие грозди.

Налакавшись прозрачной, как слеза, воды, Боцман спустился в обширную впадину, обрамленную зубцами далеких гор, и сразу попал в буйные заросли травы, такие густые и высокие, что они скрыли длинноногого кота целиком. Выбравшись из них, Боцман углубился в тесную перестойную чащу. Прощеженные густыми ветвями узкие пучки солнечных лучей едва освещали проходы между сучкастых стволов елей и пихт, обвешанных седыми, косматыми бородами лишайника.

В этом непроницаемом, насыщенном влагой, несмотря на двухмесячную сушь, лесу царил мертвая тишина. Застоявшийся воздух был насквозь пропитан гнилостными испарениями. На земле повсюду валялись трухлявые стволы, обомшелые сучья. Между ними поблескивали черные оконца затхлой воды.

Чащоба, то и дело расступаясь, открывала непролазные болотины с густой сетью озерков, разделенных мшистыми перемычками. По ним-то Боц-

ман и добирался до очередной лесистой гривы. Подсушенный сверху мох хрупко проминался, и лапы утопали в нем, будто в молодом замороженном снегу.

Кот много часов все шел и шел к неведомой цели, обходя вязкие трясины. Редкий зверь ходил здесь – неверно сделанный шаг сулил стать последним: топь цепко хватала и засасывала неосторожных в свою бездонную вязкую утробу. Если кто и забредал в эти гиблые, бесприютные места, то старался побыстрее выбраться на лесистые гривки и уйти по ним прочь в горы.

Боцман же, упорно придерживаясь выбранного курса, пересекал очередную несчетную гриву, как вдруг сумрак расступился, и за широкой марью с тонкоствольным редколесьем предстал массив высоких и непривычно белых скалистых останцев. Под их усеченными вершинами, цепляясь за террасы, зеленели вкрапления леса.

В центре торжественно возвышалась главная и когда-то, должно быть, весьма массивная гора, распавшаяся со временем на несколько близко стоящих столбов причудливой формы.

Боцман пересек марь и обследовал иссеченные временем останцы.

На покато наступке одного из них он обнаружил покосившееся бревенчатое логово людей, укрытое от посторонних взоров тихо дремавшими на солнцепеке кудрявыми соснами. Плоская земляная крыша уже попорчилась опрятными елочками, запустившими корни в толстые полуистлевшие плахи перекрытия. В углу над тем местом, где когда-то была печь или очаг, крыша вообще провалилась. Стены обросли мшистым ковром, особенно густым внизу. Из оконного проема настороженно выглядывала чахлая березка.

Меж бронзовых стволов сосен перед логовом были перекинута почерневшие от времени жерди. С одной из них свисали на ржавых цепях железки. От ветра они раскачивались и тягуче позванивали. Возле двери белели остатки скелета собаки с полусгнившим ремнем вокруг шейных позвонков.

Ветер выносил из логова странный, незнакомый запах. Он смущал, тревожил Боцмана, и хотя его разбирало любопытство, что-то подсказало о таящейся в этом запахе угрозе. Постояв немного, Боцман оставил странное становище людей и стал подниматься по лесистому проему между известковых столбов. Он разделял их как бы на две группы. Откуда-то сверху, петляя меж камней, вызванивал ручеек. На деревьях виднелись заплывшие задиры. Кот принял их за медвежьи метки, но это были старые затесы, сделанные топором.

Белые столбы, изъеденные ветрами и дождями, имели многочисленные уступы, карнизы, тесные проходы, которые рыси обожают и всегда лазают по ним с особым удовольствием. И сейчас, запрыгнув на огромный угловатый обломок, Боцман перебрался на узкий карниз, змеей опоясывающий самый внушительный столб-башню. Поднимаясь по

нему, он достиг небольшой площадки, покрытой белыми валунами и скудными пучками жесткой травы. Тут же, за скальным выступом, похожим на загнутое крыло, чернел лаз. Войдя, кот оказался в сухой пещере. Ее дно устилали невесть как попавшие сюда листья, мох. Справа возвышался настил из грубо отесанных стволов с грудой шкур ловерх. Слева в нише стояли какие-то черные доски, тускло мерцавшие в полумраке золотистыми и красными мазками. В глубине за настилом ощущался запах железа.

Удовлетворив любопытство, Боцман вернулся на свет и, прыгая с уступа на уступ, взобрался на вершину горной цитадели, чтобы оглядеться.

Он находился посреди обширной впадины. Кругом во все стороны простиралась поля топких марей, непролазные буреломные крепи, разделенные зеркалами озер. Все это окантовывала цепь синих гор. Далеко на юго-западе осталось поселение ненавистных ему охотников. Битый жизнью Боцман вздохнул свободно, всей грудью – необозримая глушь вселяла покой.

Новое пристанище, надежно защищенное самой природой от людей, было тем самым, к чему так упорно шел он, как бы по подсказке, из глубины поколений. Кот удовлетворенно почесал себя когтями лапой и задремал. Упрямая складка на лбу расправилась, на морде блуждало подобие улыбки.

Несколько дней ушли на обследование новых владений, и скоро Боцман убедился, что здесь он не пропадет – дичь была в изобилии.

Кот перестал бродяжничать и все время держался Белых скал. Утолив за время ночной охоты голод, он забирался на неприступные столбы и часами лежал, сладко жмурясь на ласковом солнце.

Неумолимое время незаметно отсчитывало: день-ночь, день-ночь... Вот ударили первые заморозки. Трава покрылась осенней желтизной. Полетели, закружились листья-парашютики. Нежно-зеленые облака, окутывавшие немногочисленные здесь лиственницы, порыжели и быстро гасли на ветру.

Осень породила у Боцмана беспокойство: опять приближалась та снежная пора, когда тайга заполняется охотниками и с утра до вечера гремят выстрелы, надрываются собаки.

Кот опасался, что и бревенчатое логово под скалой недолго будет пустовать. Он не знал, да и не мог знать о том, что покой Белых скал охраняют не столько топкие и непролазные дебри – они зимой не преграда, сколько дурная слава, прочно закрепившаяся за этим местом с незапамятных времен.

Людская молва гласила, что в этих скалах обитают злые духи, охраняемые кровожадной стаей волков-оборотней. В награду за верную службу духи заманивают в скалы путников и отдают их на растерзание оборотням. Поэтому даже бывалые охотники остерегались сюда забредать.

Как-то, уже после первого снега, Боцмана, отдыхавшего на скале, разбудил громовой рев. Встре-

воженный кот подполз к краю площадки. Внизу у ручейка, выбегавшего из родниковой чаши, он увидел дерущихся медведей, не поделивших, по всей видимости, место под берлогу.

На арену боя, черным пятном выделяющуюся на сияющей белизне снежного покрова, даже сейчас, в самом начале баталии, страшно было взглянуть: земля изрыта, камни выворочены, деревца переломаны и втоптаны в грязное месиво.

Битва была упорной. Исполнины сошлись в непримиримой схватке: грозно рывкали, не размыкая могучих объятий, рвали друг друга клыками и когтями, но оба стояли, ни один не желал уступить. Наконец, более крупный оттолкнул от себя соперника, и тот распростерся на снегу с разорванным горлом.

Взьерошенный победитель устало сел и, озабоченно склонив окровавленную голову, стал прижимать передними лапами что-то переливчато-блестящее к животу. Боцман не сразу понял смысл этих движений, но наконец разглядел, что медведь заправляет в разорванное брюхо вывалившиеся кишки.

Огромный зверь жалобно охал и, пересиливая боль, мужественно повторял страшную процедуру. Потом завалился на бок и весь день лежал так в ожидании смерти. Берлога осталась пустая...

Девятнадцатая для Боцмана зима пересекла границу самой длинной ночи, и настала пора сильных морозов.

За месяцы, проведенные в Белых скалах, кот стал забывать свои прежние страхи и беды и медленно выходил из постоянно напряженного состояния. Ограниченные пределы гряды теперь уже не устраивали его, и кот стал спускаться на впадину, забираясь с каждой вылазкой все дальше и дальше. Благо топи промерзли, а буреломы давно занесли плотным снегом.

Наконец настал день, когда след ночного бродяги пересек впадину и достиг складчатых отрогов, за которыми дыбились изрезанные ущельями горы, такие громадные после Белых скал, что у Боцмана даже дух захватило. Легко поднявшись на первый предгорный увал, он остановился пораженный: перед ним протянулась бесконечная двойная колея — след зимних ног охотника.

Настороженно прислушиваясь, кот окинул взглядом тайгу: спокойно кормится на березе стайка рябчиков; весело шныряет по ветвям рябины сойка; ничто не говорит о близости человека.

Боцман помнил, как легко и приятно ходить по плотно накатанной колее: снег на ней не проминается и не рассыпается, но он не забыл, какую смертельную опасность может таить эта дорога, и, несмотря на усталость, благоразумно перепрыгнул через лыжню и пошел дальше в избранном направлении по целине.

Не обнаружив в горах ничего примечательного, он повернул обратно, но, когда приблизился к парному следу уже в новом месте, чуть не наступил на белого «червя» с вонючей черной головкой. Так

же пахло от «червяка» возле ободранной охотниками Кисточки! От этого воспоминания приглушенная и, казалось, забытая ненависть к людям вновь ожила и зашевелилась в сердце Боцмана.

Он пошел вдоль следа на достаточном расстоянии и вскоре увидел большую снежную кочку с куском мяса в углублении. Кот знал, что это привлекательное сооружение — западня, поэтому, все более удаляясь от колеи, поднялся на гребень увала.

Здесь его внимание привлекли резкие удары. Они неслись со стороны ключа. Подойдя поближе, кот увидел на высоком берегу логова охотника. Боцман затаился и стал наблюдать. Вот дверь распахнулась, и показался человек с ведром. Спускаясь к ключу, он быстро скрылся из виду. Когда же вновь появился из-под берегового обрыва, то изумлению Боцмана не было предела — он узнал в охотнике своего заклятого врага — Рыжебородого. Того самого, что убил Кисточку, жестоко истязал его самого. Волна ярости, нарастая с каждой минутой, обуяла Боцмана.

Рыжебородый еще несколько раз выходил и заходил обратно в логово. Потом из трубы повалили клубы дыма. Боцман тем временем углядел свернувшегося под большим навесом черного, с белыми пятнами, пса и вознамерился прикончить его, но опыт подсказывал, что сейчас не лучшее время для этой затеи, что месть лучше вершить в метель, скрывающую все следы.

Кот вернулся путанно-петляющим следом в Белые скалы и, дожидаясь снегопада, не покидал их пять дней. Наконец, внутренний барометр дал сигнал, что время исполнения задуманного пришло.

Когда Боцман подобрался к охотничьему стану, уже стемнело, а на тайгу обрушились первые снеж-

ные заряды. Над логовом метались в дыму недогвечные «красные мухи». Промысловик укрылся от непогоды в убежище.

Собака лежала на своем месте и, казалось, спала. Но, как только кот подкрался на расстояние прыжка, она приподняла морду, и их взгляды скрестились. Пес оглушительно залаял и тут же стих, хлопнула дверь, громохнул выстрел.

Перепуганный Боцман поспешил раствориться в белой кутерьме. Происшедшее не обескуражило его, а лишь напомнило, что успех сопутствует терпеливым, но отнюдь не торопливым.

В следующий визит кот был осмотрительней и выжидал подходящего момента до глубокой ночи. Неслышно ступая лапами, опущенными густой жесткой шерстью, он, как тень, приблизился к собаке вплотную, и на этот раз она едва успела испустить короткий вопль.

Утром хозяин долго звал, искал пса, пока не обнаружил его застывшего под толщей обильно выпавшего снега. Тридцать лет охотился Жила, но вот так прямо у зимовья лайка погибла у него впервые. «В жизни всякое случается, – рассудил он. – Но почему пса-то не съели?» – шевельнулась в голове беспокойная мысль.

Прошло дней десять, и у Боцмана опять появилось желание досадить Рыжебородому. Теперь он положил глаз на строение, возвышавшееся поодаль от стоянки на четырех гладких столбах. Оно напоминало логово охотника, только было раза в три меньше.

Боцман попытался взобраться на лабаз по столбу, но сделать это мешала жестяная «юбка» в его верхней части. Остальные три столба тоже были увенчаны такими же «юбками». Тогда кот залез на стоящее поблизости дерево, прошел по ветке и спрыгнул прямо на крышу лабаза. Затем через прогал между крышей и стенкой протиснулся на склад охотника.

Все это время его дразнил и будоражил запах, заставлявший забыть всякую осмотрительность: из лабаза нестерпимо пахло лисами. Найдя их, Боцман с остервенением набросился и разодрал в клочья рыжие шубы с пышными хвостами. Затем та же участь постигла стянутае в пачки шкурки зайцев и белок. Вонючих норок, колонков и соболей брезгливый кот не тронул. Зато распотрошил коробки с тонкими длинными палочками и мелкими камешками. Потом разодрал куль со сладкими кристаллами, похожими на зернистый снег, и переключился на мешки с белым, похожим на пыль порошком. Куски мороженой лосятины не тронул – был сыт.

Завершив погром, удовлетворенный Боцман соскочил вниз и умчался в свою цитадель под прикрытием пурги, разгулявшейся на голом пространстве мари.

Жила проснулся поздно. Уже светало. Пурга утихла, но снега надуло до середины окошка, и он решил сделать передых: прежние следы замело, а

новых еще все равно нет – зверьки отлеживаются, ждут, пока снег осядет, уплотнится.

Растянувшись на шкурах под двумя ватными одеялами, охотник курил махорку и в который раз радовался столь доброму участку. Уже одиннадцать лет он промышляет здесь, и всегда у него хватало пушнины и для плана, и для скупщиков еще столько же, а иной сезон и поболее припасено.

Прежде этот участок пустовал. Все отказывались от него. Говорили, что рядом с рекой куда удобней: продукты и снаряжение до ледостава прямо на лодке завозить, по горам на себе не надо таскать. На самом же деле мужики страшились близости поганого места. Как-то, еще до войны, пытался промышлять здесь один отчаянный, да так и сгинул бесследно. Сойдясь с одним ловким скупщиком, Потап быстро сообразил, что сулит «левая» сверхплановая пушнина, но на прежнем участке взять ее было трудно и к тому же опасно – то и дело заходят соседи, да и охотовед за сезон раза два нагрянет с проверкой. Пораскинув мозгами, он сказал сам себе: «Или пан, или пропал», – и добавил: «Бог не выдаст – свинья не съест».

Новые охотничьи угодья в первый же сезон превзошли все ожидания. Через пять лет пройдохаскупщик устроил ему в городе кооперативную квартиру. Правда, и ободрал он Жилу тогда до последнего хвостика, но квартира того стоила. Потом организовал самую дорогую модель «Жигулей». А вот с подземным гаражом сперва осечка вышла, но и это дело недавно поправилось. И теперь Жила, вот уже второй год, собирался рассчитаться с госпромхозом и пожить, наконец, в свое удовольствие, но каждый раз надвигались все новые и новые расходы, и надо было оставаться и опять тащиться в тайгу на промысел. Да и жалко было бросать хорошо обустроенные путики. К главной охотничьей магистрали – реке – Жила давно прорубил, расчистил тропу и по ней с осени завозил все необходимое для промысла.

В деревне про его городские дела кое-что прослышали и догадывались, откуда такие деньги. Некоторые, такие же деляги, стали метить на доходное место, убеждая начальство, что участки между охотниками надо чередовать – мол, план всем одинаковый, а угодья разные. Но начальство не хотело нарываться на скандал с Жилой...

Время близилось к обеду. Охотник, поеживаясь, встал. Настрагал щепы от смоляка. Затопил печь, продавил в ведре корочку льда, налил в кастрюлю воды и поставил ее на плиту рядом с чайником. Потом расчистил площадку у двери зимовья, прокопал тропинку к лабазу.

Приставив лестницу и забравшись наверх, он окаменел: пушнина – труды многих дней – была превращена в лохмотья, пересыпанные мукой, сухим молоком и сахаром.

– Как же так? Что за напасть на мою голову? – убито прошептал он.

Разбирая остатки пушнины, Жила немного ус-

покоился. Самое ценное – соболя, норки, а главное, личный заказ скупщика – три выдры, были целы.

– Кто мог так напакостить? – ломал голову промысловик. – Ни одному зверю по столбам сюда не влезть. Разве что медведь, но тот спит, да и лабаз не разрушен. Неужели?... – вспотев от этой мысли, он посмотрел в сторону Белых скал.

С этого дня в Жилу вселился суеверный, почти панический страх. Из зимовья не то что на охоту, даже за дровами или водой он выходил неохотно, с трудом преодолевая гнет кошмарных сцен, разыгрываемых воспаленным воображением. Ходил по лыжне, постоянно озираясь. Всюду – и в древесных наростах, и в причудливых изгибах стволов, и в разросшихся кустах – ему чудились затаившиеся оборотни. Он изводил патроны на любое подозрительное очертание, любое едва заметное движение, любой сомнительный звук.

Задерганные нервы были на грани срыва. Охотник давно подумывал о том, что надо бы сматывать, но упрямое желание возместить убытки пересиливало страх. Скрепя сердце, он все откладывал выход, и не напрасно – пушная копилка быстро пополнялась.

Страх же все усиливался, не отпуская ни на минуту. В конце концов, доведенный до отчаяния Жила заметил завершающие обходы, чтобы снять ловушки, рассторожить пасти. Начал он с Нижнего путика.

Шел тяжело, весь словно скованный ожиданием беды. Ружье не выпускал ни на секунду. Даже добычу из ловушки ухитрялся вынимать одной рукой и, как привороженный, все поглядывал на Белые скалы, уверенный, что беда нагрянет именно оттуда.

А когда налетел и завыл в старых дуплах ураганный ветер, он уже не сомневался в неотвратимости расплаты за покушение на покой этих мест. Темные деревья, казалось, задвигались, угрожающе скрипя, замахали ветвями-лапами. Напряженное состояние последних дней достигло предела, и Жила совершенно потерял самообладание. В этот момент одна улежавшаяся снежная глыба, сорвавшись с толстого сука, пронеслась прямо перед его носом и чуть не выбила из рук ружье. Охотник сжался от ужаса, попятился, прилип спиной к стволу и, широко раскрыв глаза, оцепенело уставился на... разлохмаченный шлейф дыма. Вид быстро несущихся со стороны ключа черных клубов медленно выводил Жилу из парализованного состояния. Когда до него, наконец, дошло, что может так дымить, он, позабыв обо всем, помчался к стану. На бегу пытался вспомнить, хорошо ли закрыл поддувало, убрал ли от печки смолистые щепки. Наконец, весь мокрый, взлетел на увал, откуда хорошо видно зимушку и, о ужас, – на ее месте бесновался красный венец пламени.

Жила, с разрывающим нутро воем, упал на снег

и забился в истерике. Он был сражен не столько видом полыхавшего зимовья (черт с ним – все равно больше не охотиться), сколько сознанием того, что вот так глупо сгорели все его труды. Опасаясь повторного налета на лабаз, Жила перенес пухлые связки пушнины в зимовье...

Рысь во время очередного визита к Рыжебородому обнаружила на месте его логова черный круг земли с железной покоруженной печкой посередине, да обледенелую топанину следов. Одинокая колея уходила к поселению людей.

Боцман, конечно, не знал, какая именно трагедия постигла его врага, но даже ему было ясно, что тот лишился логова и покинул это место. Боцман был удовлетворен, но теперь ему не давал покоя вопрос: «Куда же ушел Рыжебородый? Может, он где-то поблизости?» Озабоченный кот направился по следу.

Парная колея тянулась по широко прорубленной тропе вдоль подножья отрогов почти прямо, не углубляясь в распадки. На второй день пути кот перевалил по зыбкому тягуну на противоположный от Белых скал склон Главного хребта. Здесь тропа Рыжебородого слилась с тропами других промысловиков и вилась хорошо накатанной дорогой по берегу торосистой, изъеденной промоинами реки, то приближаясь, то удаляясь от ее русла.

Эти места Боцману были знакомы: если сделать вверх по течению еще один переход, то можно выйти прямо к поселению людей, в котором его лечил добрый Крючконос.

Дальше кот не пошел. Сомнений не осталось – враг покинул окрестности Белых скал.

И в самом деле, ни весной, ни летом никто не нарушал покоя и великопепия здешних мест. Боцман вольно жил в царстве Белых скал, ощущая себя самой важной частью этого светлого, прекрасного мира.

Боцман иногда проходил по главной тропе Рыжебородого и с удовольствием отмечал, что она потихоньку зарастает и освежается лишь оленьими да медвежьими следами.

Как-то в один из душных июльских дней кот тихо посапывал на обдуваемой ветерком вершине останца и не видел, что разбросанные по горизонту тучи сошлись в обнимку и, разрастаясь, незаметно пожирают небесную синь. По мере приближения к Белым скалам они проседали от зреющей в них грозной силы все ниже и ниже.

Проснувшись, кот заметил перемену в погоде и, поскольку не хотел мокнуть, припустил к своему сухому логову. Но налетевшая тугим шквалом гроза догнала и накрыла его густой завесой воды. Слепящая стрела молнии с оглушительным треском вонзилась в излом каменной плиты совсем рядом. Перепуганный кот сиганул вниз. Прямо перед ним ударил еще более мощный разряд, и вскоре молнии, скреживаясь, били со всех сторон почти беспрестанно. Казалось, скалы заходили ходуном.

Кот, вздрагивая от каждого удара и почти оглох-

нув от невообразимого грохота, судорожно заметался по залитым потоками воды глыбам. Поскольку он угодил в узкий разлом, а когда выкарабкался из него наверх, вспышка нестерпимо белого света обожгла глаза, и он провалился в черноту.

Очнувшись Боцман открыл глаза, но непроницаемый мрак не рассеялся, хотя кот явственно ощущал на себе ласковые лучи солнца. «Как же так? Солнце светит, а вокруг такая тьма, какой и ночью не бывает?». Боцман поднялся и попытался идти, но тут же ткнулся носом о что-то твердое. Недоуменно пошарив лапой, он обнаружил впереди себя каменную стену. Попробовал обойти его, но куда бы он ни пошел, всюду упирался в камни. Бедняга остановился в растерянности. Такого с ним еще не бывало. Боцман понял, что во время грозы что-то произошло, и теперь ему предстоит жить во мраке вечной ночи.

Сидя на шершавой плите, он никак не мог взять в толк, в каком месте Белых скал находится. Вслушиваясь в звуки, кот уловил внизу гул ожившего после ливня ручья, а правее глухо шумели густые гривы сосен. Таких ориентиров в Белых скалах было немало, но тут до его слуха донесся металлический перезвон. Это раскачивались ветром железки у покинутого людьми логова.

Теперь Боцман сориентировался, где он, и, осторожно проверяя лапой путь, выбрался на тропу, по которой ходил сотни раз. Здесь он помнил каждый кустик, каждый поворот, каждую валежину. А когда убедился, что память не подводит и вовремя предупреждает о преградах, даже несколько приободрился и пошел быстрее.

Напившись из ключа, Боцман лег в траву. Он долго лежал и, казалось, во что-то вслушивался:

отрывистые картины жизни всплывали в памяти. Безжалостная судьба не щадила его с первых дней появления на свет. Зубами и когтями выкарабкивался он из любых переделок и наперекор всему оставался крепко стоять на ногах. Жизнь, а точнее люди, редко давали ему передышку. Вновь и вновь они безжалостно прогоняли его сквозь цепь испытаний, но кот, все более закаляясь, неизменно выходил победителем. И вот сейчас, когда наконец в его нелегкой судьбе все образовалось наилучшим образом, — такой жестокий удар! Как жить слепому? Как охотиться? Даже мыши, и те — недоступная для него добыча.

Внизу устроили разноголосую перекличку железки: «Тринь-тринь-дзинь». Этот мелодичный звон неожиданно породил дикую, сумашедшую надежду: Крючконос! Добрый Крючконос! Это он вернул ему жизнь много лет назад. Это он не поднял на него громом разящую палку в тайге! И он наверняка сумеет выручить его и сейчас.

Эта почти невероятная, отчаянная надежда захватила кота. Через несколько минут сомнений он решительно встал и, отыскав на ощупь тропку, тянущуюся к заброшенным владениям Рыжебородого, пустился в путь.

По зеленому покрову топкой мари Боцман брел медленно, с особой осторожностью, так как знал, что по бокам тропы разбросаны коварные зыбуны. Несмотря на четкий шаг, кот часто спотыкался, поскользнулся, но, к счастью, все обошлось благополучно. К вечеру Боцман все же выбрался к подножью гор и перешел на тропу промысловика.

Пасшиеся в устье распадка олени, увидев рысь, встрепенулись, но она почему-то прошла мимо, не задерживаясь. Недоверчивая олениха еще долго поглядывала вслед, но Боцману было не до них. Он был целиком подчинен стремлению добраться до Крючконоса и вернуться с его помощью из мира тьмы в мир света.

Шел кот долго. Путь, который он прежде преодолевал за двое суток, для незрячего затянулся. Тем более, что, не имея возможности подкрепиться, Боцман быстро утомлялся и часто останавливался.

То и дело устремляя невидящий взор в сторону селения и постоянно принохиваясь, прислушиваясь, кот наконец добрал до места, где дорога спускалась к мелкому речному перекату. Похрустывая галькой, он преодолел его и взобрался на береговой взлобок. Теперь надо пройти по выпасу с обкусанными кустами до одинокой, широко разросшейся на приволье белоногой березы. Все верно, вот она – шелестит пышной листвой. Боцман даже вздохнул от облегчения. Отсюда уже совсем близко до логова Крючконоса.

Войдя в деревню, Боцман, конечно, чувствовал и слышал, как к нему из дворов выбегают собаки, но он, собрав всю свою выдержку, неустрашимо продвигался вперед, гордо вскинув голову, обрамленную седыми бакенбардами. Громадный кот шествовал в окружении собак с таким видом, словно он совершал рядовой обход своих угодий. Справа, страшась собственной смелости, с тьявканьем вынеслась кривоногая дворняжка. Остальные собаки трусили сзади молча, словно понимая, что тут что-то не так, и не время сотрясать воздух пустой брехней.

Послышались возгласы, крики людей. Боцман вслушивался в них в надежде вы-
делить голос Крючконоса. Вот и знакомый бухающий лай соседского кобеля,
сидящего на цепи.

Кот не мог видеть, как распахнулось окно в доме его дав-
него недруга, как Рыжебородый вскинул ружье и пой-
мал в узкую прорезь прицела убойное место,
как корявый палец лег на спусковой
крючок...

Вид на Главный Уральский хребет

Скала Три брата

Плато Кваркуш

Рассматриваются работы, удовлетворяющие следующим требованиям:

1. соответствие темам:

- * Урал – родная страна
- * Природный пейзаж
- * Милый уральцы
- * Заповедные земли
- * На грани...
- * По следам предков

2. предоставление информации о снимках:

- * Условное название снимка, краткое пояснение
- * Дата съемки (если известно)
- * Район, запечатлённый на снимке, если это важно
- * Объект (если известно)

- * Персонаж (если известно)

3. Информация об авторе

- * ФИО Автора, почтовый адрес, контактный телефон
- * Указать характеристики используемой фототехники и др. обеспечения

4. Формат снимка

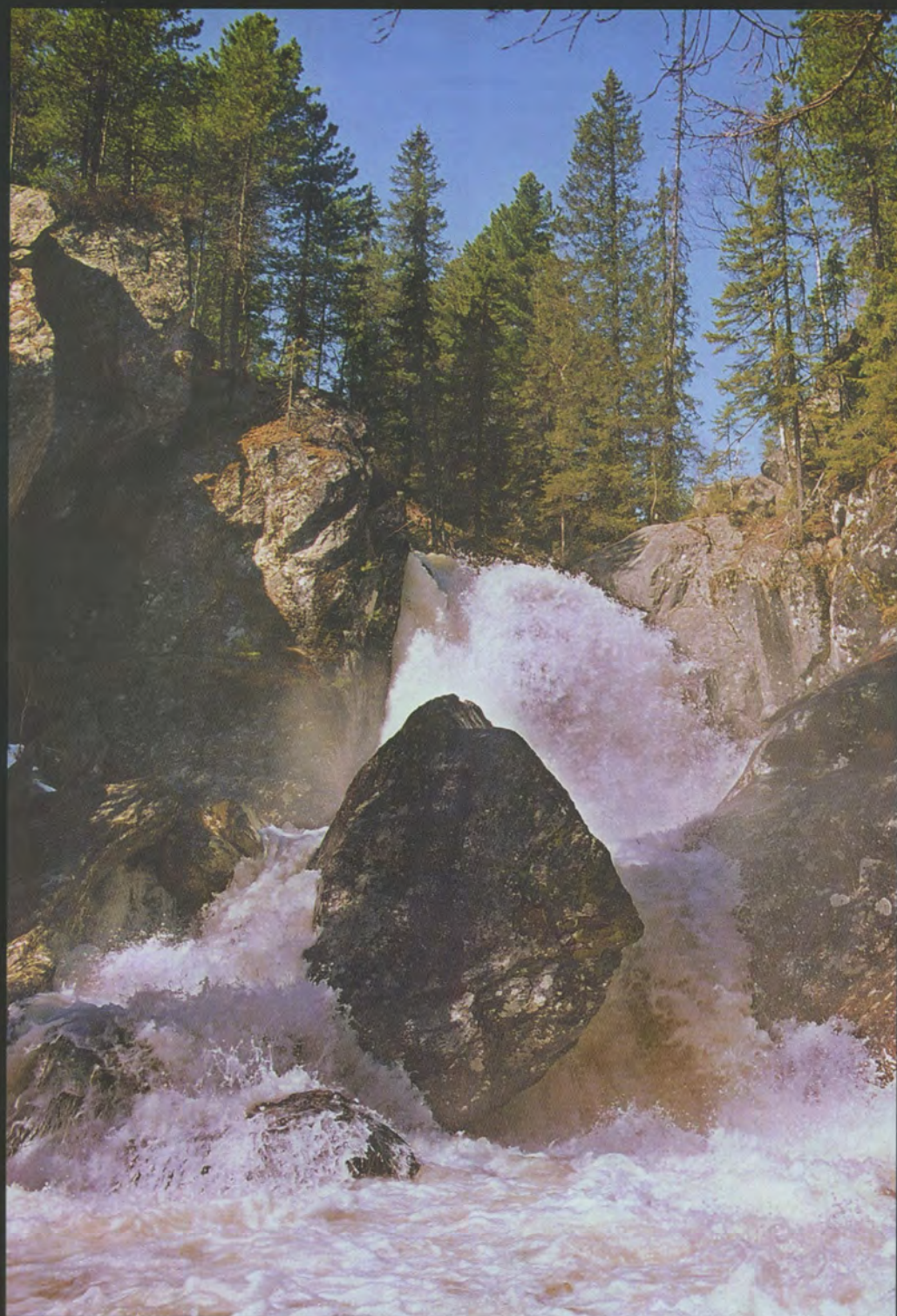
не менее 300 x 200 мм (желательно приложить слайд или негатив)
или файлы, записанные на CD-R, DVD в формате .jpg 3072 x 2048, tif 300dpi 200 x 300.

Итоги конкурса подводятся 1 раз в полугодие по каждой теме с публикацией снимков-победителей. Призы от спонсоров.

Снимки высылаются на адрес редакции заказным письмом с пометкой "ФОТОКОНКУРС". Присланные работы не рецензируются и не возвращаются. Редакция оставляет за собой право использовать снимки, предоставленные на конкурс для публикации.

Часть фотографий, присланных на конкурс, размещаются на сайте photo.uralstalker.ru

Урал – горная страна

Жигаланские водопады

Победитель фотоконкурса Виктор Байдуков

ЖИЗНЬ за ЖИЗНЬ

Жизнь человека бесценна, но бывают секунды, когда на это сокровище покушаются испытания судьбы, когда трагедия оказывается на расстоянии вытянутой руки. И тогда появляется огромная жажда жизни, человек зовет на помощь тех, для кого спасение людей стало работой.

Анатолий Набоков работает в МЧС 6 лет. На его счету уже не один десяток спасенных людей.

– Спасатель – очень сложная, а главное, очень опасная профессия. Почему вы выбрали именно ее?

– Сложно сказать. В МЧС может работать не каждый, и здесь не пробиться, как это называется, «по знакомству», двоих таких у нас недавно уволили. Нужны определенные человеческие и физические качества, которые проверяются, прежде чем человек попадает в бригаду. Спасатель должен быть прежде всего уравновешенным психически, ответственным и лично честным. Многие, проработав какой-либо приличный срок в МЧС, начинают «спихивать» работу на товарищей, мол, я уже отработал свое, теперь ты лезь. Как то мне пришлось работать с одним таким человеком. Случай стандартный: дверь захлопнулась, на плите забыли выключить кастрюльку, дверь ломать не хотят. Делали «верхолазку», то есть спускались с крыши. Я прыгнул, но у меня что-то случилось со страховочным оборудованием, и я пролетел мимо окна. Спрыгнуть на землю я не мог, потому что внизу торчали штыри. Я стал кричать, чтобы меня вытянули, но в ответ слышал только ругань по поводу медлительности. Мне пришлось ломать стекло, осколки разлетелись по подокон-

ку, а за этот подоконник мне пришлось хвататься и подтягиваться, чтобы влезть в окно. Стекла из рук мне вытаскивали уже в больнице. Мало того что пострадал я, так еще и было потеряно время. Кто знает, что могло случиться за это время в другой ситуации. Такого не должно быть. В нашей работе порой все решают секунды, и если спасатели будут долго разбираться, кто что должен делать, или действовать неоперативно, то имеет ли тогда вообще смысл существование МЧС? Что касается меня, то я считаю, что во мне все качества спасателя соблюдены в достаточных пропорциях, чтобы считать, что эта работа – мое призвание. И здесь много таких людей.

– Есть ли в ваших бригадах специалисты? Врачи, например.

– Нет, профессия спасателя требует очень разносторонних навыков, и специалиста к каждому случаю подобрать невозможно. Перед поступлением на работу каждый проходит специальные трехмесячные курсы, на которых приобретаются азы всех необходимых навыков. Все остальное отрабатывается в процессе стажировки и работы. Разумеется, очень хорошо, когда в бригаде есть врач или психолог. Даже лучше, если психолог. Был такой случай: обвалился дом. Когда мы приехали на место, первым делом увидели женщину, которая несла в руках мягкую игрушку и смотрела на нас таким отсутствующим взглядом, как будто нас нет. Внешних повреждений у нее не было, наш психолог стал разговаривать с ней, и потихоньку стало ясно, что она спала на кровати с ребенком, а ребенок обнимал мягкую игрушку. Когда она услышала крики тревоги, она схватила ребенка и выбежала на улицу, дом обвалился, и она увидела, что в руках у нее не ребенок, а игрушка. Когда разбирали завалы, отыскали восьмимесячную малышку, к сожалению, она была уже мертва. Врачи здесь бессильны, психолог, вообще-то, тоже, но то, что женщина не успела в состоянии аффекта ничего с собой, а хуже – с другими, сотворить – его заслуга. Все остальное умеет делать каждый из нас, без подразделений на «один делает это лучше, а другой хуже».

– Вы достаточно спокойно говорите о таких серьезных вещах. Для вас видеть смерть стало привычкой?

– К этому невозможно привыкнуть. По долгу службы я обязан перешагнуть через мертвого, чтобы спасти живого, но это не значит, что мне это просто сделать. Когда я сталкиваюсь со смертью взрослых, мне, по-русски говоря, становится паршиво. Года полтора назад «девятка» влетела под грузовик. Машину разнесло пополам и голову водителя тоже... пополам. На такие вещи лучше не засматриваться. Но самое ужасное, это когда гибнут дети, у которых вся жизнь была еще впереди, после таких случаев я молча ухожу, потому что сказать мне просто нечего.

– Как вы поступите в ситуации, если с одной стороны можно спасти простого человека, а с другой ваш коллега?

– Честно говоря, в экстремальной ситуации я буду спасать того, у кого больше шансов выжить. А если условия одинаковые, то буду тянуть за ту веревку, которая окажется ближе. Размышлять в такие моменты некогда, все действия отработаны до мелочей.

– Как люди реагируют на ваши действия? Вас как-то благодарят?

– Бывает, конечно, что и гадости говорят, но в основном благодарят. Бывает, что и угощают чемнибудь. В пасху, например, вообще был бум! Ни в одном доме, наверное, не было столько пасхальных яиц и куличей, сколько у нас на базе. Мы их неделю доедали потом. Деньги мы никогда не берем, а вот от пирожков и пряников почему-то не отказываемся, это как-то приятно.

– Вы часто обслуживаете детские соревнования. Не обидно вам, таким серьезным людям, размениваться на такую ерунду, по сути?

– Ну, если кто-нибудь незначай рухнет со скал, скажем, то дело приобретет очень даже серьезный характер. Дети такие непосредственные еще. Им интересно все. Это приятнее, чем кошечек с деревьев доставать, конечно и этим приходится заниматься довольно часто. Но на «ерундовые» вызовы мы вообще не ездим – их просто нет.

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Агненины байки

Жила на краю села женщина по имени Агня. Жила скромно, со своим мужем Астафеем и детьми. Дети выросли, поразъехались, остались они с Астафеем вдвоем. Но и он вскорости помер.

И осталась Агня одна – не одна, дети раз в году навещали. Жили еще корова да два кота. Знамениты были коты на все село, даже сказывали, что Агня новую кошачью породу вывела.

Один кот был точно негритянский принц – иссиня черный, лощеный, выхоленный, а другой приходил на дирижера сим-

фонического оркестра: в черном фраке, на груди – белая манишка с бабочкой, передние лапы белые, точно дирижер в перчатках.

Манеры у котов были аристократические. И кормила их Агня как аристократов – парным молоком и свежим мясом, а то и бараньей печенкой, чтобы шкура лоснилась, да не портилась.

А еще Агня умела байки сказывать. Где услышит что, а где и сама присочинит. И первыми те байки коты слушали. Так что вы уже вторыми будете.

Про графьев

Лет 100, а может, 200 тому назад много было на земле графьев. Так много, что видимо-невидимо. Куда ни посмотришь, кругом графья одни. Да бедные они были, очень бедные. И слуги у них тоже были очень бедные: лакеи – бедные, горничные – бедные, ключницы – бедные, кухарки – бедные, конюхи – бедные, пастухи – бедные, псары – бедные.

Проснутся, бывало, графья утром, а кругом бедность одна, тоска... А тут уж и завтрак в постель несут, бедный такой завтрак, глаза бы не смотрели. Каша овсяная с медом, да блины с этим же самым медом, от своих пчел-то – эка невидаль. Шаньги с творогом да сметаной. От своих коров-то доморощенных. Тут еще кисель клубничный, да булочки с маком, так и тот со своего огорода. А уж из заморского-голландского так всего-ничего: ветчина разная, сардины в масле, сыра головка-другая, да чай с кофеем.

Откупают графья эту невидаль, да так раздосадуется, что снова спать ложатся, аж до обеда.

К обеду встанут, умоются родниковой водицей (во всех огородах тогда родники били), а потом только к столу-то и садятся отобедать:

похлебки какой-нибудь с бараньими потрохами, поросенка какого-нибудь жареного с хреном, гуся какого-нибудь печеного с яблоками, паштетика из говяжьей печени, лососинки заливной, грибочков-рыжичков со сметаной.

Да все под водочку, а то и с мускатиком. А потом десерт – пудинг шоколадненький, пирожки бисквитные да песочные, а то – заварные разные с ананасами да мандаринами.

А то еще, на гнев графьев этих, подадут пирог слоеный – яблочный. Эка невидаль!

Уж после обеда графья думать начинают, дол-

гонько так думают, чем бы им еще заняться. Ну уж если ничего не придумают, так на охоту поедут.

Поедут так, не ради охоты, ради удовольствия. Одежка-то какая была? Так, бедность одна, какая уж тут охота. Наденут мундиры, камзолы какие-нибудь, расшитые всяко. Или, того хлеще, картузы помятые, на охоту-то теснехоньки. Ружей наберут с прикладами позолоченными, тульских. А тут уж им коней подают расчесанных со сбруей

бисерной. Да собак гончих и борзых, так себе, охотничьих.

Графья-то эти как соберутся целой стайей, зачнут одного зайца гонять по лугам да по лесу. Как поймают зайца этого, а делить-то как, так уж раздерутся-разругаются. Начнут палить друг в дружку.

Так все друг друга-то и повыбили. Жалко, хорошие графья были, да только бедные очень...

Мануэлис

К деду Василию во время уборки урожая двух женщин поселили из города, преподавателей из института. Расквартировали, в общем. Жил он один на отшибе в низенькой избенке. А женщины навезли с собой всякой снеди – колбасы, консервов, конфет.

Вечером придут с поля, за стол сядут. Культурные женщины, зовут с собой деда за стол. А дед сидит на печи, ноги свесил. Они ему: «Дедушка, как вас зовут, садитесь с нами». А он с печи гундосит:

«Мануэлис». Они ему: «Мануэлис, садитесь с нами!» А он им: «Мануэлис».

Утром женщины за молоком ко мне пришли. Рассказывают мне про Мануэлиса, спрашивают, откуда имя у него такое странное.

– Да Василий он, по батюшке Александрович, – говорю, – а это он так «мы наелись» говорит.

Уж долго они смеялись. С тех пор часто сама, как за стол сажусь, этого Мануэлиса вспоминаю.

Капроновое платье

Когда жить полегче стало, телевизоров понакупили, стали знать, что в мире творится. И попадись же на глаза одной местной девчонке модница в капроновом пышном платье. Так захотелось девчонке этой такое платье. Написала она письмо Никите Сергеевичу Хрущеву, тогдашнему генсеку, по нынешнему – президенту. Письмо, как водится, в сельсовет вернулось, чтобы разобрались. Писала девчонка, что в страшной нужде живет, будто бы детей в семье семеро по лавкам, а сама

она – отличница. Резолюция на письме: проверить, помочь по необходимости, о результатах доложить.

Как оказалось, все не так. Девочка одна у родителей, а учится плохо. Вот об этом и отписали Никите Сергеевичу. А позору-то натерпелась девчонка: и на родительском собрании разбирали, и в сельсовет вызывали. Вот тебе и розовое капроновое платье с большим бантом. А была бы отличница и жила совсем худо, то непременно бы выслал платье-то Никита Сергеевич. Очень уж заботливый был.

Прясло

Как-то по весне тетка Наташа с Береговой улицы померла. Избенка ее с огородом сельсовету досталась, а уж сельсовет передал ее одной женщине-художнице из города. Та, видать, огородом никогда не занималась, стала по домам ходить, интересоваться, как да что. К кому за советом ни придет, все и говорят: «Алевтина Ивановна, вам бы сначала прясло поставить, а уж потом огород садить».

Пришла Алевтина Ивановна домой и думает: что такое прясло, может, это местная брага так называется? Рецепт взяла, наставила браги этой. Выпили, погуляли. Время идет. Огород копать надо. Снова она к соседям кинулась, а они

опять за свое: «Надо бы, Алевтина Ивановна, прясло поставить, а потом огород садить».

Думает Алевтина Ивановна: «Понравилась брага моя». Опять ставит, гостей созывает. Собрались мужики, выпили, хвалят бражку-то, не нахвалятся. Ну, думает Алевтина Ивановна, уж теперь-то я всех уважила. Наняла мужика с лошастью огород пахать. Тот уж две борозды сделал, тут соседи-то понабежали. «Алевтина Ивановна, –

кричат, – ты чего прясло-то не поставила, ведь огород козы столчут!». Тут только Алевтина Ивановна и поняла, что сначала нужно прясло поставить, а уж потом огород садить.

Лундеж

Поселился у нас как-то мужик с очень странным именем Лундеж, по отчеству Иванович. Думали, прозвище у него такое, но, как оказалось, имя по паспорту. Разные после революции имена давали. Были у нас и Револьд, и Люция, что означало революция, если их соединить вместе. Оюшмиднальда была, что в сокращении означает Отто Юльевич Шмидт на льдине. Но Лундеж – такого не было. И сам он не говорил, почему имя такое. Позже мы узнали, что означает Лундеж этот. Оказывается, Ленин умер, но дело его живет.

Серьезные намерения

Время словно остановилось. Оно не шло, а медленно-медленно тянулось. Ползло. Теперь, когда мы превратились в безучастных наблюдателей, каждая минута казалась пыткой.

Для меня, да и, наверное, не только для меня, пространство Вселенной уменьшилось до размеров стола, как только мы за него сели. С одной стороны — организаторы проекта «Капитул, включая меня, с другой — те, в чьих руках находилась судьба этого самого проекта. Доктор нейробиологических наук Иннокентий Штольц, бывший профессор кафедры физико-молекулярной генетики МГУ Олег Якубович и заваливший не один проект, опять-таки доктор, но на сей раз нанотехнологических наук, Даниил Дмитриев; все в белых шелковых рубашках и серых костюмах. И под пристальным надзором наших глаз.

От решения комиссии зависело многое. На время для нас ее члены превратились в богов. И мы, точно смертные козявки, следили за их жестами, движен-

ем губ, поворотами головы. За тем, как Якубович периодически почесывал плешь или теребил ухо, из которого торчали седые волосики; как Штольц то и дело вытирал пот с морщинистого высокого лба и дергал узел галстука. И уже каждый из нас знал, что на темно-зеленом платке Штольца, в углу, черными нитками были вышиты две буквы: «И.Ш.»; что Якубович носил золотые часы фирмы «Луч» — очень старые, стоящие, наверное, целое состояние. И, судя по всему, куда-то опаздывал, ибо постоянно поглядывал на них. Только Дмитриев, словно робот, не делал никаких лишних движений. Впрочем, он и походил на некоторых киборгов: яйцевидная лысая голова, тонкие длинные пальцы, впалые щеки. Он точно был заготовкой человека, а не человеком. Ни привычек, ни усталости, ни эмоций.

В помещении по-прежнему стояла звенящая тишина. Слышно было, как глотает воду Штольц, как шелестят страницы отчетов, даже беспокойное дыхание рядом сидящих ученых.

Сегодня мы должны были либо прогреметь на весь мир, как создатели нового поколения нанотехов, способных взаимодействовать с нейронными тканями, либо...

Дмитриев, наконец, отложил бумаги, и я затаил дыхание. Наступил момент истины — двадцать первое июля две тысячи сто пятого года. Известность, уважение в научных кругах, финансирование, невероятные прибыли, шампанское, текущее рекой, или неудача и унылые лица сотрудников.

— Что ж, прекрасно. А как считают мои коллеги?

Штольц глянул на Дмитриева, кивнул. Медлил только Якубович, поглаживая куцую бородку. Потом причмокнул губами:

— Думаю, нужно одобрить проект.

Я едва не вскрикнул от радости. Мне хотелось подпрыгнуть, показать кукиш западным «коллегам». Но больше всего — сообщить об успехе Лене.

Инспекторы поднялись как по команде.

— Ждем вас завтра к полудню. Министерство обороны заинтересовано в сотрудничестве с вами, — сообщил Дмитриев и направился к выходу. — До свидания, господа.

От переполняющих меня эмоций я подскочил и почтительно открыл дверь перед уходящими инспекторами. Каждому пожал руку. Затем обернулся под звук бурных аплодисментов.

— Поздравляю, господа. Скоро о вас узнает весь мир! Но все торжества — завтра.

На некоторых лицах я прочел негодование.

— Нужно всем отдохнуть, а завтра — все как полагается.

Я лгал. На самом деле мне не очень хотелось проводить столь знаменательный вечер в компании ученых. Только с Леной. Только с ней я готов был разделить успех.

Из зала заседаний, как и предполагал, я вышел первым. Ускорил шаг, чтобы поскорее достичь аэрокара и уехать далеко-далеко отсюда...

В гараже было тихо. Похоже, все наслаждались вкусом победы. Только молодой охранник, нанятый недавно, рассматривал мой аэрокар. И я его хорошо понимал: восьмиместные аэрокары фирмы «Вольво» не часто встречались даже в Москве. Мне он тоже безумно нравился. Черный, четыре турбины и невероятно просторный салон.

— Зверь, а не машина! — улыбнувшись охраннику, я открыл дверь.

Из салона доносился голос радиоведущего:

— И коротко о главном. Из зоопарка в Австралии сбежал Велосираптор, на его счету три жертвы. Сегодня состоялась встреча на высшем уровне между правительством Центавра и представителями ООН, подробности в вечерних новостях. Борцы за права роботов подали новый иск на английскую фирму...

— Стоп, — усаживаясь на заднее сидение, приказал я.

Радио на мгновение смолкло.

— Куда? — проскрипел робот-водитель.

— Домой. И только домой, — зевая, ответил я. — Да, и поставь что-нибудь приятное.

В салоне зазвучала приятная музыка, а аэрокар плавно тронулся с места. Я снова зевнул, веки сомкнулись сами собой...

На пороге квартиры меня, как всегда, встречала Хозяюшка. И, как всегда, начала со стандартного приветствия:

— Здравствуйте, Евгений Константинович! Как прошел...

— Отлично! — не дослушав Хозяюшку, я чмокнул ее в дисплейчик.

Тут же цвет обшивки парящего рядом со мной шара величиною с футбольный мяч сменился со светло-зеленого на розоватый.

— Биб-биб-бииииип! — пропиликала ХЗК третьего поколения.

А я хлопнул в ладоши и, приплясывая, снимая одежду на ходу, начал подбираться к кухне...

Прибравшая разбросанную одежду Хозяюшка нагнала меня у входа в нее.

— Что-нибудь желаете?

— Шампанское! — сразу воскликнул я и, наблюдая, как длинные механические руки ловко открывают серебристую бутылку, закурил. Глубоко-глубоко затынулся. Поглядел в окно: на небе зажигались звезды.

— Я гений! — прокричал я им и всем-всем мигающим, двигающимся красным, синим, желтым огням на улице.

ХЗК поднесла мне бокал с пенящимся шампанским. Я отпил немного. От ледяного и бодрящего напитка по телу пробежали мурашки.

— У-ух!

— Еще что-нибудь?

— Нет, не нужно. Спасибо.

Захватив бутылку и сигареты, я направился в кабинет, где с превеликим удовольствием утонул в мягком, парящем над полом кресле.

— Ну что? — обратился я к отражению в настольном зеркальце. — Ты молодец!

Бокал коснулся зеркала и...

— Раз! — сказал кто-то поблизости.

Я вздрогнул, бокал звякнул об пол. А между прочим, это был настоящий хрусталь — не какая-нибудь небьющаяся дешевка. ХЗК приплыла через секунду.

Оглядевшись, я поднялся:

— Посторонние в доме есть?

— Нет, — убирая осколки, ответила она.

Показалось? Однако странный это был голос. Бездушный, но весьма знакомый. Причем я мог поклясться, что донесся он не с улицы, да и не мог он оттуда донестись, ведь окна...

— Рана, рана, рана! — затараторила ХЗК.

Я посмотрел на пол. Из-под левой ступни струился алый ручеек. Оставив кровавый след на светлом паркете, я вновь уселся в кресло и закинул ногу на ногу.

Кровь сбегала с пятки и капала на пол. Кончики пальцев захватили впившийся осколок, осторожно потянули, вытащили. Рана была неглубокая, но... Порез не затягивался.

Для человека двадцать второго века это было столь же невероятно, как для человека восемнадцатого века увидеть аэрокар. У меня в организме работали тысячи нанотехов, а рана по-прежнему кровоточила.

— Рана, рана, рана, — продолжала голосить ХЗК.

— Заряжаться, — приказал я ей.

— Раз, два, три, — вновь сказал кто-то рядом, а я опять вздрогнул. И замер, стараясь не думать о том, что вскоре...

— Вы абсолютно здоровы, — вдруг уверенно подтвердил голос. Голос... в моей голове.

Бред. Неужели эксперимент...

— Наоборот. Нейронанотехи прекрасно справляются с поставленными задачами. И мы благодарим вас за столь ценный дар, позволивший нам наладить связь с вами, а также приносим официальные извинения за несвоевременное устранение течи в секторе левой ноги.

— Что значит «мы»? — обозлился я.

— Мы, жители государства Ко, — ответил голос. Я слотнул и почувствовал, что бледнею.

— Никогда о таком не слышал.

— Даем справку: государство Ко образованно в две тысячи восемьдесят девятом году; место размещения — тело господина Остапенко Евгения Константиновича; форма правления — коллективный разум; население — аквиты; число жителей — четыре ми...

— Хватит! — выкрикнул я в пустоту.

— Господин Остапенко, успокойтесь. Мы понимаем вашу реакцию, однако впредь постарайтесь не растрчивать нервные клетки по пустякам, их восстанавливать крайне сложно.

— Вы мне указываете? Вы! — МНЕ! Да вы ничто! Пустота! Дырка от бублика! Хаотически движущиеся атомы и молекулы! Я ваш создатель. Я! И мне решать, нервничать или нет! Понятно!

— Насколько нам известно, вас создал Бог, но не все из людей живут по его законам. Почему же вы считаете, что мы...

— Мы, мы, мы! Бездушные микроскопические механизмы. Ваша жизнь лишена смысла. Да я вас...

— Мы это предвидели. Поэтому, в знак доброжелательности между нашим государством и вами, не будем вводить против вас санкции. Однако, если подобные вспышки гнева...

— Гнева? Да вы не знаете, каков я в гневе!

— Перестаньте, наконец, нас перебивать. Иначе переговоры зайдут в тупик, и нам...

— Знаю, знаю, санкции. Господи, тон-то какой.

— Рады, что вы успокоились. А теперь выслушайте нас внимательно и запомните, а лучше запишите требования.

— А не пойти ли...

— Господин Остапенко, вы же разумный человек. И понимаете, что наши возможности касательно воздействия на ваши органы безграничны. Нам не составит труда остановить сердце или, скажем, в качестве превентивного удара приостановить приток крови к гениталиям. Но мы надеемся, что до этого не дойдет.

— Весомые доводы, нечего сказать. Особенно последний. Но постойте, если вы убьете меня, то...

— Конечно, это вызовет некоторые осложнения с переселением в другое тело, однако мы готовы пойти на риск. Записывайте требования.

— Не буду! — скрестив руки на груди так, чтобы ладони прижимались бицепсами, я замотал головой. Оставалось надеяться, что нанотехи блефуют.

— Вы не оставляете нам выбора, — как-то недобро сообщили они.

И спустя мгновение голову пронзила жуткая боль — такая, что я едва не взвыл. Следом в носу захлопала кровь. Затем тело бросило в жар. Спина взмокла от пота. А потом начались судороги...

— ХВАТИТ! — не в силах терпеть издевательства, взмолился я.

Боль стихла так же внезапно, как и возникла. Словно кто-то махнул волшебной палочкой.

— Теперь вы убедились в серьезности наших намерений?

Утирая кровь с губ и подбородка, я пересилил

себя и молча согласился. Других вариантов в данную минуту не существовало.

— Компьютер.

Передо мной незамедлительно вспыхнул белоголубой экран, а под руками возникла сенсорная клавиатура.

— Диктуйте.

И нанотехи начали диктовать — медленно, пункт за пунктом.

Хорошо подготовились. Этого не отнять. Но нет тех договоров, в которых нельзя было бы найти лазейку.

— Слышите? Знаю, что слышите.

Они не обращали на всплески эмоций ни малейшего внимания. Видимо, прощали побежденному такую мелочь...

Через несколько минут на экране чернел текст под названием «Договор о взаимовыгодном сотрудничестве между Ко и Остапенко Е.К.»

Договор включал пятнадцать пунктов, в каждом из которых было по меньшей мере два подпункта. В основном, в мои обязанности входила забота о теле: посещение тренажерных залов, правильный рацион с обязательным каждодневным употреблением пищи, содержащей белки, жиры и углеводы в таком-то количестве. Аквиты же обязывались следить за состоянием внутренних органов. Естественно, они четко оговорили последствия попыток устранивания их цивилизации.

Требования, конечно, были не слишком жесткие, но сокращение потребления никотина как-то мало радовало.

— И еще, почему вы называете государство «Ко»? То, что аквиты — понятно. Земля — земляне, аква — аквиты. Не слишком оригинально, — усмехнулся я.

— К чему эта ирония. Ко — инициалы вашего отца. Мы посчитали, что вы очень неразумно обращались с телом и не достойны того, чтобы вашим именем было названо государство. Однако...

Я продолжил:

— Мой отец... Спортсмен, ярый сторонник здорового образа жизни.

— Именно. Могли бы и сами догадаться.

— Ну, а курение?

— Дым в легких создает некоторые проблемы для наших пилотов.

— Ах, у вас еще и пилоты есть? — я истерически хихикнул. — И аэродромы, наверное. С самолетами, да?

— Конечно.

— А цивилизации, подобные вашей, существуют?

— Да.

— И сколько?

— Пока нам известно о трех?

— Значит, не все люди...

— Естественно. Человечество знает о пяти планетах, где условия похожи на земные, но только на одной из них есть разумные формы жизни. К тому же ваш мозг — кладезь информации. Благодаря ему эволюция аквитов...

— Понятно. Теперь пришла пора узнать вам мое условие.

— Слушаем.

— Дайте мне час на обдумывание требований. Однако мне нужны гарантии, что вы не будете читать мои мысли.

— Сорок пять минут. И предупреждаем, что в случае обнаружения инородных тел в организме...

— Можете не продолжать.

— Тогда время пошло.

Я подождал немного.

— Эй, эй, ты еще там?

Никто не ответил, и я вздохнул. Голос исчез, но это меня нисколько не утешало.

Приехали. В моем теле — государство, названное в честь моего отца (мир его праху), способное убить меня в любую секунду, а у меня сорок пять, нет, уже сорок четыре минуты, чтобы уничтожить всех нанотехов в организме. Ситуация.

Думай, Остапенко, думай! Не зря же ты получил два университетских диплома с отличием. Жаль, конечно, что среди них нет ни одного по точным наукам. Но ведь смог же ты, не будучи ученым, собрать отличную команду этих самых ученых и повернуть такую авантюру.

Какая ирония. На нас не напали киборги, управляемые взбесившимся компьютером, не захватили пришельцы; центавриане оказались добродушными разумными существами и, несмотря на значительное превосходство в развитии, отнеслись к нам будто к равным. Нет, нам диктуют условия микроскопические и когда-то примитивные существа. И самое скверное то, что ты не можешь дать врагу по морде, натравить на него полицейских, взорвать, вырезать, как опухоль, и даже моя смерть... При

этом он знает меня как облупленного, знает каждый мой шаг еще до того как, я его сделаю.

Я глубоко вдохнул и прикрыл глаза.

Итак, об уничтожении нанотехов думать пока рановато, поэтому нужно поразмыслить над тем, как лишить их возможности читать мысли.

— Да снизойдет на меня озарение, — глядя в потолок, негромко сказал я.

Взгляд застыл на миниатюрном космолете, подарке Миши Краснополцева, и я подскочил, как уколотый в мягкое место.

— Спасибо, Господи.

— К вам пришли, — вдруг сообщила из зала заرجающаяся Хозяюшка.

— Дьявол! Совсем забыл. Ленок.

— Впусти, впусти ее! — надевая штаны, выкрикнул я...

Входная дверь не успела отъехать, а я уже бежал в прихожую, на ходу надевая пиджак. Понятное дело, Ленка выпучила глаза. Они у нее и без того большие, а тут стали походить на два теле-скопа.

— Женя, у тебя кровь на груди.

— Ерунда, — отмахнулся я.

— Что-то случилось? У тебя неприятности? — испуганно затараторила она.

Так и хотелось вскрикнуть: «У всех неприятности!».

— Объясню позже. Найди Григория Тайтвядзе. Вопрос жизни и смерти. Код вызова есть у Хозяюшки.

Я поцеловал ошарашенную Ленку и понесся что было мочи в соседнее жилое крыло, моля всех богов о том, чтобы Мишка был трезв...

Стоя напротив желанной двери, я скрестил пальцы. И помолился, как умел.

К моей неимоверной радости, дверь щелкнула и поехала. Мишка был дома и почти без промедления вышел к гостю. Правда, сперва из полумрака прихожей появилось огромное волосатое пузо, на котором красовалась внушительных размеров татуировка двуглавого орла, из чьих крыльев во все стороны летели маленькие звездолеты, а потом показался и он сам — десантник ВКС в отставке.

На нем были давненько вышедшие из моды блестящие зеленые шорты в обтяжку с такими серебристыми дурацкими висюльками, вроде кулончиков, по бокам. И забавные старинные тапочки. При другой ситуации я бы хихикнул, но сейчас было не до смеха.

— Свет, — пробасил Мишка. — Константиныч, заходи, — откладывая в сторону бластер, похожий на клюв какаду, пригласил он меня и тут же спешно удалился.

Нет, я не зашел — запрыгнул. И едва удержался от того, чтобы не обнять бывшего десантника, когда он появился вновь. Судя по его физиономии, из запоя он вышел недавно.

Да, мы научились делать механизмы, которые не в каждый микроскоп можно увидеть, а от нас по-прежнему разит перегаром, способным напугать центавриан.

За стеной послышалось жужжание мотора, и в прихожую выкатил робот старейшей модели на гусеницах. Рука у него дымилась — Мишка постарался.

— Развлекаешься? — глядя на робота, спросил я.

— Угу, — ответил он и добавил: — Может...

— Нет времени. Но в следующий раз обязательно. Обещаю. Послушай, антисинкер у тебя сохранился?

Мишка поскреб затылок.

— Та штуковина, что вы использовали при высадке на Центавр, Миша?

Он не слишком уверенно кивнул. Видимо, окончательному формированию мысли мешали алкогольные пары.

Но мне снова улыбнулась удача, так как Мишка, некоторое время подумав, все-таки пошел за предметом, необходимым мне сейчас больше, чем ему стакан антипохмелина.

О том, где он его хранил, можно было только догадываться. Несмотря на то, что у Мишки домобот был только второго поколения, функция обнаружения пыли у него присутствовала. А тут Михаил вынес предмет, покрытый многодневным слоем пыли, — широкий ошейник, от которого шла сеть проводов, образуя эдакий каркас шлема десантника.

Хозяюшка, почуяв пыль, тотчас ринулась к антисинкеру, но была схвачена огромной Мишкиной пятерней.

— Даже не думай, — угрожающе сказал он.

Я немедленно надел антисинкер. Щелкнул кнопку на ошейнике. В голове зашумело, будто я только что глотнул центаврианского грумма.

— Работает! — воскликнул я.

Мишка глядел на меня, как на идиота.

— С меня причитается! — улыбнулся я.

— Да ладно, ты только это, слышь, не потеряй, — хлопая глазами, грозно предупредил он. А я, пожав его ладонь, пулей вылетел из его квартиры.

Ленка меня порадовала: Тайтвадзе находился дома. И спустя считанные мгновения мой аэрокар на полных скоростях летел по ночному городу...

Когда от встречи с Тайтвадзе меня отделяла только серая пластиковая дверь, я снова поглядел на часы. Оставалось пятнадцать минут, а хозяин квартиры не спешил впускать гостя.

Прошло три минуты двадцать секунд, прежде чем преграда, препятствующая осуществлению моего плана, наконец-то отъехала. И передо мной явился Гриша во всей своей красе: белый халат, перепачканный черт знает чем, воспаленные глаза, не покидающая губ сигарета. И, конечно, нескрываемое удивление на бледном лице.

Хотя кто бы не удивился такому гостю?

Пиджак на голом теле был расстегнут, на груди алели размазанные пятна крови, а голову окутывала невиданная фиговина. Не хватало только таблички «Сбежал из психушки».

Я шагнул через порог, а Гриша, храня молчание, отшатнулся от меня, как от прокаженного.

— Что-то с проектом? — сдавленно спросил он.

Я быстро кивнул:

— С тобой на связь еще не выходили?

Гриша вытаращил глаза:

— Кто? — с испугом поинтересовался он.

— Они самые, — я ткнул пальцем в грудь. — Ну, так и будем стоять, как два истукана, или что-нибудь предпримем?

Тайтвадзе, судя по всему, окаменел.

— А...

— Долго рассказывать. У меня всего десять минут в запасе.

— А потом?

— Суп с котом, — сквозь зубы процедил я. — Один вопрос: образцы проекта, из-за которого тебя поперли из Питерской лаборатории, сохранились?

Гриша указал на вход в гостиную. Робко шагнул.

— А в чем все-таки...

— Какой же ты... Ищи, ищи! — прикрикнул я, заставив Гришу исчезнуть за дверью лаборатории, в которой тут же что-то гроыхнуло и разбилось. Затем послышались всплески.

Вздыхнув, я бухнулся на диван — самый обычный, на ножках, без всяких прибабасов, вроде массажера или нагревателя.

— Боже, ну помоги ты мне еще раз, — прошептал я...

Господи помог. Через некоторое время Гриша вынырнул из лаборатории, сжимая правой ладонь самый большой шприц, какой я видел в жизни.

— Сколько их там?

— Ну-у...

Гриша нахмурил брови.

— Хватит, чтобы уничтожить всех нанотехов во мне?

— Да, — взгрустнул Тайтвадзе и тоскливо поглядел на шприц, где, насколько я понимал, находилась огромная армия, заряженная на уничтожение обычных нанотехов.

— Новых сделаешь, — подбодрил его я. — Лично профинансирую. Вводи всех!

И он ввел. Потом сел рядом со мной.

— Как это случилось? — покручивая кончик пышного черного уса и бездумно смотря в пол, спросил он.

— Ты меня спрашиваешь? — удивился я. — Не забывай: я менеджер, финансист, а не лабораторная крыса. Однако наши нейронанотехи сыграли тут не последнюю роль. Но о том, что произошло — никому. Ты понял — никому! Пока все не прояснится.

— А как же другие?

— Не факт, что у каждого в теле развилась наноидская цивилизация.

Опытный курильщик поперхнулся дымом.

— Представляешь, они назвали государство в честь моего отца, угрожали мне, запретили курить... И еще у них есть аэродромы.

Гриша молчал, а я следил за циферкой на часах, томительно ожидая истечения срока. Шла последняя минута. Палец застыл на кнопке антисинкера.

— Но...

– Тише. Время истекло.

Отключив антисинкер, я внимательно прислушался и...

Услышал знакомый голос в голове. Голос, который я ненавидел больше, чем всех этих бюрократов из инспекции. Голос ликующего народа аквитской цивилизации. Голос, радостно сообщивший мне, что теперь у них есть армия.

Я зажмурился. Почувствовал, как боль поражения скатилась куда-то вниз, на мгновение пригвоздив меня к дивану.

Как же я сразу не догадался! Они только на это и рассчитывали. Спланировали все заранее. Провели, как...

– Сволочи, интриганы, ублюдки, – колошматя себя в грудь, закричал я.

Затем выхватил у перепуганного насмерть Гриши сигарету и затянулся, насколько смог.

– Вот вам! Получите!

– Евгений Константинович, успокойтесь, ну, успокойтесь, – поглаживая меня по плечу, дрожащим голосом повторял Гриша. – Что-нибудь придумаем.

Я уткнулся лицом в ладони, вдыхая дым от сигареты, зажатой между пальцами. На ум лезли только черные мысли. Весь мир вдруг провалился в тартарары, и поэтому я не сразу заметил, что Гриша затих.

Я повернулся в сторону Тайтвэдзе: у него дрожали губы, а взгляд... Это был страшный взгляд. Абсолютно остекленелый взгляд наркомана под кайфом. Гриша едва заметно пошевелил губами:

– Только что государство Ко объявило войну всем нанотехам моего тела.

АНДРЕЯНОВА А.В.

Составила военно-педагогический курс для солдат (Кронштадт, 1879).

Венгеров. Источ.

АНДРИАНОВА-РЯДНОВА Нина Александровна (1878 – 1966), автор воспоминаний.

Скрипачка, певица, преподаватель Тифлисской консерватории. «С.В.Рахманинов в Грузии». – В кн.: Воспоминания о Рахманинове. 4-е изд., доп. М., 1974. Т. 2. С.173-178.

ИДРДВ. Т.4. Ч.3. № 7242.

АНДРИЕВИЧ Маргарита.

“Леся”, драм. пов. в 3-х д.

АНДРИЕВСКАЯ Агафья Александровна (псевд. Гапка Ищенко), поэтесса.

Масанов.

АНДРИЕВСКАЯ В.

“Записки куклы: (Рассказ для маленьких девочек)”. М., 1918.

АНДРИЕВСКАЯ Мария Васильевна (псевд.: Васильев, М.; Маран и др.), поэтесса.

Печаталась в изд. 20-х годов: “Кр. перец”, “Крокотил”, “Раб. Газ.”, “Веч. Москва”, “Лапоть”, “Рабоч. Москва”, “Заноза”. М.б. она авт.: “Басни” Л.-М., 1926. Вып. 1-2; “Любопытные” Л., 1927; “Математик-хватик”. М.-Л., 1926; “Невероятно, но факт”; “Гармоника”, рассказы.

Масанов; Тарасенков; Старцев.

АНДРО Анна Алексеевна.

(См. Оленина А.А.).

АНДРОВСКАЯ (наст. фам. Шульц) Ольга Николаевна (1898 – 1975), авт. воспоминаний.

Актриса Московского худож. театра. Воспоминания о Л.В.Собинове – В кн. «Л.В.Собинов». М., 1970. Т.2. С.178-181 (воспоминания детства); также см. «Воспоминания о Л.В.Собинове». Ярославль, 1985. О ней: Пожарская М. О.Н.Андровская. М.-Л., 1951 (портр).

ИДРДВ. Т.4,5. Ук. им.

АНДРОНИКОВА Т.

Была редактором-издательницей газеты “Костромской листок” (1899).

АНДРОНИКОВА Екатерина Васильевна (псевд. Катя Чумичка, Катя Комарова; 1889 – 1932), поэтесса.

Дочь швеи, пережила тяжелое детство. Самостоятельно осваивала грамоту. Работала в швейной мастерской. Участвовала в рев. движении в Екатеринбурге. Переехав в Пермь, работала в нелегальной типографии. Стихи А. печатались в различ. газетах, начиная с 1908 г. После оконч. гражданской войны была на культурной и литературной работе. Сотр. в газ. “Уральский рабочий”.

Ур. сов. энцикл.; Шмаков (у него г.р. 1882).

АНДРОНОВА Александра Васильевна, авт. воспоминаний.

Сестра поэта А.В.Кольцова. “Из воспоминаний”. – В кн. Современники о Кольцове. Воронеж, 1959. С.163-164.

ИДРДВ. Т.2. Ч.2. № 3252.

(Продолжение на стр. 85)

«Сапожник» для Ватикана

Больше чем уверена – никто, как и я, никогда не задумывался над смыслом, воплощённым в цветах флага, что полощется над правительственными зданиями, мимо которых тысячи тюменцев проходят и проезжают каждый день, как и над тем, кто придумал его именно таким. Автором идеи полотнища флага Тюменской области оказался Борис Анатольевич Троегубов.

Мы родом из прошлого

Он живёт на тихой, почти деревенской улице Ершова в самом центре провинциального Ишима в маленьком частном домике. Вместо комнат – мини-выставочный зал: куклы, скульптуры, картины... На одной из стен на меня нацелилась в охотничьем азарте стая гончих, на другой – разудалые, хмельные от внезапно свалившейся на них удачи братья из «Конька-Горбунка» вели под уздцы чудо-коней...

В разговоре выясняется, что мы с Борисом Анатольевичем земляки – свердловчане. Его деду, екатеринбургскому ювелиру Савве Юстиновичу Троегубову, принадлежал каменный дом в центре города. Фотография 16-го года, где семья в полном составе, да единственное колечко с клеймом ювелира – вот и всё, что осталось от фамилии, которой до революции, по слухам, принадлежали даже золотоносные рудники. Отчий дом поделили на 13 квартир, а бывшим хозяевам досталась лишь одна комната, где и рос Борис Анатольевич. Его воспитывала тётка – родители умерли, когда он был совсем ребёнком.

Способности к рисованию проявились в детстве: гены. Учился в художественной школе, в художественном училище – там же, в Свердловске. А потом... «Занимался чёрт-те чем, но только не рисованием». – «Что так?» – спрашиваю я. – «В советское время трудно было. Это был замкнутый круг. Художники заканчивали институты и училища, но не могли заработать: их картины никто не покупал, потому что они нигде не могли их выставить. Вот и бросали этюдники в Верх-Исетский пруд, и спивались».

Бориса Анатольевича спасла семья. Вместе с женой Людмилой Геннадьевной они работали в свердловских театрах: он – художником, она – гримёром. О шестидесятых до сих пор говорят с восторгом: «Театр нам очень много дал. Не значит, что мы живём воспоминаниями, но если вспоминаем, то с удовольствием. Это была юность...»

В 68-м году они уехали в Ишим, откуда родом Людмила Геннадьевна. Борис Анатольевич работал художником-оформителем. Всё это время он практически не рисовал, разве что чуть-чуть, для себя: «Когда пишешь плакаты, пропадает охотка к рисованию».

Меня повторить трудно

Живописью и куклами Троегубовы стали заниматься в пору расцвета кооперации. Куклы притягивали и раньше – всё-таки театральные художники. К тому же сам Борис Анатольевич некоторое время работал в кукольном театре. Первое их

предприятие называлось «ЛЮБО» – по первым буквам их имён. Теперь на каждой кукле – личное клеймо: «Ишим. Троегубов».

Начали с того, что изучали глины: объездили все местные карьеры. Постепенно – литературы никакой! – методом проб и ошибок научились различать её сорта, разобрались, как обрабатывать. Первые обжиговые печи Борис Анатольевич тоже делал сам. Выработали и свой стиль: «Просто хочется именно так сделать. Не собираюсь никого повторять. И меня повторить трудно».

Тогда же, десять лет назад, он начал писать картины. Девяностые годы, наверное, станут началом золотого века для провинциальных, и не только, художников: появилась возможность не просто рисовать, но и представлять свои картины публике, продавать их.

– А магазин открыть не хотите? – наивно интересуется я.

– Магазин? Посторонние не могут продавать наши работы так, как мы. Идёт человек, смотрит на кукол, а я смотрю на него. Он же об этом не знает. А мне интересно, как люди выбирают, как реагируют на мои вещи. И потом, у меня и цены-то как таковой нет. Некоторые я поднимаю до максимума: или вещь мне дорога, или я не хочу её продавать. Но тот, кто хочет купить, тот купит. В С.Петербурге была выставка, финн присмотрел одну куклу. Ходил кругами, так и не взял. На следующий день прибежал с утра, говорит: «Я вчера не купил. Боялся, что сегодня уже не будет». Эта фигурка первая уехала в Финляндию.

Теперь они сбились со счёта, в скольких странах «прописались» их куклы. Даже в Америке. А одна из скульптур – «Сапожник» – стоит где-то в резиденции папы Римского в Ватикане.

Флаги над городом

Когда администрация Тюменской области объявила конкурс на разработку своей символики, Борис Анатольевич загорелся сразу. Вариантов флага у него было около ста. Остановился на одном: красный треугольник и три полосы – белая, зелёная и голубая. Красный цвет в современной интерпретации – это газовый факел, а в историческом ракурсе – казацкие флаги времён освоения Сибири; белый – неосвоенные богатства края, чистота его снегов; голубой – водные богатства; зелёный – лесные. Каждый цвет не однозначен. К примеру, зелёный – ещё и цвет мусульман, которых много живет в Тюменской области.

В окончательном варианте по решению областной Думы на полотнище флага появились три короны, перенесённые с герба области, разработанного тобольским художником: символ трёх окрестков.

Что, если бы в самом захудалом городишке Америки жил автор флага штата? Я думаю, он стал

бы знаменитостью и национальной гордостью – его имя знал бы каждый школьник не только этого городка. О том, кто автор флага области, равной по территории трём Франциям, не знают даже в Ишиме. Да и область, прямо скажем, не слишком-то «разбежалась» поощрить людей, разработавших его символику: диплом и полтора миллиона неденоминированных рублей (полторы тысячи) получил Борис Анатольевич Троегубов. Ходили слухи, что победителей награждают машинами, да видно, не судьба.

Власть вообще не очень-то любит замечать выдающихся своих земляков, особенно если им нужна помощь. Ишимские мастера несколько лет не могут добиться, чтобы к их дому провели газ – сделали отводку с соседней улицы. Мастерскую приходится топить дровами! Обжиговые печи потребляют много электричества, а льгот никаких. О Троегубовых вспоминают, когда нужны сувениры для высоких гостей.

Нет, Борис Анатольевич не жалуется. Просто констатирует факт: «Сколько по области таких мастеров, которые, действительно, работают, и не только на себя? Очень тяжёлая работа. Если бы было доступно и просто, то этим занимались бы многие».

Человек, который ставит памятники

На привокзальной площади Ишима в глубине сквера, ещё не покрывшегося зелёным пушком, мрачно высится чёрная фигура вождя мирового пролетариата, вздымающего свою тяжёлую длань в синее весеннее небо. Стоит над городом и давно уже не вызывает благоговейного трепета у занятых своими делами горожан, равнодушно проезжающих мимо. Новое время – новые герои.

Хотя в Ишиме-то как раз – герои старые. В том смысле, что именно в этом городе, как, наверное, больше нигде на юге Тюменской области, развит культ не личности, но Истории. Не удивительно, что и памятники здесь ставят людям, – когда реальным, а когда и вымышленным, – чья роль в истории никогда не будет оспорена.

Автор этих памятников – художник и скульптор Б.А. Троегубов.

Памятники Борис Анатольевич начал делать в конце девяностых. Как он сам говорит, копилось, копилось в душе, да и выплеснулось. В молодости некогда было заниматься такими «глупостями». Да и социализм больше тяготел к тяжёлой монументальной скульптуре, вроде того Ленина, что стоит в одиночестве у вокзала. А Борису Анатольевичу больше по душе малые формы, далёкие от социалистического реализма. Стиль свой он определяет как романтический гротесковый натурализм. Что это такое – на пальцах не объяснишь, надо увидеть.

Начиналось всё с памятника «Основателям Коркиной слободы», то бишь казака и крестьянина, вставших в скверике у Ишимского краеведческого музея. Первоначально планировалась целая скульптурная композиция: в центре, словно на крыше острога, казак-служака, представитель власти: грудь колесом – знает себе цену; рядом крестьянин-хитрован, знай себе в усы посмеивается. Он лепил их своими руками во дворе собственного дома: глаза, улыбки, руки, каждую складочку одежды – всё вручную.

А вокруг, предполагалось, будут скульптурные группы, иллюстрирующие повседневную жизнь: дети, женщины, мужчины. Жаль, не поставили памятник там, где автором было задумано...

Борис Анатольевич, как и его крестьянин, тоже хитрый. «Из чего, – спрашиваю, – памятники?» – «Ну вот, – смеётся, – расскажи вам технологию, вы на плёнку запишете, а потом конкуренты прочтут».

«Основателей...» Троегубову заказала городская администрация к 215-летию города, а потому и принимать памятник приходила комиссия, да ещё и не одна.

– Когда пришла очередная, один из чиновников упал перед скульптурами на колени; причём не паясничал, не эпатировал, – он думал, что его никто не видит. А потом сказал: «Я противник того, чтобы деньги на ветер выбрасывать, но такие вещи надо ставить. За это я буду биться».

Казак и крестьянин долго стояли на голом асфальте. Изредка по ночам к ним пробирались супруги Троегубовы с ведром и тряпкой: у ком-

мунальчиков помыть фигуры руки не доходили. А в прошлом году вокруг памятника разбили газон, так что теперь родоначальники Ишима вроде как в чистом поле стоят.

Одновременно с казаком и крестьянином Борис Анатольевич сделал памятник Странника. Просто так сделал, по собственному желанию. Стоит старик, опираясь на посох, и с улыбкой взирает на городскую суету. Два года стоял во дворе, укутанный с головы до ног, укрытый от непогоды. «Возьмите его просто так! – предлагал Троегубов отцам города, – пусть он людям взор радует». Странник для Бориса Анатольевича – символ сибирского здоровья: стоит босиком в холод, в дождь, в слякоть.

– Через него, – говорит скульптор, – вся земная энергия идёт!

Место страннику определили у центрального рынка. Сколько с ним курьёзов было – не сосчитать: то в сумерках машина остановится и водитель дорогу спрашивает, то подвыпивший прохожий идёт напролом – в надежде, что старичок с посохом в руках дорожку уступит.

Когда в 1999 году подошло время юбилея А.С. Пушкина, у Бориса Анатольевича, по его словам, «всё внутри закипело». Он даже представить себе не мог, как можно было обойти молчанием такое событие! В результате Ишим стал единственным городом в стране, где к 200-летию поэта поставили памятник. И не Пушкину одному, а вместе с Петром Ершовым, с которым, убеждён скульптор, встречался великий поэт. Именно после этой встречи Пушкин якобы сказал: «Больше мне сказок не

писать!» Вот и поставил скульптор их вместе: мас-титого поэта и начинающего. Восторженный Ершов читает свои стихи, а Пушкин сидит, нога на ногу, а на лице у него и настороженность, и восхищение, и разочарование – всё вместе.

Ишим навсегда связан с именем Петра Ершова и его знаменитой сказкой о Коньке-Горбунке. Да и сам Троегубов волею судьбы живёт на улице Ершова. Так что обойти его творчество никак не мог. Два года назад, впервые побывав в гостях у скульптора, я имела возможность увидеть эскизы и предварительные наброски новой работы – памятника Иванушке и Коньку-Горбунку. А уже спустя месяц он занял своё место на городской улице недалеко от вокзала.

– С какой стороны на Иванушку ни посмотришь – он дурачок. И только с одной точки – красивый и умный. Может, царевна его с этой точки и увидела? Потому и полюбила.

Может и так, только мне, к примеру, Иванушка со всех сторон нравится: очень даже милый и симпатичный.

Дай Троегубову волю, он своими памятниками весь город заполонит. «Мы, – говорит, – в Ишине все углы посмотрели, где кого можно поставить. Я же сказку вижу, все её герои у меня в голове. Вот кобылица носит Ивана по полям; появляется то тут, то там. Я вижу эти точки! Знаю, где она на дыбы встала, чтобы сбросить седока, а где уже смирилась...»

Планов-то много, позволит ли здоровье – всё-таки годы уже не те. И сам болеть стал, и верная помощница Людмила Геннадьевна.

– Условий нет. Работаем во дворе – повернуться негде. А сквозняки! Не поверите, я летом в зимней шапке работаю. Когда делал Пушкина с Ершовым, сломал ребро: арматура «сыграла». Плакаться – неохота, попрошайничать – противно. Но мне же не для себя!

Недоброжелателей у Троегубовых хватает. Одни, измеряя фигуры верёвочками, обвиняют автора в несоблюдении пропорций, в излишнем натурализме, в недостатке исторической правды.

– Задача художника, – говорит Борис Анатольевич, – передать впечатление, образ. Если зритель его увидел, значит, задача выполнена, даже если зритель всего один.

А Людмила Геннадьевна показывает мне аккуратно сложенный, потёртый уже листочек из школьной тетрадки – подмётное письмо с нелестными отзывами о памятнике Пушкину и авторе.

Есть такие, кто лихорадочно прикидывает в уме заработки скульптора.

– Деньги платят смешные! Особенно, если учесть, что мы работаем вдвоём – и за сварщика, и за бетономешалку, и за чернорабочих, и за скульптора. «Конька-Горбунка» два месяца делали, тридцать тысяч получили. За казака и крестьянина – шесть тысяч, только и хватило, что Люсе на шубу.

– А для чего тогда, – спрашиваю, – вам это надо?!

– Хочется! Вот вам же хочется писать?

Сколько людей, столько и мнений. Кому-то творчество Троегубова нравится, кому-то – нет. Самых великих художников и скульпторов, как правило, признавали лишь после смерти. Борис Анатольевич гениальным себя не мнит и умирать пока не собирается. Всё, чего он хочет – это вернуть в родной город сказку, сделать его чуточку добрей, чуточку веселей и, может быть, чуточку счастьей.

А вообще он уверен, что Бог лепит каждого из нас. Принесёт ему архангел сырую заготовку, он нос подправит, подбородок сгладит – и в мир: живи, человек!

Кстати

Есть в городе Осло уникальный парк, созданный скульптором Густавом Вигеландом, – своеобразный музей, открытый всем ветрам, дождям и солнцу. Три десятилетия творил скульптор этот ансамбль, изваяв шестьсот пятьдесят фигур. В 1921 году он заключил контракт с муниципалитетом Осло на предмет того, что его работы будут принадлежать городу в обмен на дом и прекрасную мастерскую. Большого от жизни Вигеланд не желал...

Александр Каменецкий родился в городе Томске, в настоящее время живет в Новоуральске. Музыкант, барабанщик.

В разное время сотрудничал с группами «Отражение», «Джон Глюк и ВВС-бэнд», «Чадо», «Париж», «Радио». Автор некоторых песен этих групп. Публиковался в городских и областных газетах, в различных сборниках. Победитель II открытого городского литературного конкурса «Тагильская находка» в 2001 году. Автор сборника стихов «По барабану».

Сколько длится агония –
Агония дня?
Судороги машин,
Насилующих дороги.
Встречные взгляды мужчин,
Оценивающих ноги,
Женщины возле меня.
Агония дня.
Миллионы мозгов,
Рублёвых мыслей.
Миллионы рублей.
Мы уже далеко.
Слишком медленно выросли.
А были умней.

Агония дня завершается,
Агонией вечера.
Украшается
телевизором
И расцвеченным
Облаком ночи.
Беспричинно мизерны
Наши тела.
Добрый вечер.
Как твои дела?
Очень.
...Сколько продлится агония ночи?

ДОЖДЬ

Ночь.
Тишина.
Бесконечно темно.
Невидимый дождь
что-то шепчет в окно.
Из прошлого в будущее
летят
Маленькие
капли дождя.

Соединяя Землю
и Небо,
Твой силуэт размывая

в небыль,
Острые,
чёрные капли воды
Глушат дыхание,
жесты,
следы.

Ветер исчез.
Он лежит на земле,
Как на большом
абсолютном нуле
Прижатый холодным,
тяжёлым дождём.
Дождь будет ночью.
Утром.
И днём.

Я дверь открыл,
и тут же коридор
Шагнул с прихожей вместе мне навстречу,
И вешалка, придвинувшись в упор,
Мой плащик приняла себе на плечи.

Вот кухня подошла к моим рукам,
Плита достала подогретый ужин,
И с полки в руку соскочил стакан...
Приятно знать, что ты кому-то нужен.

Уютный, хоть и старый, унитаз
Свою работу выполнил привычно.
И сигарета с рюмочкой на час
Заставили задуматься о личном...

Потом, ласкаясь, подползла кровать,
В неё с размаху бросилась подушка.
И одеяло не пришлось мне звать –
Слетело и объяло до макушки.

Вздыхнул и смолк за дверью коридор...
И я уже сквозь сон как будто слышу –
Тихонько по стене прополз ковёр,
И съехала назойливая крыша.

В стенах гудит электричество.
Я умею его использовать.
Я даю ему выход практически,
И оно, благодарное, ползает
По транзисторам и конденсаторам,
По горячим диодам, бедное,
Кружится в трансформаторах,
Гложет сечение медное...

Я твоё повторяю имя...
И звучит оно, словно ты рядом.
Я твоё повторяю имя,
И чувствую, как ты мне рада.
Я твоё повторяю имя,
И мне кажется, ты меня видишь.
На нетронутый солнцем иней
Ты ко мне из подъезда выйдешь...

Я твоё повторяю имя –
Заклинанье от близкой смерти.
Счастье – видеть тебя любимой
В этой дьявольской круговерти.
Вечер холодный и синий
Вновь нас гонит под крыши...
Я твоё повторяю имя,
И мне кажется, ты меня слышишь...

Твою нотку, каждую букву
Я пою, наслаждаясь песней..
Пока мы нужны друг другу,
Этот мир не исчезнет.

Полночь пестует вьюгу.
Душа не боится болезней.
Пока мы нужны друг другу,
Этот мир не исчезнет.

День – грош нищему в руку.
Солнце – как чуда вестник..
Пока мы нужны друг другу –
Этот мир не исчезнет...

Он восхищается каждым движеньем,
Влюблённый в неё, как в своё отраженье,
Компьютер железный, но с пламенным сердцем,
К ней тянется каждым своим килогерцем.

И может быть, завтра он ей вместо прозы,
Чуть слышно вздохнув, напечатает розы...

Жёлтый череп Луны,
Над Землею кружась,
Наблюдает глазами мёртвых морей
За исходом войны
Под горячечный джаз
Электрических импульсов и дизелей.

Безысходность тоски
Наполняет бокал,
Выпиваемый вечером сохнувшим ртом.
Но кровавит виски
Мёртвый лунный оскал.
Для романтики паузы – слух о святом.

Атмосфера идей.
Гул брожения снов.
Биомасса железобетонных миров.
Цель – прожить новый день,
Не сгорев под Луной,
Не разрушив привычной легенды из слов.

Свет кипящей волны
Сладко стонет, ложась
На прибрежный песок, приглашая к игре..
Жёлтый череп Луны,
Над Землею кружась,
Наблюдает глазами мёртвых морей..

Шар вращает сутки прочь.
День – ночь.
День – ночь.
В небе солнечный маяк.
Свет – мрак.
Свет – мрак.
Мир спешит на эшафот.
Тик – так.
Час – год.
Трудно разобрать ответ.
Да – нет.
Да – нет.

Глянет утро из-за стен.
Ночь – день.
Ночь – день.
Как затяжки сигарет –
Мрак – свет.
Мрак – свет.
Время делится на нас,
Тик – так.
Век – час.
Но по-прежнему в ответ –
Да – нет.
Да – нет.

У природы утром были роды –
Родилась весна, на мир дивясь.
Отошедшие при ранних родах воды
Смыли человечество, как грязь...

Вновь чиста безгрешная планета,
Тишь да гладь, да божья благодать!
Вновь лежит под звёздами – раздета, –
Снова Слово ждёт природа-мать...

«Шешнадцать столовых ножей...»

В середине 1960-х годов, будучи студентом музыкально-педагогического факультета Свердловского пединститута, я каждое лето работал (в семье нужны были деньги) в разных пионерских лагерях – баянистом, вожатым старших отрядов, фотографом. Потом «дослужился» и до начальника пионерлагеря.

Много разных песен пели мы с детьми под баян. Каких песен? Пионерских? Не только. Не очень-то на них и тогда откликались дети. К счастью, у меня сохранилась записная книжка тех самых 1960-х, в которой мною и разными детскими почерками, карандашом или перьевыми ручками – 40 лет тому назад! – с множеством орфографических и синтаксическими ошибок вписаны тексты почти ста (!) песен.

В подавляющем большинстве мы не знали, кто были авторы музыки и слов нашего «пионерско-лагерного» фольклора того времени, да нас это и не интересовало. Ни нот, ни слов этих песен, конечно же, нельзя было найти ни в одном песеннике, которых тогда издавалось немало. И, как истинный фольклор, они передавались изустно. Главное – нам было интересно петь: девчонки рассаживались вокруг баяниста, который подбирал музыку на слух (парней было меньше, но и они потом проявляли интерес), и все задорно пели, получая от этого удовольствие, или «балдели», говоря языком сегодняшних подростков. Как потом оказалось, многое принадлежало жанру «авторской песни».

И была песня:
Если друг оказался вдруг
И не друг, и не враг, а так...

Или:
Клёны выкрасили город
Колдовским каким-то цветом,
Значит, скоро, значит, скоро
Бабье лето, бабье лето...

Только много позже я узнал, что пели мы, не зная того, песни Владимира Высоцкого (вторая, его же – на стихи Игоря Кохановского). А было ещё одно «Бабье лето», с другими словами, тоже в вальсовом размере. Авторов музыки и текста его я до сих пор не знаю. Кажется, песню пела Клавдия Шульженко:

*Отшумело, отзвенело бабье лето,
Паутинкою обвесив листья веток.
А сегодня журавлей снялася стая,
И кричат они надрывно, улетая.*

*А над морем опустился вечер синий,
Сколько раз с тобой ругались без причины,
Уходил к другой девчонке то и дело,
Я, тая в глазах слезинку, всё терпела.*

*А над морем ветер гонит злые тучи.
Ты ушёл к другой – она, наверно, лучше.
Так зачем, ее лаская под рябиной,
Ты грустишь при виде стаи журавлиной?*

*Отшумело, отзвенело бабье лето,
Паутинкою, обвесив листья веток.
И я верю, что с тобою до рассвета
Провожать мы будем вместе бабье лето.*

Любовная тематика в «пионерском» репертуаре, конечно же, преобладала. От первого до двенадцатого отрядов! Уже тогда, в 60-е, сознательно или подсознательно дети и взрослые уходили от песенной музыкально-текстовой идеологической шелухи.

Звучали у нас чудные лирические (чаще – минорные) песни, как позднее выяснилось – каэспэшные (от КСП – клуб самодетельной песни), о которых мы тоже, в общем-то, ничего не знали. Да и откуда было знать? Дети и взрослые с удовольствием пели: «Люди идут по свету» – Виктора Сидорова и Розы Ченборисовой; «А я еду за туманом...» – Юрия Кукина; «Фантастика-романтика» и

«Рыба-кит» – обе Юлия Кима; «Над Канадой, над Канадой...» – Александра Городницкого. Про авторов этих песен я узнал потом. А вот другие мне и сегодня неизвестны.

1. Трое тринадцать суток в пути, –
Горный маршрут далёк.
Двое сказали: «Надо идти».
Третий – на землю лёг.
2. Камнем раздроблена кость ноги, –
Двигаться нету сил.
«Слушайте, к чёрту закон тайги!
Бросьте меня», – просил.
3. Молча, палки связав ремнём,
Парню велели лечь.
Двое двигались ночью и днём,
Боль не снимая с плеч.
4. Люди неделю не пьют воды,
Кончен запас галет.
Людям, открывшим залежь руды,
Было по двадцать лет.

1. Я понимаю, что смешно
В глазах искать ответ,
В глазах, которым всё равно –
Я рядом или нет.

Припев: Глаза то лукаво блестят,
То смотрят сердито,
То тихонько грустят
О ком-то забытом.

2. И вот остались мы вдвоём,
И с нами нет девчат.
Во взгляде ласковом твоём
Я вижу не себя.

Припев.

3. Но я дождусь такого дня
И вера в то близка:
Ты жить не сможешь без меня,
Не сможешь... А пока...

Припев.

1. Девушка в платье из ситца, ситца
Каждую ночь мне снится, снится,
Не разрешает мама твоя,
Мне на тебе жениться.
2. Знаю, за что твоя мама, мама
Так меня ненавидит, – видит:
По телевизору каждый день
Она меня в джазе видит.
3. Был бы хотя б я слесарь, слесарь
Или просто сварщик, сварщик,
В крайнем случае – милиционер,
Но только не барабанщик.
4. Ветер осенний кружит, кружит,
Листья падают в лужи, в лужи,
Но не знаю я до сих пор:
Буду ль твоим я мужем?

5. Девушка в платье из ситца, ситца
Каждую ночь мне снится, снится...
Продам барабан, куплю саксофон,
Пусть моя тётца злится!

1. Трясётся готика
В огромном мире:
Девчонка в шортиках
Идёт по Риге.
Девчонка в шортиках,
В цветной рубашке, –
В глазах два чёртика,
В зубах – ромашки.

Припев: Пара-бру-ба-бру-па...

2. Кричат бабуся,
С убитым видом:
– Спаси, Иисусе!
Не девка – идол!
А ей нет горя,
Не скрыть улыбки,
Пропахли травами,
Ладошки-рыбки.

Припев.

3. Пропахли травами,
Не нафталином.
Два солнца вправлены
В глаза дивчины.
Трясётся готика
В огромном мире:
Девчонка в шортиках
Идёт по Риге.

Припев.

Пели и танцевали мы под популярнейшие тогда «Арабское танго» («О, светоч грёз моих...») и под «Албанское танго» с такими вот словами в нём:

1. Вдали погас последний луч заката,
И сразу тишина на землю пала.
Прости меня, но я не виновата,
Что я любить и ждать тебя устала.
2. Гляжу на потемневшую аллею,
И отчего так грустно – я не знаю.
Ведь о тебе я больше не жалею,
Ведь о тебе я больше не мечтаю.
3. Скорей бы позабыть о том, что было,
О том, как я страдала и любила,
Как я ждала, надеялась, мечтала
И каждый год весну одна встречала.
4. (Строчка в записной книжке, увы, стёрлась.)
Никто о наших встречах не узнает.
А за окном бушует злая вьюга,
Она, как зверь, смеётся и рыдает.
5. Ведь были же мы счастливы когда-то,
Любили мы, а разве это мало?
Пришёл другой, и я не виновата,
Что я любить и ждать тебя устала.

Кстати, много-много позднее, когда «Арабское танго» ушло из моды, советские издательства, наконец-то, разродились и опубликовали ноты, где был указан автор музыки: Дариз аль-Аташ.

У героев тех песен, конечно, были свои проблемы, но в них не было места ура-патриотизму, в песнях этих – бережное отношение к человеку, к его чувствам. Мы пели под баян, а не под гитару: «гитаристов» среди пионеров у нас тогда что-то не встречалось. Да и купить гитару в те времена было

очень непросто. Массово же песни под гитару запели позднее – в конце 1960-х – 1970-е годы.

География и мировые события того времени тоже отражались в нашем «песенном хозяйстве».

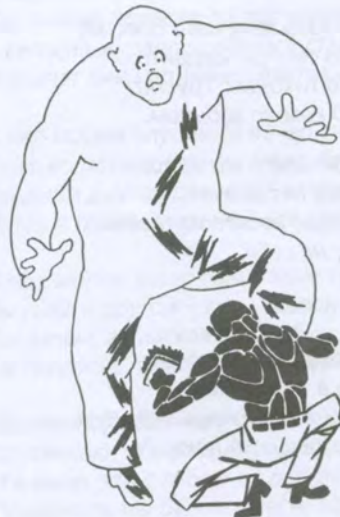
1. Жар пустыни щёки щиплет,
И песок забивает рот.
Напиши мне, мама, в Египет,
Как там Волга моя живёт...

3. Будет море, мы это знаем,
Будет небо в морской пыли,
И летят сюда вслед за нами
Наши русские журавли.

Позднее узнал я, что здесь музыка Яна Френкеля, а слова – Льва Ошанина, нашего песенного поэта-патриарха. Как же полюбился русской песенной поэзии образ русских журавлей!

А вот вам и классовые, и расовые проблемы, поднимаемые тогда нашими самодеятельными певцами:

1. На Бродвее шумном чистил негр ботинки,
И блестят у негра лишь белки у глаз.
Негр влюбился в ножки маленькой блондинки –
Машинистки Полли с фирмы «Джон Дуглас».
2. И в четыре ровно, выйдя из конторы,
Проходила Полли мимо каждый день,
И, лаская ножки маленькой блондинки,
Чистил негр ботинки, позабыв про лень.
3. Но однажды Полли вышла из конторы
Не в четыре ровно, а позднее на час,
А за нею чинно следовал мужчина –
Это был хозяин фирмы – Джон Дуглас.
4. Заблестели слёзы на глазах у негра, –
Улица в тумане будто поплыла:
Белые ботинки мистера Дугласа
Негр начистил чёрной ваксой, как смола.

5. Негра долго били, – он теперь в могиле,
 Не звучит для негра больше милый джаз...
 А неподалёку, в кладбище для белых,
 Сладко поживает мистер Джон Дуглас.

Пели мы впервые появившиеся тогда и заграничные, и советские песни в ритме твиста: «Королева красоты», «Селена», «Хали-гали», «Мамбо-рок», «Твист эгейн».

1. Давным-давно на диком Севере,
 Где человек сидел на дереве, –
 Под ним внизу толпа голодная,
 Стучала костью в барабан.

Припев: О-о-о, твист эгейн –
 Это танец белых людей!
 О-о-о, твист эгейн
 Танцуют все, кому не лень!

2. Все посиневшие от холода,
 Зубами щёлкая от голода,
 Под барабанный бой вращаются
 И напевают там:

Припев.

3. Там люди в шкурах извиваются
 И на одной ноге вращаются,
 И этот танец называется –
 Танец предков – танец твист.

Припев.

4. Купи, купи мне, мама, саксофон,
 Пускай играет и смеётся он,
 И издаёт протяжный свист,
 И все танцуют танец твист.

Припев.

Пели мы смешные, юмористические песни, сами «заводясь» от их сюжета и от «завода» слушателей:

1. Вспомни Мезозойскую культуру:
 У костра сидели мы с тобой,
 Ты мою разодранную шкуру
 Зашивала каменной иглой.

Припев: Есть захочешь – пойдёшь
 И в пещеру войдёшь,
 Хобот мамонта вместе сжуём.
 Наши зубы острые,
 Не погаснут костры –
 До утра просидим мы вдвоём.

2. Ты иглой орудовала рьяно,
 Не сводя с меня мохнатых век.
 Ты уже теперь не обезьяна,
 Но ещё совсем не человек

Припев.

3. Вспомни питекантропа Саида, –
 Как он у меня тебя отбил –
 Тем, что каждый вечер он к обеду
 Кости динозавра приносил.

Припев.

4. И теперь мне часто-часто снится
 Холодок базальтовой скалы,
 Тронутые ласковым загаром
 Ноги волосатые твои.

Припев.

А то ещё мы так хохмили – «На диване»:

1. А на дива... а на дива... а на диване
 А мы лежим, худешеньки,
 А у меня, а у меня, да и у Вани | 2 р.
 Да отнялися ноженьки.

2. А в животе, а в животе снуют пельмени,
 Да как шары бильярдные.
 А дайте нам, а дайте нам с Иваном денег – | 2 р.
 Мы будем благодарные.

3. А мы буты... а мы бутылочку по попе
Да шлёпнули б ладошкой.
А мы бы дры... а мы бы дрыгнули в галопе | 2 р.
Да исхудалой ножкою.
4. А уменьша... а сокращаемся в размере
Да от недоедания,
А жрут сосе... а жрут соседи-гулливеры | 2 р.
Да жирное питание.
5. А над дива... а над дива... а над диваном
Да тишина раздалася,
А у меня, а у меня, да и у Вани | 2 раза
Да жизнь оборвалася.
6. А нас давно, а нас давно уж нет в помине,
И плачут наши мамочки.
А на дива... а на дива... а на диване | 2 р.
Остались только ямочки.
7. А над кладби... а над кладбищем ветер свищет,
Кресты стоят прямёхоньки.
А нам уже, а нам уже не надо пищи | 2 р.
И мы лежим радёхоньки.

После фокстротных песен звучал у нас вот такой, с шарманочной мелодией, вальс «трагического» содержания. С повтором в каждом куплете двух последних строк.

1. А вот как была дела,
А дела была так:
Сказал ей Митька смело –
– Не рассчитывай, Машка, на брак!
2. – Раз такая дела,
Пуцай ему хужей! –
И в грудь себе вонзила
Шешнадцать столовых ножей.
3. Мотор колесы крутит,
Трясётся голова:
Маруська в институте,
Склим-фасов-скава.
4. На стол Маруську ложут
Шешнадцать красивых врачей,
И каждый один ножик
Вымает из ейных грудей.
5. – Вымайте, не вымайте –
Не быть мне с ним вместях!
Оставьте один ножик
На память об Митьке в грудях.

6. Маруську – в крематорий
И прямо в печь суют,
В тоске большой и в горе
Голубчик наш тут как тут.
7. – Я жизнь её запортил
И это знаю сам.
Отсыпьте, пожалуйста, в портфель | 2 р.
Мне пеплу четыреста грамм.

За вальсом снова шла ритмичная темповая озорная песня, которую пели пионерки, веселясь:

Хочу мужа, хочу мужа, хочу мужа я!
Принца, герцога, барона или короля!
А без мужа – злая стружа будет жизнь моя.
Хочу мужа, хочу мужа, хочу мужа я! (...).

1. В одной деревне течёт речка,
А через речку есть мосток.
А на мосту стоит овечка,
А у овечки есть хвосток.

2. Вот разлилась широко речка,
И унесла с собой мосток,
И унесла с собой овечку,
А с овечкой и хвосток.

3. Когда бы не было бы речки,
Когда бы не было мостка,
Тогда бы не было овечки,
Тогда бы не было хвостка.

4. Когда бы не было овечки,
Когда бы не было хвостка,
Тогда бы не было бы песни,
Тогда бы жизнь была пуста.

Едучи из пионерлагеря куда-нибудь на шефские сельхозработы (прополка овощей, их уборка) или обратно, мои пионеры, подпрыгивая вместе с баянистом в кузове грузовика и хохоча, пели цыганские песни.

1. Мы – цыгане, люди злые,
Носим кольца золотые.

Припев: Три доли, доли раз.
Три доли, доли два.
Три доли, доли три.
Шай-шай, шай-шай,
Тумба-ра-ра.
Шай-шай, шай-шай,
Тумба-ра-ра.

2. Ходит цыган по бульвару,
А цыганка – по базару.

Припев.

3. Мы, цыгане, любим грабёж, –
Что оставишь, то не найдёшь.

Припев.

4. У цыгана кудри выются,
У цыганки слёзы льются.

Припев.

5. Ходит цыган, трубку курит
А цыганка кур ворует.

Припев.

6. Мы, цыгане, люди бедны, –
Разменяйте деньги медны.

Припев.

7. Мне не нужен дом кирпичный,
Нужен цыган симпатичный.

Припев.

8. Ходит цыган, сено косит,
А цыганка денег просит.

Припев.

Вот какие «пионерские» песни напели мне девчонки. Наверное, во всех тех песнях можно найти немало погрешностей с точки зрения техники стихосложения, высокого вкуса, но их содержание, их мелодии – привлекали. Потому и слушали, потому их и пели дети и взрослые в пионерлагере, пели с удовольствием, заодно, под аккомпанемент баяна, в жилых корпусах и у костра.

Если кто-нибудь из дотошных читателей, из тех, кто сами когда-то пели нечто подобное, задумают уличить меня в том, что в приводимых мною текстах изменены какие-то слова, сюжетные повороты известного им «канонического» песенного текста – оправдываться не стану. Скажу только, что варианты вполне возможны, ибо всё, что здесь рассказано, что процитировано, – есть устное народное творчество. И этим творческим народом были 10-12-15-летние девчонки и мальчишки 1960-х, на слух воспринимавшие и так же передававшие – и в уши, и в души! – полюбившиеся им песни, очень и очень далекие от идеологически выверенного, цензурой многократно отфильтрованного, дистиллированного творчества профессиональных поэтов и композиторов.

Ах, если б откликнулись те девчонки, которым сегодня уже по пятьдесят лет и больше, да тоже рассказали бы, да спели снова те песни, да взгрустнули бы о прошлом...

ВЫДОХА НЕТ?..

Метод по удалению инородных предметов, попавших в дыхательные пути

Оказавшись в Сибири в период освоения целинных и залежных земель в 1954 г., однажды прочитал газетную информацию. Она, по моему мнению, достойна быть занесенной в книгу рекордов Гиннесса. В госпиталь Кургана из глубинки с полевого стана привезли повариху, которая проглотила ... вилку! Рентгеновский снимок четко зафиксировал этот предмет в желудке.

А случилось вот что. Чтобы проверить, сварилось ли мясное варево, повариха достала из котла «кусочек» и стала его жевать, потом наступил момент проглотить мясо, и в результате подавилась. Схватила вилку и ее черенком стала в горле проталкивать дальше. Вилку в руках не удержала, и она оказалась... в желудке.

Однако перейдем к прозе жизни, к более мелким предметам, угрожающим здоровью и жизни людей. Почему-то отечественная статистика избегает приводить данные о том, что многие люди частенько погибают от попавших в дыхательные пути предметов.

В первой половине июля 2003 года средства массовой информации проинформировали население России о том, что в прошлом году в автокатастрофах погибло 35000 человек, аналогичное число погибло и в 2005 г. (1 место в мире) и более 150000 были травмированы; пожары же уносят ежегодно не менее 20000 жизней. Страшные эти цифры свидетельствуют о беспечности людей – взрослых с богатым жизненным опытом и подрастающего молодого поколения.

В школах, прочих учебных заведениях страны молодые люди обучаются методике по проведению искусственного дыхания. Предлагаемую нами методику можно использовать в быту.

Тема о проникновении предметов в дыхательные пути требует особого внимания. При любой активной деятельности происходит усиление дыхательной функции, осуществляемой преимущественно через рот.

Многие пренебрегают некоторыми правилами личной безопасности, и часто можно видеть, когда спички, зубочистки, веточки, скрепки, иголки, гвозди, шпильки, жевательная резинка, конфеты и прочие предметы находятся у людей во рту. Невольно, сделав глубокий вдох, можно вдохнуть с порцией

воздуха мягкие или твердые предметы, ненадежные и раскачивающиеся зубные коронки и протезы.

По результатам американской статистики, в США ежедневно 20 человек оказываются в больнице из-за поврежденных различных органов тела безобидными спичками, обыкновенными зубочистками, известными в мире уже более 5000 лет.

В последнем номере журнала «Европеец» за 1996 г. сообщалось о том, что в США год минувший унес 2500 человеческих жизней в связи с попаданием в дыхательные пути посторонних предметов.

Более ранние публикации в немецких источниках свидетельствуют о том, что в Германии по этим же причинам погибает примерно 500 человек. Удручающая статистика. Большинство эпизодов заканчиваются трагически, прочие имеют иногда комичный оттенок, все дают повод для размышлений, напрашивается вывод о необходимости применения спасительных оживляющих методов, связанных с использованием приемов искусственного дыхания.

В детстве мама мне рассказывала об одном случае, произошедшем с ее шестилетней подругой. У себя дома она играла, прыгала, бегала, а в руках была английская булавка. Вечером родители хватились этой булавки, однако их дочь не смогла вразумительно ответить, куда же подевалась булавка. Возможно, испугалась, что ее накажут взрослые.

Проходит время. У девочки стали заметны искривления в осанке, называемые в медицине сколиозом, и отставание в развитии одной стороны грудной клетки. Медики, к которым обращались родители по поводу болезни девочки, не могли внятно ответить и лечили от легочных заболеваний. Искривления в осанке стали более заметными, и никакие ухищрения портных не могли скрыть дефект фигуры.

Однажды эта уже 17-летняя барышня споткнулась о порог, упала, ударившись грудью о пол. Из-за этого удара грудью и животом из дыхательных путей (из трахеи, надо полагать) выскочил ступок слизи. На ее вопли сбегались взрослые и обнаружили в слизи злосчастную английскую булавку, которую вдохнула в детстве девочка. Вот почему опас-

но держать во рту какие-либо предметы в момент физической активности и работы.

Нельзя не пройти мимо шуточек «на счастье», которые используют хлебосольные люди. Так, австралийская девушка лишилась дара речи на более чем десятилетие, хотя до этого обладала прекрасным голосом. Однажды она сильно чихнула. В результате такого активного «чиха» и у нее из гортани выскочила монетка, когда-то вложенная матерью в пельмень «на счастье». Все долгие годы монетка «счастья» находилась в голосовой щели. Теперь девушка вновь обрела дар речи!

В иных случаях с хорошим пережевыванием пищи можно сломать зуб или зубы, ошпарить компонентами «счастья» рот или задохнуться от порции перца, вложенного в пельмень. Поэтому помните о последствиях, которые ожидаются от «сюрпризов».

Примеры из области искусства. Певцы никогда не балуются семечками, т.к. застрявшие между зубов их остатки могут сорвать голос и испортить выступление. Спортсмены не должны пренебрегать этими вековыми и мудрыми правилами.

Из опыта студентов. При плавании в бассейне у одного из занимающихся выпала золотая коронка с зуба, которую ищут до сих пор на дне искатели сокровищ. Счастье, что она не застряла у пловца в органах дыхания.

В одном поединке профессионалов-хоккеистов на американском континенте произошел такой эпизод. Вратарь неожиданно упал, потеряв сознание. Спортсмен задохнулся жевательной резинкой, перекрывшей дыхательные пути.

Поэтому очень прискорбно видеть такую картину по телевидению, когда кумиры баскетбола из NBA или хоккея из НХЛ жуют жевательную резинку. В интервалах отдыха, пожалуйста, жуй, во время игры и иной физической активности – воздержись, чтобы не было повода юным подражателям поступать во вред своему здоровью.

Во время еды мы торопимся, плохо пережевываем пищу, разговариваем. В одном из стоковых ресторанов посетитель подавился куском бифштекса. Была вызвана «скорая помощь», врачи на месте не смогли ничего сделать. Мужчину повезли в госпиталь, он стал задыхаться, и санитары были уверены, что не смогут его спасти. Машина с красным крестом, столкнувшись с другим автомобилем, по-

падает в аварию. Когда медики пришли в себя, то увидели своего пациента живым и здоровым: от сотрясения горло освободилось – пациент в суете был не привязанным, свалился с носилок и ударился грудью о пол машины.

Счастливые стечение обстоятельств, как и в примере с английской булавкой.

Рекомендую родителям: никогда не кормить ребенка насильно, т.к. такое радение может привести к нежелательным последствиям. Ребенок протестует всеми дозволенными для себя методами: кричит, тем самым выдыхая воздух из легких, вращает головой, размахивает руками и ногами. Все это раздражает родителей, но совет прост: вспомните себя ребенком и свое отношение к новому виду деятельности (помыть руки, сесть к столу сразу же после интересной игры). Дело родителей – вывести своего дитя из прежнего настроения, психологического состояния и тогда приступать к кормлению. Будьте внимательны к чаду своему. Может случиться такое – в момент крика у ребенка произошел активный выдох и здесь, как всегда некстати, ложечка с кашей у рта, и в момент вдоха вся порция облепляет дыхательные пути, минуя желудок. Вот и наступает трагедия для жизни.

Всегда бывает прискорбно, когда по неосторожности во время приема пищи возникают непредвиденные ситуации – попадание пищевых компонентов в дыхательные пути. Сколько талантливых детей, еще не проявивших себя, теряется. Если в такие ситуации попадает известный государственный деятель, то здесь происходит детальный разбор такого эпизода.

Вот пример. Для многих из нас еще жива промелькнувшая перед глазами информация. В январе 2002 г. в Белом доме в своих апартаментах находился Президент США Джордж Буш-младший, при этом присутствовала любимая собачка семьи. Президент, сидя на диване, что-то читая, смотрел телевизионную программу, жевал чипсы. Случайно ими поперхнулся, но сумел с дивана приподняться, и, ударившись о пол грудью, затем лицом (на снимке, опубликованном в Интернете, хорошо просматривается ссадина на виске), тем самым помог резким ударом освободить дыхательные пути от попавшей пищи. Счастливые стечение всех случайностей произошло!

Поиск и восстановление кладов

«Искатели»

Приглашает всех желающих принять участие в совместных поездках в окрестностях г. Екатеринбурга, Свердловской области и поучаствовать в поисках с помощью металлоискателя. Возможен прокат металлоискателей. Консультации наших специалистов для начинающих. Выезды происходят каждую неделю.

Шоппинг - Магазины «Искатели»

- ✓ Продаем металлоискатели для поиска кладов, самородков, метеоритов, цветных металлов.
- ✓ Стоимостью от 4000 руб. и до 50 000 руб. для начинающих и профессионалов
- ✓ Приборы производства Россия и США.
- ✓ Гарантия на все приборы 1 год.
- ✓ В наличие и под заказ (доставка 1-2 недели).
- ✓ Прокат металлоискателей не менее 2 суток.
- ✓ Цена 1 дня 5% от стоимости прибора.

Часы работы: пн.-пт. с 10-00 до 18-00, обед с 13-00 до 14-00 сб., вс. - выходной

ул. Попова 25, офис 4 (вход через магазин "Камень") тел.: 8-922-211-19-16, 219-70-69 iskatelli@list.ru

Подробнее на сайте www.iskatelli.ru

Из данной ситуации можно сделать некоторые предположения:

а) президент страны был в одиночестве, не считая собаки;

б) принимал сухую пищу не за столом, а на ходу, не заливая жидкостью;

в) президентская охрана плохо выполняла свои обязанности, и, насколько нам стало известно, контролирующая его перемещения в помещении аппаратура не уследила за кризисной ситуацией для хозяина Белого дома!

Приведенные положительные примеры дают повод для определенного вывода и предложить эффективный метод искусственного дыхания при оживлении человека.

Объединяющее их прослеживается, а именно: требуется акцентированное воздействие на дыхательную систему, чтобы инородные предметы из нее выходили.

Можно ли разработать эффективный метод искусственного дыхания? Ответ напрашивается утвердительный, и если покопаться в источниках, то на заре XX столетия метод оживления человека использовался, и о нем вспомнили в США и Германии в 80-е годы.

Моряки на ограниченной площади в шлюпке достаточно эффективно его применяли уже в позапрошлом веке. В учебниках по массажу Саркизова-Серазини, издаваемых в России, находим такую методику.

Со своими подопечными-студентами на занятиях по физической культуре регулярно провожу такие манипуляции, обучая приемам искусственного дыхания. Возможно, это пригодится в жизни кому-то или самому автору настоящих рекомендаций, если он сам окажется в кризисной аналогичной ситуации.

После летних каникул при первой встрече с группой всегда беседуем о жизненных проблемах. Несколько лет тому назад студентка Марина рассказывала: «Вашим методом искусственного дыхания я спасла двоих своих близких! Одного племянника на даче, который захлебнулся, и второго... собаку, подавившуюся костью!»

Эти примеры из практики могут обнадежить нас, что мы находимся на правильном пути.

В повседневной жизни у населения бытует такой прием: при попадании пищи в дыхательные пути поперхнувшегося ладонью ударяют по лопаткам. Такой прием, как мне кажется, чаще способствует более глубокому проникновению инородных предметов, но иногда такое постукивание ладонью приводит к благоприятному исходу.

Личный, более чем 50-летний, опыт по спасению людей свидетельствует о том, что акцентированное воздействие на дыхательную систему эффективнее. Все в жизни познается в сравнении!

Каждый человек обязан знать, как компетентно использовать спасительные манипуляции или методы оживления. Жизнь преподносит слишком много нестандартных ситуаций, и стопроцентной гарантии никакой специалист не даст. Превентивные меры и

методы эффективного оживления необходимо знать и не быть ни созерцателем, ни статистом, когда возникнет необходимость бороться за жизнь человека.

Описание приема по акцентированному воздействию на дыхательную систему пострадавшего:

1) немедленно, сохраняя самообладание, приступайте к последовательным манипуляциям спасателя;

2) сядьте на пол, опираясь о стенку, разведите ноги и плотно охватите сидящего спиной к спасателю пострадавшего;

3) кулак правой (левой) руки поместить под грудиной пострадавшего в области живота ниже мечевидного отростка – у диафрагмы, и другой ладонью накрыть кулак;

4) резко (без удара) сдавливайте – спереди и сбоку – грудную клетку и одновременно приподнимайте вверх пострадавшего;

5) предпринимайте повторно попытку, если с первого раза постигла неудача;

6) усилия спасателя по давлению на грудную клетку должны быть дифференцированными для взрослого или ребенка.

Проанализируем теперь иные нестандартные ситуации, возникающие в домашних условиях и на природе, например, во время турпохода.

Одна из довольно часто встречающихся в быту ситуаций: сидя за столом, едок поперхнулся крошкой хлеба. Действия спасателя: встать позади и применить аналогичные манипуляции, что изложены в п. 2, 3, 4, исключив опору о стенку.

Если ситуация произошла в лодке. Оба – пострадавший и спасатель – сидят на банках лодки, пострадавший слегка откинут назад. Действия спасателя: аналогичные действия, изложенные в п. 2, 3, 4, исключить опору.

Ситуация в плавательном бассейне или на водоеме. Стоя в мелкой части или у бортика бассейна, выполнять аналогичные манипуляции спасателя, что изложено в п. 2, 3, 4, можно и с опорой о бортик. В глубокой воде спасатель, держась одной рукой за опору (лодку, лестницу, корытце, поручень), другой рукой плотно охватывает пострадавшего. Кулак руки поместить под грудиной пострадавшего в области живота – диафрагмы и резко (без удара) сдавливать спереди и сбоку грудную клетку, приподнимая тело вверх. Желательно метод выполнять с подстраховкой партнера.

Случай, произошедший в глубокой воде. Спасатель выполняет движения ногами брассом, выполнив задержку дыхания, плотно охватывает пострадавшего, чтобы его рот находился над водой, осуществляет манипуляции, изложенные в п. 3, 4.

Если подросток спасает взрослого. Готовых рецептов нет. Приведу поучительный пример, в котором дети оказались прозорливее взрослых.

Дело было знойным летом 1960 г. в Омске, на Зеленом острове. 10-летние подростки резвились у берега. Неожиданно для отдыхающих, они выволакивают из-под воды за ноги бездыханное тело грузного мужчины на отлогий берег. Ноги человека ока-

зались выше головы (!), и подростки, недолго думая, стали по очереди прыгать на живот «безмерно взявшего на грудь» мужчины – выпивохи. Толчки на живот и, следовательно, на диафрагму оказали хорошее действие: стала вытекать вода из носа и рта, наладилось дыхание. Немного полежав, примерно обгорев на полуденном солнце, мужчина поинтересовался, кто его спас, и, поблагодарив подростков, отправился к кутившей компании собутыльников, так и не заметившей «утонутья» коллеги и его восхождения!

Отсюда вытекает мораль: выбирай друга не по выпивке, а в беде.

С этической стороны, педагоги, взрослые люди должны быть примером для детей и вести себя достойно. Иногда действия педагогов не соответствуют моральным нормам поведения, когда, изрядно выпив, они бросают подопечных в воде, забывая о том, что он должен быть и спасателем.

Группу особого риска представляют алкоголики. Дело в том, что алкоголик может захлебнуться при отторжении пищи из желудка в результате падения на живот, и пища перекроет дыхательные пути. При лежании во сне на груди или на спине при отрыжке дыхательные пути также перекрываются остатками еды. Дополнительно риск возрастает, если алкоголик страдает сердечно-сосудистыми, в том числе и эпилептическими, заболеваниями.

Данные, приводимые в таблице, объективно свидетельствуют о том, что чем больше алкоголя в крови, тем больше несчастий и жертв в воде.

Взаимосвязь гибели людей на воде и наличие у них алкоголя в крови в ГДР

Концентрация алкоголя в крови (%)	Число погибших
0,1 - 0,7	6
0,8 - 1,4	6
1,5 - 2,1	13
2,2 - 3,0	23
Более 3,0	1

Последняя строка таблицы может свидетельствовать о том, что эта жертва могла захлебнуться от глотка воды... и при более чем 3,0 % алкоголя в крови. Жажда отдыхающего требовала непременно напоследок попить водички.

Муравьи – представители живой природы – в повседневной практике используют манипуляцию своими лапками и усиками на теле утонувших сородичей при их оживлении. Такая оригинальная методика оживления весьма эффективна и часто приводит к возвращению к жизни.

И последнее. Автор будет считать свою задачу выполненной, если рекомендации по профилактике несчастных случаев при любой физической активности и примеры из жизни найдут практический резонанс в снижении травматизма и сохранении здоровья человека в быту.

АНДРОПОВА Ольга.

Авт. брош. «Дружеский призыв», изданной в Лозанне Об-вом народ. изд-ва им А.Герцена, 1918. С прилож. писем по поводу запрещения потребления спиртных напитков в России.

Кн. рус. зарубежья.

АНДРУСОВА-ФАУСЕК Юлия Ивановна.

(См. Фаусек Ю.И.).

АНЗИМИРОВА Мария Николаевна (урожд. Литке; псевд.: Манзи; Маран; 1831 – 1912), публицист.

Муз. педагог, общ. деятельница; племянница президента АН Ф.П.Литке; мать журналиста и общ. деятеля В.А.Анзимирова. Авт. кн.: «Женщина и ее судьба» (СПб., 1896); «Что посеешь, то и пожнешь», рассказ (СПб., 1898); «Причины нравственной физиологии женщины» (1901); «Правда о мужчинах» (1905). Некролог: «Женское Дело», 1912. № 23.

Масанов; Венгеров. Автобиографии.

АНИКИНА А.Е.

«Воля желанная: Пьеса для подростков, посв. памяти крестьян. реформы 19-го февраля 1861 г.» М., 1911. М.б. она же – «Нюра с Пресни» (рассказ) М., 1930.

Старцев.

АНИКИНА Эмилия Эдуардовна (урожд. Будкевич (Будкевичус); 1887 (1886) – 1983), автор воспоминаний и научных работ по растениеводству.

Род. в Барнауле, в семье ссыльного литовца, учка польского восстания 1863 г. Оконч. биологич. отделение Женевского ун-та, получив степень бакалавра. За границей вышла замуж за мордвина С.В.Аникина, рев.-народника, литератора (погиб в 1919). Знала языки, преп. в Барнауле. Переехав в Саратов, стала ученицей и сподвижницей Н.И.Вавилова, основателя отеч. школы генетики, геоботаники. Работала под его рук. на кафедре частного земледелия и селекции Саратов. ун-та. Хранила его письма, фотографии. Написала воспоминания о Вавиллове (опубл. частично в кн. воспомин. об отце Ю.Н.Вавилова «Рядом с Н.И.Вавиловым»; первонач. вариант хранится в ГАПО). Автор научной работы «Культурная растительность и ландшафт» (положит. отзыв Н.И.Вавилова) и др. Во время блокады Ленинграда переехала в Пермь и заним. изучением лекарственных растений Зап. Урала, исслед. степную и лесостепную растит. Северного края, описывала места, которые необходимо сделать запovedными. В 1976 уехала к сестре во Львов, где и скончалась.

Мишланова Л. Пермские жены. Пермь, 1998. С.20-27 (портр).

АНИСИМОВА.

Сотр. «Черного журнала» (1830-е гг.).

Венгеров.Источ.

АНИСИМОВА, авт. воспоминаний.

Жена сельского священника Вятской губ. «Из жизни сельской матушки» – Вят. епарх. вед., 1899. № 19. С.999-1005.

ИДРДВ. Т.3. Ч.1, № 1804.

(Продолжение в следующем номере)

Я - ХОЗЯИН родничка!

Отсматриваю на касете рабочие материалы первого областного фестиваля «Родники», состоявшегося во Дворце молодежи осенью прошлого года. Мелькает веселое мальчишеское лицо, а следом – интервью с ним.

– Я Олег Куваев, мне 10 лет, – звонко, – Я хозяин родника!

– Как это? – удивляется репортер.

– А я его нашел летом, – с гордостью продолжает мальчик. – Позвал ребят. Мы очистили его от веток и камешков. Вода там чистая и целебная. Попьешь – голова болеть перестанет. А через год пришли на это место. Рядом с родником банки, окурки, костровища. Ну, мы опять все почистили, мусор сгребли, с собой забрали – выбросить. А рядом табличку поставили: «Взрослые! Не губите родничок! Он живой!»

Человек и природа

РЕКА ВРЕМЕНИ

Вот это пронзительное «Не губите!», по-детски наивное, но по-граждански сильное, – и есть мучительно ожидаемый педагогический результат. «Не губите!» – это личностная позиция и нравственная оценка ситуации, надежда на понимание взрослых. Какой может быть успех у ребёнка без понимания и поддержки взрослого человека?

Недавно беседовала с педагогом сельской школы, заговорили о проблеме детской нетерпимости, агрессии. «У нас очень много равнодушных ребят», – ответила она, усмотрев в этом главную причину проблемы.

Чтобы равнодушных не было...

Пять лет назад ЦДО «Дворец молодежи» и его отделение по туризму и краеведению сделали первые шаги в реализации государственной областной программы «Родники». Тогда в области было 17 детских эколого-краеведческих отрядов, а сегодня их 700. Обустроено более 1000 колодцев, родников и скважин.

Валерий Брук, генеральный директор центра дополнительного образования «Дворец молодежи», считает, что «Родники» помогают воспитывать нормальные человеческие чувства не только к природе, но и друг к другу, чувство ответственности, сопричастности к проблемам экологии, да и ко всему происходящему на этой земле.

– Ребята откликаются всей душой, понимают, как это важно сегодня. Было бы только такое же чистое родниковое понимание и у взрослых.

Урал – крупнейший промышленный центр России, а экологическое состояние рек и озёр близко к катастрофическому. Программа «Родники» имеет ещё одну цель – использование, охрану и обустройство источников нецентрализованного водоснабжения на территории Свердловской области. Не зря победитель конкурса по возрождению в России родовых имений В.П. Войницкий, награждённый премией губернатора Свердловской области, считает, что размер земельного участка должен составлять не менее одного гектара. Вряд ли кто станет загрязнять свою собственную землю, а такой площади достаточно, чтобы иметь для семьи неиссякаемый источник подземной воды. Тысячи и тысячи владельцев скважин на садовых участках и коттеджных посёлках оценили скважинное водоснабжение. Под землёй хранятся неиссякаемые запасы пресной воды, но, увы, не все осознают это. Много сегодня делают дети и родители. Это – и картография, и каталоги, и мониторинг, и акции по очистке, охране и обустройству родников. Но этим должны проникнуться все взрослые, прежде всего руководители, главы районов и городов. Говоришь с иным человеком, а у него холод в глазах. Поэтому педагогическая миссия Дворца выражена в простой и ясной формуле: «Чтобы равнодушных не было» – не только среди детей, но и среди взрослых.

Я знаю, с какой радостью и желанием приезжают педагоги дополнительного образования на се-

минары отделения туризма и краеведения к К.А. Лузиной. Эти семинары проходят с участием специалистов министерства по охране природных ресурсов, Уральской гидрогеологической экспедиции. А это – учёные, инженеры-геологи. Это учёба и общение. «Родники» для нас логическое продолжение туристско-краеведческой и экологической деятельности. И эта работа ведётся целенаправленно, осмысленно научно и методически.

Исследователи и поэты

– Ребёнок вступает на лесную тропу. И ему открывается совершенно другой мир, – говорит Клавдия Лузина, начальник отделения туризма и краеведения, – эта работа детей вдохновляет. Поэтому они пишут столько стихов, рассказов. Можно уже сборник издавать литературного творчества юных геологов, экологов, краеведов. А рисунков – необъятное множество. Эпизодические действия по уходу, благоустройству родников переросли в социально значимое явление. Юные туристы исходили десятки километров лесных троп. Вот несколько примеров. В городе Артемовском в школе №21 создан экологический центр. Ребята обследовали 14 родников, сделали гидрохимические анализы по 25 показателям воды. В селе Конево Невьянского района учащиеся центра «Соболь» обследовали и обустроили 10 родников. Здесь они работают в тесном контакте с главой сельской администрации. В школе №17 г. Полевского ребята обследовали и обустроили 20 родничков. Не везде идут навстречу хозяйственники. Отмалчиваются: мол, дел много, денег нет. И ребятам приходится проявлять упорство, упрямство, добываясь своего, доказывая необходимость обустройства «голубых минералов» – как мы называем родники.

В Сысерти создана целая система работ по программе «Родники». Центр детского творчества заключил договоры о совместной деятельности по этой

На роднике «Серебряное копытце»

программе с образовательными учреждениями поселков Бобровский, Двуреченск, Б.Исток, Патруши, Кашино, Щелкун, В.Сидельники, В.Сысерть.

За этими строчками – широкая экспедиционная деятельность. В 2004 году дети обеспечили водой 50 тысяч человек! Проведено 73 экспедиции!

Перечень можно продолжать и продолжать. Для нас «Родники» – это проект педагогического и детского успеха. Успешный педагог – успешные дети. Другого не дано. В Камышловле работает замечательный человек, влюблённый в своё дело – Юрий Васьков, краевед, путешественник, педагог дополнительного образования, руководитель клуба «Гренада», где занимается Рома Марков, герой стихов и песен, которые ежегодно публично читаются на областных слётах. Мальчишка стал поэтическим символом защитника родников. У Васькова и дети такие же активные, творческие, как и он сам. А ещё – Ирина Машковцева, директор внешкольного центра творчества в Сысерти, Александр Ваганов, директор школы пос. Гагарка МУО «Заречный», Татьяна Щапова, методист из Артинского центра творчества, и многие другие. Удивительные люди, энтузиасты!

В таких районах как Сысертский и Артинский, «Родники» переросли в детское общественное движение. Отряды «Родники» работают в каждой школе Артинского района. Первые три года изучали обстановку и составляли карты месторождения наземных вод, а в 2004 году приняли решение шефствовать над родниками. Отряды организованы не только в школах, но и в детских садах «Солнышко» и «Сказка», в социальном реабилитационном центре «Полянка». И результат впечатляющий: очищено 89 родников, 13 колодцев. Взято шефство над 46 родниками. Свыше 2000 детей участвуют сегодня в движении.

Программа активизирует исследовательскую деятельность учащихся. В краеведческом конкурсе «Горнозаводской Урал» на секции «Природа Ура-

ла» приняли участие 15 юных исследователей из 4 территорий области. Состоялась презентация проектов: «Реки Ревдинского района», «Озеро Ирбитское – уникальный гидроэкологический памятник»...

Она живая!

Вновь включаю «play». На вопрос нашей программы «Час дворца молодёжи»: «Кого ты считаешь успешным человеком?» – отвечают ученицы Пироговской средней школы, активисты «Родников». Наташа Жилванова: «Я считаю, что глава нашей администрации Валентина Михайловна успешный человек, потому что она заботится о наших сёлах, помогает в благоустройстве, помогает поддерживать красоту и чистоту. Она ответственный человек». Ирина Попова: «Я люблю делать что-то полезное людям, чтобы люди могли пить воду из этих колодцев». Елена Блинова: «Это моя родина. Мне приятно смотреть, когда здесь порядок. Это значит и в головах порядок».

Таня Кожеурова из Камышлова на вопрос: «Что тебе дают «Родники»?», – ответила: «Я в экспедиции научилась кашеварить и писать стихи».

А юный краевед Серёжа Петров из Красноуральска прочитал стихи Маши Зениной, которые опубликованы в альманахе «Родники»:

Стоит колодец маленький,
Журавлик скрип да скрип.
Осенний листик капелькой
К ведёрочку прилип.
Все люди наклоняются,
Чтоб зачерпнуть воды.
Колодцу очень нравится,
Что наклонились мы.
Побольше, люди, кланяйтесь
Колодезной воде –
Такого чуда светлого
На свете нет нигде!

Довольны результатом работы

Серебряное копытце

Бутырская скважина

Наташкин родник
Родник Шумовой

Хочешь двигаться – ищи попутчика!

Свердловский областной
клинический психо-
неврологический госпиталь
для ветеранов войн

УРАЛЬСКИЙ
МЕБЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР

**ХИМТЕХ
СТРОЙ**